

A close-up photograph of a woman with long, wavy blonde hair. She is wearing a dark red, off-the-shoulder dress with a gold-trimmed neckline. A gold chain necklace with a large, ornate pendant hangs around her neck. Her hands are visible, holding a large, intricate gold brooch. The lighting is dramatic, highlighting her skin and the textures of her clothing and jewelry.

Анна Марион
В ТЕНИ

Annotation

Белокурая Альянора Нортон и рыжеволосая Бригида Гиз знают друг друга с колыбели и считают себя почти сестрами. Бригида — скромная девушка и послушна воле своего отца. Ее судьба — выйти замуж за того, на кого ей указали. В красавице Альяноре, дочери королевского советника, живет честолюбие и жажда власти. Когда весть о разводе короля Генриха Восьмого с королевой Екатериной достигает белокурой красавицы, она делает все, чтобы попасть в Лондон и стать фрейлиной новой королевы Анны Болейн. Действие книги происходит в Англии, периода правления Генриха Восьмого, а именно в период его развода с Екатериной Арагонской и женитьбы на Анне Болейн.

- [Анна Морион](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
-

Анна Морион
В тени

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Лето, 1526 год

Мелкая морось, заставшая девушек в цветочном поле, вскоре превратилась в проливной ливень, и их длинные, и без того тяжелые летние платья промокли насквозь. Мокрые подола отяжелели и липли к ногам, мешая бежать к замку, в поисках убежища.

— Мой чепец! — вдруг услышала Альенора позади себя. Высокая и длинноногая, она уже успела перепрыгнуть широкую лужу, успевшую образоваться на поле, но без колебаний вернулась к своей подруге.

Бригида все еще находилась на другом конце этой самой лужи и, склонившись так низко, как это делают слуги ее отца, принимая его приказы, водила руками по мокрой земле.

— Что там? Бригида, поспеши! — крикнула Альенора, но, не желая вновь перепрыгивать лужу, осталась на месте.

— Мой чепец! Он упал с моей головы! — с беспокойством в голосе громко ответила Бригида.

— Упал, ну и Бог с ним! — попыталась подбодрить подругу Альенора.

— Но это мой любимый... Подарок матери на пятнадцатилетие! — Бригида ни на миг не останавливала свои поиски, но результата они не приносили.

— Мы поищем его завтра, обещаю! — Альенорой овладело нетерпение: она дрожала от холода, а ее мокрое платье приносило ей чувство омерзения.

— Но он испортится! Бархат! Жемчужины! Все! — едва не плача, с отчаянием крикнула Бригида. Она бросила поиски, разогнула спину и всплеснула руками.

— Хуже уже не будет! Уверена: твой чепец успел так промокнуть, что искать его сейчас в этой грязи, под этим ливнем нет никакой надобности! — весело, не к месту, сказала Альенора. — Но я обещаю, что завтра мы вернемся и найдем его вместе! А сейчас бежим в замок! Пожалуйста! Я умираю от холода!

— Обещаешь? — переспросила Бригида, и на ее лице засияла счастливая улыбка: ах, Альенора! Ей всегда удается найти нужные слова!

— Обещаю! Да заберет Господь мою душу, если я не выполню свое обещание!

Ободренная подругой, Бригида откинула с мокрого лица свои длинные мокрые волосы, приподняла подол платья, сделала шаг вперед и, вдруг поскользнувшись на комке липкой грязи, с тихим криком удивления, упала лицом вниз. Когда она поспешно поднялась на ноги, ее подруга весело рассмеялась.

— Ах, моя дорогая! Ты стала похожа на самую настоящую крестьянку! — воскликнула Альенора и вновь расхохоталась. Она понимала, что подруге был неприятен этот ее смех, но ничего не могла с собой поделать: смех разрывал ее легкие.

Бедная Бригида! Ее лицо было вымазано в жидкой земле, а почти новое платье выглядело так, словно на него вылили несколько ведер коровьего навоза. Волосы девушки были измазаны грязью, ладони и ногти — черны. Она выглядела так плачевно, что, проезжай рядом ее отец, он не узнал бы родную дочь.

— Прости... Прости! — Альеноре все же удалось унять свой смех и, лихо, как молодой олень, перепрыгнув лужу, девушка поспешила на помощь подруге. Впрочем, ее старания не увенчались успехом: лицо Бригиды оставалось черным, а платье грязным.

— Какая я неловкая... Мать Божья, что скажет матушка, когда увидит меня в таком виде? — запричитала Бригида, но тотчас прыснула от смеха: — Она сказала, что сегодня в замок приедет Вильям Тьюри! Он будет просить моей руки! Представь его глаза, когда я войду в зал!

— Он не увидит тебя, глупышка! Мы проведем тебя через кухню! — решительно заявила Альенора и взяла грязную ладонь подруги в свою, не брезгуя ею, но желая показать свою сестринскую любовь. — Бежим!

— Бежим! — откликнулась на это Бригида, крепко сжав ладонь Альеноры.

Девушки пустились стремглав, словно были не молодыми мисс, а парой косуль. Они ловко перепрыгнули лужу, добрались до небольшого леса, окружающего замок семейства Нортон, владельцем

которого являлся отец Альеноры, советник короля Джейкоб Нортон, и со смехом бросились к черному выходу, ведущему на большую кухню.

— Матерь Божья! Мисс Бригида, это вы? — ахнула одна из служанок, нарезающая на тонкие куски мясо жареного нежного поросенка.

— Я упала на землю! — весело крикнула ей девушка. — Только не говори матушке!

— Ваша матушка повсюду вас ищет! — недовольно отозвалась служанка. Как и вся прислуга замка, она относилась к подруге дочери своих хозяев, как к собственной сестре, конечно, помня о том, что та была намного выше их по положению. — А вас, мисс Альенора, ищет ваш отец! — добавила она и направила кончик своего длинного широкого ножа на дверь, ведущую вон из кухни. — Идите-ка отсюда, пока они не заметили вас здесь! Да еще и в таком виде!

— Уже уходим! Не сердись ты так! — рассмеялась Альенора и, потянув за собой Бригиду, направилась к низкой деревянной двери, ведущей на лестницу для прислуги, скрытую от глаз хозяев и гостей.

— Нам нужно быть тихими, как мышки! — шепнула Альенора подруге, когда те быстрым шагом поднимались по каменной лестнице, которая пахла сыростью, а кое-где была покрыта мхом. — Тебя нужно выкупать в теплой воде с травами... А платье, увы, придется выкинуть! Но не печалься: если Вильям Тьюри, этот красавец, попросит твоей руки, тебе сошьют дюжину... Нет, две дюжины новых платьев! И украшения! Их купят для тебя, самые красивые, самые...

— Альенора! — вдруг раздался женский голос откуда-то сверху. Этот голос, эхом отдающийся от крепких каменных стен довольно узкой лестницы, принадлежал матери девушки, леди Франческе Нортон.

— Матушка! — ахнула Альенора и, прижав Бригиду к стене, прошептала ей на ухо: — Я пойду первой! Нельзя, чтобы моя мать увидела тебя! Она так ценит чистоту, что упадет в обморок при виде такой красавицы, как ты!

— Хорошо, я подожду здесь! Только прошу, найди мою мать и попроси ее подготовить для меня лохань с теплой водой! Отец не должен узнать о том, что я появилась в замке черная, как старая бездомная бродяжка! — едва слышно ответила Бригида.

— Я так и сделаю! Постой пока здесь! — Альенора отпустила ладонь подруги, приподняла мокрый подол своего платья и торопливо поднялась к ожидающей ее матери. — Матушка, не гневайтесь! Не моя вина в том, что пошел дождь!

— Дитя мое, тебе нужно переодеться... Нас посетили титулованные гости! Такое случается лишь раз в жизни, и я не позволю тебе испортить этот момент... — говорила возмущенная леди Нортон, но вскоре ее голос исчез за дверью, и последние слова Бригиде разобрать не удалось.

«Гости! А мне так посчастливилось упасть в грязь!» — с насмешкой над собой улыбнулась девушка. Она вновь окинула взглядом свои платье и руки, глубоко вздохнула, смиренно приняв свое неловкое положение, и, немного подождав, медленно направилась вверх. Однако, не преодолев и трех ступенек, Бригида услышала, как наверху открылась и громко ударилась о стену та самая дверь, за которой еще недавно скрылись Альенора и ее мать, и лестницу вдруг наполнил громкий, наполненный недовольством мужской голос.

— А теперь послушай, Екатерина: мы останемся здесь так долго, как мне того захочется! Я не желаю ехать верхом под проливным дождем! Но ты, если так торопишься в Лондон, можешь ехать без меня! — Этот голос был похож на раскат грома, и Бригида невольно прижалась к влажной холодной стене.

По спине девушки пробежали мурашки страха: так напугал ее этот сильный властный голос.

— Вы правы, мой дорогой супруг. Прогулки под дождем — не лучшее из удовольствий. — Послышался мягкий женский голос. — Я буду рада составить вам компанию в этом уютном и таком живописном краю. Наша дочь поймет наше опоздание и, конечно, не будет держать на нас обиду.

— Я рад, что ты находишь это место живописным, — парировал мужской голос, и в этот раз в нем чувствовался холод.

— Когда вновь выйдет солнце, мой дорогой супруг, мы сможем совершить прогулку по окрестностям. Если вы того пожелаете, мы возьмем с собой мисс Анну Болейн и мисс Мэри Кэрри. — Женский голос оставался все таким же мягким и теплым, и этот контраст настолько удивил Бригиду, что она невольно приложила ладонь к груди и ахнула от боли за незнакомку.

Девушке показалось, что ее вздох не был замечен, но стены, повторившие его тихим эхом, предали ее.

— Эй, ты там! Сюда! Живо! Это еще что? Шпионы в замке Нортонгов? — вдруг услышала девушка полный гнева мужской голос, и, побледнев, ни жива, ни мертва, она поспешила ответить.

— Я не шпионю, сэр! Я просто поднималась по лестнице! — пискнула Бригида, молясь в душе, чтобы ей разрешили остаться на месте, ведь она боялась встретить обладателя этого страшного голоса и того, что он скажет ей.

— Я сказал, сюда!

— Иду, сэр!

На глаза Бригиды навернулись слезы. Она поднималась по лестнице, почти не дыша, и смахивала со своих щек эту соленую влагу, которая не только не смывала с них грязь, но размазывала ее еще больше.

Вскоре, дрожа от страха и не смея взглянуть на стоящих перед ней леди и ее супруга, Бригида остановилась перед неизвестными ей гостями и опустила перед ними в глубоком реверансе.

Лестницу тотчас заполнил громкий глубокий мужской смех.

— Так вот эта птичка, которая шпионила за нами! — обратился мужчина к своей супруге, а затем бросил Бригиде: — Вы неважно выглядите, молодая мисс.

— Благодарю вас, сэр, — поспешно сказала девушка, и лишь потом поняла, что сделала ошибку: мужчина рассмеялся еще громче.

— Ну что вы, мисс, это явно не моя заслуга! — сквозь смех, сказал он.

— Простите мне мою глупость, сэр! — желая исчезнуть, раствориться в воздухе, воскликнула девушка. Ей стало так стыдно за свое глупое поведение и бестактные слова, что, не будь ее лицо покрыто грязью, гости замка увидели бы его таким красным, каким можно увидеть спелое яблоко, вобравшее в себя теплые солнечные лучи.

— Дорогая мисс, что же с вами приключилось? — спросила женщина. Ее голос прозвучал ласково, словно ей было жаль эту бедную замарашку, стоящую перед ней.

— Я была в цветочном поле, моя леди... Пошел сильный дождь, и я побежала в замок, но по дороге поскользнулась и упала лицом в

грязь, — тихо промолвила Бригида. Она не смела поднимать на лица незнакомцев взгляд и смотрела лишь на длинный подол расшитого золотыми нитями синего платья женщины и высокие охотничьи сапоги мужчины.

— Вот оно что! Значит, вы не прислуга? — уже более спокойным тоном спросил мужчина.

— Нет, сэръ. Я дочь...

— Не важно. Идите в свою комнату и приведите себя в порядок! — властно приказал незнакомец. — Идите же!

— Сию же минуту, сэръ! — Бригида выпрямила ноги и, низко опустив голову, быстро обошла незнакомцев, открыла тяжелую деревянную дверь и вышла в широкий коридор. Ее щеки горели от стыда, и она корила себя за то, что не смогла промолчать и выдала свое присутствие.

Что они подумали о ней? Что она шпионка? Что она нарочно спряталась на лестнице, чтобы подслушать их? А что, если об этом услышит ее строгий отец? Или, что еще хуже, молодой красавец Вильям Тьюри? Она будет молчать и надеяться на то, что леди и ее супруг никогда не узнают в этой грязной неуклюжей девчонке дочь опального Ричарда Гиза, который и без того находится в немилости у короля.

Когда Бригида наконец-то зашла в свои покои, где, как оказалось, ждала ее мать, первым, что она услышала, было слова о том, что она плохая дочь, что своим видом она позорит имя своей семьи и, если появится перед матерью в таком виде еще раз, пусть пеняет на себя! Монастырь сможет перевоспитать эту негодницу!

Мягкосердечная девушка слушала упреки и обидные слова матери молча, склонив перед ней голову. Она не сказала ни слова в свою защиту: разве это хоть когда-то помогало? Сколько раз она уже слышала эти слова? Ее мать, вспыльчивая и гордая дальняя родственница ныне усопшей английской королевы Елизаветы Вудвилл, ждала от единственной дочери, что та возвысит имя их семьи и вернет им королевскую милость, которой лишил их король из-за неловкой шутки отца семейства о цепкой королевской фаворитке Анне Болейн.

Злопамятной мисс Болейн стоило лишь с печальным видом обронить королю пару слов о том, что Ричард Гиз посмеялся над ней, и тот без объяснений отослал верного слугу со двора и лишил его всех

званий и титула баронета. И уже два года как семейство Гиз находилось в опале, без имени, без особых средств к существованию и с огромной обидой на Анну Болейн. Однако Бригида не считала Анну виновной в падении их семьи: отцу следовало быть скромным и держать язык за зубами... Это из-за его неуместной остроты путь в королевский дворец был для нее закрыт, чему, на удивление, девушка была рада, ведь она так любила свою милую чудную глушь, отцовский замок и запах цветочных полей, окружающий его.

Нет, Бригида никогда не желала стать фрейлиной Ее Величества королевы Екатерины, никогда не стремилась обратить на себя внимание короля и надеялась, что вскоре станет супругой молодого темноволосого красавца Вильяма, в которого она была влюблена с тех самых пор, как увидела его на одном из празднеств, устраиваемых отцом Альеноры, лордом Нортонем. К счастью, несмотря на то что имя Гизов было втоптанно в грязь, лорд Нортон не отвернулся от старого друга Ричарда, поэтому Бригида проводила недели и даже месяцы вместе со своей подругой Альенорой в большом старинном замке Нортонев, известном своей роскошью.

Пока леди Гиз отчитывала дочь, в покои неслышно зашел Ричард Гиз. Увидев Бригиду, похожую на свинопаску, он ничего не сказал, но окинул ее презрительным холодным взглядом и обратился к своей супруге:

— Кто видел ее такой уродиной?

— Не знаю, мой дорогой супруг... Я еще не успела спросить ее об этом, — извиняющимся тоном ответила ему та и, вновь взглянув на провинившуюся дочь, строгим голосом спросила: — Кто видел тебя? Признавайся! Слуги?

— Да, матушка. Слуги на кухне, — едва слышно ответила Бригида. Приход отца напугал ее: он никогда не был так многословен, как матушка, но именно он ввергал ее в ужас своим ледяным взглядом и редкими, но такими обидными колкостями. Сэр Ричард умело держал своих домочадцев в страхе, и даже его супруга, эта знающая себе цену женщина, побаивалась его гнева.

— Кто еще? — допытывалась мать. Ее голос ни на миг не терял своей строгости.

— Альенора... Она была со мной на поле, когда начался ливень. — Девушка сглотнула и, не смея взглянуть на отца и мать,

робко спросила: — Могу ли я попросить вас, матушка, приказать принести теплой воды?

— Теплой воды? И в холодной искупаешься! — насмешливо усмехнулся сэр Ричард. — И где ты так измазалась, маленькая замарашка?

— Я упала в грязь, отец... Было очень скользко... — начала было Бригида.

— Упала. В следующий раз, когда будешь падать, не забудь разбить свою глупую пустую голову, — спокойным тоном перебил дочь сэр Ричард. — Это платье обошлось мне в целое состояние, а ты испортила его. Даже не мечтай получить новое! В замке такие гости, а она шляется по полям, как какая-то крестьянка!

— Со мной была Альенора, сэр... И о том, что придут гости, мы не слышали. — Девушка прикусила губу: она всегда делала так, когда изо всех сил сдерживала слезы. Плакать при родителях ей было запрещено: она не раз слышала от них, что ее слезы никому не нужны, и что они лишь вызывают в их сердцах отвращение к ней.

Бригида была послушной и прилежной дочерью, но сэр Ричард и его супруга Джейн всегда находили в ней что-то неказистое, всегда обнаруживали в ней изъяны. Слава Богу, она была красива, так красива, что в этом краю ее прозвали «Пламенной Розой», казалось, она унаследовала легендарную красоту Елизаветы Вудвилл, но и это не спасало ее от насмешек и грубых замечаний родителей: к чему им такая красивая дочь, если они не могут уложить ее в постель короля и через нее добиться бывшего богатства и вернуть то, что он у них отобрал?

— Приведи ее в порядок, и пусть наденет лучшее свое платье, — сказал сэр Ричард своей супруге, даже не удостоив дочь взглядом. — И пошевеливайтесь: король должен увидеть ее во всей красе! Ведь кто знает, возможно, он вдруг решит поехать дальше? Этот Генрих такой непредсказуемый! — Он торопливо покинул покои дочери, не забыв громко хлопнуть дверью.

— Король? — непонимающе спросила Бригида, все же подняв на мать взгляд.

— Дождь залил тебе уши? — скривила лицо леди Джейн. — Да, король здесь! Со всей своей свитой! Он здесь, а ты посмела явиться, покрытая грязью! Или это коровий навоз?

— Всего лишь грязь, матушка...

— Мэри! — не дослушав слова дочери, громко крикнула леди Джейн. — Мэри! Да где ходит эта лентяйка?!

— Я здесь, моя леди! — В покои тихо, как мышь, юркнула пожилая служанка, с сильными грубыми, как у мужчины руками, и покрытым глубокими морщинами лицом.

— Принеси воды и отмой эту свинью. Да поживее! — сдвинув брови у переносицы, приказала леди Джейн и через миг исчезла за дверью.

Глава 2

— Ты должна поприветствовать их так, чтобы потом они разглядели твое лицо в тысячах других. Говорят, с тех пор, как король увлекся Анной Болейн, он и его супруга... Как бы сказать помягче... Он не приходит в ее спальню уже два года и все свое время проводит со своей фавориткой... — громким шепотом говорила леди Гильда Нортон, помогая своей белокурой дочери сменить мокрое насквозь платье на великолепное, совсем недавно сшитое, украшенное белыми жемчужинами голубое шелковое платье.

— Затяните киртл (подобие корсета того времени. Прим. Автора) потуже, матушка... Да, вот так, моя талия должна быть тонкой, как талия бабочки, а грудь высокой и налитой нектаром, — перебила Альенора мать: в то время, как леди Гильда наряжала ее для того, чтобы она смогла привлечь к себе внимание королевских особ, девушка тщательно расчесывала широким деревянным гребнем свои влажные волосы. К счастью, жаркий огонь камина, у которого стояли дамы, смог иссушить белые кудри Альеноры почти полностью. — Но вы правы, матушка: о том, что Его Величество увлечен леди Анной Болейн, знает вся Англия... Да что там! Вся Европа! Должно быть, племянник королевы рвет и мечет, зная, с каким пренебрежением относится к ней ее супруг и половина королевского двора!

— Не только он, но и вся Испания гудит, как пчелиный улей! Генрих и раньше не упускал возможности уложить в свою постель юных красавиц, но всегда возвращался к Екатерине. Но с Анной Болейн все по-другому. Она отравляет его разум уже несколько лет, и это неслыханно! Он никогда не держался за подол платья одной и той же дамы так долго.

— Значит, в этой женщине есть что-то особенное, — глубокомысленно заключила Альенора. — Мне ни капли не жаль королеву: она старше Генриха, к тому же так и не принесла ему наследника, а ведь он так нужен. Нужен не только королю, но и всей Англии!

— Тише, любовь моя, попридержи язычок! — шикнула на дочь леди Нортон и так сильно потянула за шнуровку киртла, что та даже выдохнула — так туго он был затянут. — Екатерина — великая женщина! Ее родители — Изабелла и Фердинанд! Когда она была молодой, Генрих был без ума от ее красоты и женился на ней, несмотря ни на предостережение своей строгой бабушки, ни на недовольство двора...

— Вы сами сказали это, матушка: «Когда она была молодой»! — хихикнула девушка, откладывая от себя гребень и расправляя складки на подоле своего богатого платья.

— Но ты ни разу не видела ее, как ты можешь смеяться над ней? — недовольно проворчала леди Нортон. — Я увидела ее в холле и даже посмела сказать ей пару слов, и она так ласково ответила мне... Екатерина все еще красива, а ее осанка так величественна, что ты без слов поймешь: перед тобой стоит королева Англии. Она любима народом, как и ее дочь Мэри. И, запомни мои слова, дорогая моя: Анна Болейн не выиграет битву за сердце Генриха. Он вернется в спальню своей законной супруги и зачнет с ней сына.

— А что станет с Анной? — равнодушно спросила Альенора.

— Понятное дело, ее отошлют домой, или, что еще хуже, прогонят со двора и покроют ее имя вечным позором... Ах, моя красавица дочь! Ты сияешь, как солнечный зайчик в темной комнате! — Леди Нортон прошлась вокруг своей дочери и, взяв ее тонкие нежные ладони в свои, добавила: — Ты затмишь всех! Даже эту бесчестную фаворитку короля!

— Увы, матушка, Бригиду мне затмить, — несколько раздраженно бросила на это Альенора.

Белокурая, с голубыми, как летнее небо глазами, Альенора была красавицей и знала цену своей красоте. И все же ее скромная подруга, названная сестра Бригида, медноволосая и синеглазая, превосходила ее красотой. Именно Бригиду называли «Пламенной розой», и в данный миг, когда замок Нортон посетил король, Альенора чувствовала к ней легкую зависть.

«Да что же это! Бригида мне как сестра! Если король обратит на нее внимание, грех будет не порадоваться за нее! — пронеслось в разуме девушки, и на ее лице появилась легкая улыбка. — И ведь сама Бригида не желает другой участи, кроме как стать женой этого

распутника Вильяма... Он пытался поцеловать меня. Дважды. Но я хорошо проучила этого дурака, вырвав густой клочок его волос! А Бригида, кажется, влюблена в него... Бедная душа!»

— Возможно, красотой ты ей уступаешь, но во всем другом именно ты держишь первенство: ты прекрасно играешь на лютне и арфе, поешь так сладко, как птицы в мае, и танцуешь так грациозно, как плывет по реке белый лебедь. Тебе ли бояться, ангел мой? — с гордой улыбкой за успехи дочери, промолвила леди Нортон.

— Я не боюсь, матушка! Во мне нет ни капли страха! — нахмурилась Альенора. — Найдите поскорее служанку, чтобы она сделала мне достойную прическу, а сами найдите самый красивый чепец, который только имеется в нашем замке.

— Доверять такое дело служанке! Я сама причешу тебя, моя дорогая, — отозвалась хозяйка замка, схватила гребень и принялась за прическу Альеноры. — Как только король и королева сменят свои наряды, начнется пир. Твой отец велел подать на стол все самое свежее... Также для тебя уже поставлена твоя любимая арфа: мы заставим Генриха услышать твой голос и влюбиться в него... Ах, надеюсь, он потанцует с тобой и ни разу не взглянет на Бригиду!

— Бригида мне как сестра, матушка. Не говорите о ней плохо, — прохладным тоном напомнила девушка матери.

— Конечно, мой ангел, я знаю это и желаю ей только счастья, — улыбнулась леди Нортон, подумав про себя, что в борьбе за внимание короля, дружба и сестринская любовь меркнут так же быстро, как уходит солнце в зимние дни. — Я слышала, твой кузен интересовался нашей красавицей Бригидой... Они были бы хорошей парой.

— Ну, что вы, этот разиня Оуэн и мизинца ее не достоин! Тощий, как скелет, уродливый глупый карлик! — фыркнула Альенора.

— Оуэн — наследник твоего дяди, и после его смерти унаследует его земли и замок... Не забывай, в каком положении находится семейство Гизов. Кто еще захочет жениться на дочери опального бывшего советника?

— Кто-то да женится. Она настолько прекрасна, что, увидь ее какой-нибудь холостой принц из Европы, он бы без раздумий забрал ее с собой и посадил бы на свой престол.

— Именно поэтому, дочь моя, Генрих должен видеть и слышать тебя, а не ее, — многозначительно сказала леди Нортон. — Сияй, как

золотой перстень на солнце, искрись, как чистый изумруд, будь живой и смешливой, и сам король Англии упадет к твоим ногам.

— Ах, матушка, вы забываете о том, что его сердце принадлежит Анне Болейн! Как мне сравниться с ней в искусстве соблазнения? Нет уж, король мне и даром не нужен! Мне хватит и молодого красивого герцога! — рассмеялась Альенора, а ее мать терпеливо вздохнула и продолжила свой нелегкий труд.

Когда Альенора и Бригида, в сопровождении родителей, вошли в зал, в котором уже собралось не менее ста гостей, которые входили в свиту Его и Ее Величеств короля и королевы Англии, их красота была тотчас замечена, и уже через несколько мгновений девушек окружили молодые приближенные Генриха, среди которых так же был старший брат Анны Болейн Джордж. Этот вельможа так и вился вокруг Бригиды, но быстро нашел ее скучной и пресной и обратил все свое внимание на ее подругу. Вскоре медноволосая мисс Гиз, несмотря на свою неповторимую внешность, стояла у стены, рядом с испанскими фрейлинами королевы Екатерины, а Альенора смеялась и шутила в толпе поклонников. Действительно: леди Нортон не солгала, сказав, что Альенора всегда берет верх над своей почти сестрой. Кому нужна красивая, но тусклая драгоценность, когда можно взять другую, менее красивую, но сияющую?

Флиртуя с Джорджем Болейн, который, впрочем, уже был связан узами с Джейн Паркер, фрейлиной королевы, Альенора незаметно искала взглядом короля Генриха. Ей было известно, что король обладал высоким ростом и громким голосом, однако среди гостей не было ни одного похожего на это описание мужчины.

Король не явился. Королева тоже. И, услышав от одной из фрейлин, что Их Величества решили отдохнуть и присоединятся к хозяевам гостеприимного замка Нортон лишь завтра за завтраком, присутствующие в обеденном зале зашептались. Кто-то из придворных выглядел весьма недовольным, а на лице некоторых, в том числе и семейства Болейн, сияла понимающая улыбка. Болейны знали: король и королева крупно поссорились. В который раз. Но, кажется, Екатерина Арагонская настолько сильно уязвила своего супруга своей выдержкой и стойкостью, что тот не желал никого видеть, даже свою дорогую Анну, которая, однако, не посчитала нужным также остаться в

своих покоях и вовсю веселилась, как и все другие представители королевской свиты.

Кое-кто из леди, приближенных к Анне Болейн, посмеивались и шептались так громко, что и Бригида, и Альянора могли без труда расслышать их разговоры, которые не сумела заглушить даже музыканты, играющие на лютне, флейте, ребеке и блокфлейте.

«Отец недоволен... Того и смотри, разобьет что-нибудь от злости! — хихикнула про себя Альянора. Она несколько не расстроилась оттого, что не увидела Генриха Восьмого этим вечером, ведь кружок поклонников, наперебой слагающий в ее честь сонеты, не давал ей скучать. — Но вы только взгляните на мисс Болейн! Какая грация, какая величественная осанка и взгляд волчицы! Но говорить, что она красива, я бы не стала. Да, миловидна, приятные черты лица... Но и все. И чем только она так заморозила короля? Ее сестра Мэри намного красивее... Эти горящие золотом волосы! Недаром она была в его постели и родила ему двух бастардов... Которых, однако, он так и не признал. Подумать только: две сестры, и обе сумели покорить Генриха! Должно быть, мисс Мэри обидно видеть успех младшей сестры... Должно быть, ее сердце обливается кровью от того, что отец ее детей предпочел ей ее родную сестру!»

Альянора была права: мисс Болейн, фаворитка короля Англии, соперница королевы Екатерины, не была писаной красавицей, но что-то в ней было мистическим, притягательным, даже колдовским. Ее глаза, грациозные движения, высокая молочно-белая грудь, черные волосы... И французский акцент, который она без зазрения совести использовала, недаром же она провела свои юные годы жизни при дворе французской королевы! Эта женщина знала себе цену и знала, как удержать короля. Она была строптивой и страстной, именно такой, какой желал видеть ее Генрих. Анна видела, как раздражает короля послушание и спокойствие его супруги, и играла на этом. Любила ли она его? Об этом было известно лишь ей самой.

Любил ли Анну Генрих? Любил. Отчаянно. Он желал обладать ею. Желал, чтобы его супруга умерла и оставила его вдовцом, тогда бы он женился на любимой женщине и короновал ее королевой Англии. Она подарила бы ему долгожданного сына, наследника. К сожалению и раздражению фаворитки и ее любовника, Екатерина Арагонская обладала железным здоровьем и умирать не собиралась. Им

оставалось лишь ждать того счастливого дня, когда королева покинет этот мир и освободит место для мисс Болейн.

Пир, на котором подавались жареные фазаны, гуси и несколько молодых поросят, засахаренные фрукты, пироги с рыбой, яйцами и фруктами, и еще многие изысканные и не очень блюда, подошел к концу лишь к полуночи, после того как гости и хозяйка вдоволь наелись, посплетничали, пофлиртовали и натанцевались.

— Ах, ты видела меня? Я блистала, как начищенная золотая монета! — мечтательно сказала Альтенора подруге, когда те зашли в ее большую, роскошно обставленную комнату, чтобы обсудить прошедшее веселье и гостей.

— Ты всегда сияешь. И этим вечером даже мисс Болейн померкла рядом с твоим сиянием, — улыбнулась Бригида. — Жаль, что король и королева не были там с нами... Я хотела бы взглянуть на Екатерину. Я никогда не видела ее, но отец много рассказывал о ней.

Девушка деликатно промолчала о том, что ее отец не упускал ни единой возможности, чтобы оскорбить имя любимой всей Англией испанки: «Она похожа на старую гусыню. Того и гляди загопочет!», «Ей уже давно пора в могилу! Пусть освободит место для порядочной английской дамы!» «Генриху до нее дела нет. Он окутан острыми лозами очередной девчонки из семейства Болейнов, а она только и рада этому».

— И что он рассказывал? — с интересом откликнулась Альтенора. Она села на застеленную алым бархатным полотном кровать и с удовольствием сняла с ног новенькие, сделанные из мягкой кожи, сапожки на высоком каблуке.

— Что она... Она любит своего супруга, а он ее нет, — тихо промолвила Бригида и тяжело вздохнула: она не была знакома с этой женщиной и даже не знала, как она выглядит, но чувствовала к ней жалость.

Должно быть, тяжело королеве смотреть на супруга, открыто презирающего ее и отдающего предпочтение придворным красавицам... Обе сестры Болейн побывали в его постели, а мисс Мэри даже родила ему двух детей. И все же эти девушки были лишь одними из тех несчастных, по мнению Бригиды, которым не посчастливилось обратить на себя внимание короля. Ведь если он

захочет позвать девушку в свою опочивальню, она не может ему отказать. Он король. Король Англии.

— Она старше его. Что ты хотела? Конечно, ему хочется тело помоложе да послаще, — с безразличием пожала плечами Альенора. — Жаль, что он не спустился. Я бы смогла заставить его пригласить меня на танец.

— О, в этом у меня нет никаких сомнений, — тепло сказала Бригида. Она подошла к подруге, села рядом с ней на кровать и с любовью потрепала ее по румяной после вина и танцев щеке. — Только не думаю, что мисс Болейн позволила бы ему это.

— Она всего лишь его любовница! — с иронией в голосе заметила Альенора и сжала Бригиду в своих объятиях. — Ты лучше расскажи, что Вильям? Уже попросил у твоего отца твоей руки?

— Я, право, не знаю... Я еще не имела с ним беседу на этот счет... Но он танцевал со мной! Держал мои ладони в своих... Я бы так и оставалась с ним в этом зале, танцуя и не говоря ни слова! — страстно прошептала Бригида. — Он танцевал с тобой? Мне пришлось выйти из зала... Мать позвала: сказала, что мое лицо стало слишком румяным.

— Твоя мать бессердечная женщина, прости, что я так откровенно говорю это... Но заставить выйти тебя из зала потому, что ты покрылась волнительным румянцем после танца с возлюбленным? Да еще и твоим будущим женихом! — недовольно проворчала Альенора.

— Она заботится о моей репутации, — с горечью в душе сказала Бригида, и, когда подруга выпустила ее из объятий, она положила свою медноволосую голову на оголенное плечо Альеноры. — Но ты танцевала с ним?

— Всего один танец. Самый быстрый. Он такой неуклюжий, как медведь! — поспешила солгать Альенора: она знала, какая любовь к Вильяму таилась в сердце Бригиды, и не желала вызвать ее ревности. К тому же этот юноша был ей безразличен.

— А мне казалось, что мы парим в облаках! — Бригида улыбнулась и закрыла глаза, вновь видя перед собой красивое гордое лицо ее дорогого Вильяма. — Не могу дождаться того момента, когда он назовет меня своей!

— Пока ты танцевала с другими мужчинами, Вильям не отрывал от тебя взгляда, — тоже улыбнулась Альенора. — Хочешь горячего

вина? Позовем служанку?

— Не нужно. Уже так поздно... Ты думаешь, он любит меня? — с замиранием сердца спросила Бригида.

— Конечно, любит! — Альенора с силой сжала ладонь подруги. — Конечно, любит и ревнует тебя к другим мужчинам!

— Я не усну этой ночью... Точно не усну! — прошептала Бригида.

Каждая клеточка ее тела трепетала от мысли, что Вильям Тьюри, сын богатого вельможи и избранник ее юного чистого сердца отвечал ей взаимностью. И пусть он не показывал это так открыто, как ей бы того хотелось, пусть он всюду флиртовал с другими дамами и танцевал с мисс Болейн... Он любит ее и сделает своей женой перед лицом Господа.

Какое это счастье! Какая сладость ждет ее!

Поцеловав подругу в лоб, Бригида пожелала ей спокойной ночи, взяла один из подсвечников, вышла из покоев и, освещая коридор танцующим светом одинокой свечи, направилась в покои отца: ей натерпелось услышать от него, что он выдает ее за Вильяма. Ей необходимо было услышать это перед тем, как она ляжет спать.

Подойдя к дверям опочивальни отца, Бригида робко постучала и тут же услышала резкое: «Войдите!». Это придало девушке храбрости, и, набрав в легкие побольше воздуха, она открыла дверь и зашла в покои.

Сэр Ричард не думал укладываться в постель: он сидел за дубовым столом, на котором тускло горел подсвечник с двумя свечами, и писал письмо. Слышался скрип наточенного пера, которое с силой надавливали о желтый пергамент.

— Все еще не спите? — ласково улыбнулась Бригида, стоя в дверях и не решаясь подойти к отцу.

— Как видишь, — коротко бросил тот, даже не взглянув на дочь. — Что тебе?

— Отец, я... Я слышала, что Вильям Тьюри попросил сегодня руки одной девушки... — Бригида прерывисто задышала: ее объело волнение, и слова, которые она так тщательно подобрала на пути к отцу, застряли в горле.

— Попросил, — было ей ответом.

— И когда же будет наша свадьба? — Душа девушки озарилась божественным светом: это свершилось! Скоро она выйдет замуж за любимого мужчину, и он увезет ее в замок своего отца!

— Ваша? — с насмешкой в голосе переспросил сэр Ричард.

Перо в его пальцах замерло.

— Он попросил моей руки! — дрожащим и торжественным тоном напомнила Бригида.

— Он попросил руки. Но не твоей.

— Не моей? Но... Чьей же?

— Вильям имел беседу не со мной, а с сэром Нортоном. Он просил у него руки дочери.

— Аленоры?! — ахнула девушка, и ее грудь пронзила такая боль, будто ее насквозь прошел острый меч, который иногда носил на своем поясе, в украшенных золотом ножнах, Вильям Тьюри. — И что... Что ответил ее отец?

— Он был рад. Свадьбе быть.

Глава 3

— Дочь моя, что ты себе надумала? — нахмурился сэр Ричард. — Какие глупости живут в твоей пустой голове? С чего бы Вильяму Тьюри желать тебя в жены? Я беден! Все по вине этой ведьмы Анны Болейн!

— Но как? Этого не может быть, отец, вы ошибаетесь! — вырвалось из груди бедной девушки. Ее губы задрожали, а на глаза навернулись слезы разочарования и обманутой надежды.

Как жестоко она ошиблась!

— Хватит с меня твоей глупости! Ступай в свои покои! — раздраженно бросил сэр Ричард.

— Отец, он не мог попросить руки Альеноры...

— Я сказал вон!

— Прошу вас... Я люблю его! Люблю всем сердцем! — отчаянно вскрикнула Бригида. — Думаю, он был пьян... Он напился и принял Альенору за меня!

— Он попросил руки у ее отца, — деловито заявил сэр Ричард и вновь принялся за письмо. — Это мне не повезло с дочерью. Хотя ты и красива, но толку от тебя, что от этого стола... Хотя и от стола имеется толк, а ты приносишь лишь растраты. Такая дылда, а до сих пор никто не изъявил желания жениться на тебе.

— Это все ваша вина, сэр... Это вы ввергли нашу семью в опалу! — прошептала Бригида, но так тихо, чтобы ее строгий жестокий отец не расслышал и не наказал ее мокрыми розгами.

— Поучись у своей подруги. Она знает, как заинтересовать мужчину, а ты весь вечер стояла у стены с таким лицом, будто овца на бойне. Ступай в свои покои. Это приказ.

Холодный голос отца заставил Бригиду вздрогнуть: он использовал свои голосовые связки с таким искусством, что щеку девушки словно ударила жестокая твердая ладонь.

— Как скажете, отец. — Она сделала реверанс и вышла в темный коридор.

Когда Бригида закрывала дверь, порыв воздуха затушил свечу, которую она держала в руке, и девушку встретил ночной мрак, так как,

несмотря на свое богатство, хозяин замка лорд Нортон не желал тратить деньги на свечи или факелы в коридорах, ведь они стоили немало, а сгорали быстро. Но темнота никогда не пугала Бригиду: она была ее верной подругой, когда ночами ей не спалось, и девушка в красках представляла себе Вильяма, свадьбу с ним и первую брачную ночь. Но все это было лишь глупыми и несбывшимися мечтами: Вильям желает Альенору! Это ее он хочет видеть своей супругой, ее хочет ласкать в супружеской спальне, ее видит матерью своих детей! А она, Бригида, ни на что не способна... Так сказал ее отец.

Поставив подсвечник на пол, отчего по коридору пронесся глухой стук, Бригида оперлась рукой на стену, ибо ноги не держали ее, а вторую ладонь положила на золотую цепочку с крестом, украшающую ее шею. Ее легкие, стесненные тугим киртлом, отказывались служить ей, и она ловила губами воздух, как рыба, случайно выпрыгнувшая из воды на сушу.

Как это случилось? Не она ли проводила в молитвах каждый день? Не она ли горячо просила Всевышнего дать ей любовь Вильяма? Неужели мало молилась? Неужели просила недостаточно смиренно? Она была послушной дочерью и, несмотря ни на что, с ее губ не сорвалось ни единое грубое слово о родителях. А Альенора? Чем она заслужила?

«Вильям... Мой Вильям! Ведь ты даже не представляешь, что разбил мое сердце! Ты подарил мне танец и улыбался мне, но твои мысли были не со мной, а с ней... А ты, Альенора, сестра моя? Знала ли ты о его любви? Ты убеждала меня в том, что он будет моим, но вместо этого к брачному алтарю пойдешь ты... И это твое тело он будет ласкать, целовать твои губы и слагать о тебе сонеты... А я ничто... Разочарование. Но, дорогая сестра, это не твоя вина» — с тоской думала девушка. В чаше, которую она собиралась испить, оказался не эликсир счастья, а горечь, и она выпила ее до дна.

Немного придя в себя, Бригида направилась в покои Альеноры. Ее глаза, привыкшие к темноте, легко различали знакомый путь, а мягкий свет растущей луны подбадривал ее искать ответа у подруги. Альенора не стала бы лгать ей в лицо, ни за что бы не стала, и, если бы у нее вдруг появились нежные чувства к Вильяму, она подавила бы их в себе, ведь знала: Бригида полюбила его первой. Еще давно, будучи маленькими девочками, девушки поклялись друг другу, что ни один

мужчина не разлучит их и не станет угрозой их дружбе: та, что влюбляется первой, всегда ею и будет. Бригида надеялась, что Альенора еще не легла спать, ей не хотелось бы будить ее после утомительного вечера, лишь ради того, чтобы задать ей единственный вопрос: «Но как так получилось?»

К счастью, Альенора не спала, и вместо лежащей в кровати подруги, готовой упасть в объятия Морфея, Бригида увидела ее в гневе.

— Прошу прощения, я не знала, что у вас намечался семейный совет, — тихо сказала Бригида, когда сэр и леди Нортон нахмурено взглянули на вдруг открывшуюся дверь и неожиданную посетительницу.

— Должно быть, ты пришла пожелать Альеноре спокойной ночи, дитя мое? — улыбнулась леди Нортон: Бригида была мила ее материнскому сердцу, и она не желала обидеть ее приказом выйти вон из комнаты.

— Именно так, моя леди... Спокойной ночи, Альенора... Спокойной ночи, сэр и леди Нортон... — Бригида сделала глубокий реверанс и хотела было покинуть покои подруги, как услышала громкий твердый голос Альеноры.

— Останься, Бригида! Это касается и тебя!

— Дочь моя, Бригида устала и... — ласково начала леди Джейн.

— Бригида, Вильям Тьюри сделал мне предложение! И я клянусь, что никогда не помышляла о том, что он захочет жениться на мне! — Альенора стремительно подошла к подруге, развернула ее лицом к себе и, увидев, что фиалковые глаза Бригиды были полны слез, схватила ее в свои объятия. — Я не желаю этого брака! Я не люблю его и никогда не полюблю!

— Дорогая, Вильям красивый здоровый мужчина! В него влюблены многие дамы, но он выбрал тебя! Это такая честь! Он сын знатного человека, и такой шанс дается лишь раз в жизни! — рассудительным тоном заметил сэр Нортон.

— Говорите, что угодно! Я не выйду за него! И завтра я скажу ему это в лицо! Сама! — низким, полным уверенности голосом сказала Альенора, все еще обнимая подругу.

— Не нужно... Не нужно жертвовать своим браком ради меня! — шепнула ей на ухо Бригида. — Я смирюсь... Он прекрасный юноша и принесет тебе счастье!

— Не мне он должен принести счастье, а тебе! — упрямо шепнула на это Альенора.

— Дочь моя, я все решил! Я уже дал отцу Вильяма свое согласие! — насупился хозяин замка.

— Вы дали его, не спросив меня, отец, а значит, это согласие ничего не стоит! — бросила Альенора. Она отстранилась от подруги, положила свои теплые ладони на ее щеки и улыбнулась: — Он женится на тебе... Только на тебе! Клянусь своей жизнью!

— Не говори так... Вильяму я не нужна! Мой отец так и сказал: мы слишком бедны, чтобы найти мне богатого жениха, а семья Вильяма славится своим состоянием, — упрямо покачала головой Бригида. — И пусть мое сердце кричит от боли, я желаю ему только счастья...

— Какая глупость! — поморщилась Альенора, а затем громко объявила: — Все! Решено! Я не выйду за Вильяма Тьюри! Никогда! И не просите!

— Но почему? — заламывая руки, простонала ее мать. — Дочь моя, ты совершаешь ошибку! Только подумай, что о нас скажут! Что о тебе скажут! «Упустила свое счастье!»

— Мое счастье ждет меня в будущем, матушка. Кто знает, возможно, я смогу стать фрейлиной королевы! — обернулась Альенора к родителям, и на лице девушки была написана такая решительность, что те пришли в отчаяние. — Отец, тебе стоит всего лишь шепнуть пару слов Его Величеству и попросить принять меня в свиту Екатерины.

— Если бы такие дела делались так просто, моя дорогая, все королевские дворцы Англии были бы переполнены юными красавицами-фрейлинами, — мрачно отозвался сэр Нортон. Упрямство дочери неприятно разочаровало его, но он, как никто другой, был знаком с характером Альеноры и знал, что все будет так, как решила она, а не он. В такие моменты он жалел, что в свое время не сумел взрастить в дочери страх и уважение к нему, а вместо этого баловал и во всем ей уступал. Так ему ли винить Альенору в эгоизме и непослушании? Нет, ему следовало благодарить себя самого: это он, садовник, вырастил эту голубоглазую лилию и дал ей слишком много свободы.

— Пойдем, дорогая... Наша дочь приняла неверное решение, но мы не сможем принудить ее принять наше, — вздохнул сэр Нортон и подал руку своей супруге.

— Конечно, не сможете, отец. Я вам не прислуга, чтобы вы принимали за меня решения, — прохладным тоном сказала Альенора. — Спокойной ночи, отец, спокойной ночи, матушка.

В эту ночь Бригида осталась ночевать в покоях подруги, и, крепко обняв друг друга, девушки тихо разговаривали при свете одиноко горящей свечи.

— Ты и вправду хочешь стать фрейлиной Ее Величества? — поинтересовалась Бригида.

— Почему бы и нет? — улыбнулась Альенора. — Блистать при королевском дворце! Мечта каждой девушки! А там отец подыщет мне супруга с титулом и богатым поместьем. Но он должен быть красивым, как брат мисс Болейн, иначе я ни за что не соглашусь делить с ним постель!

— Да, он красив... Но, кажется, его супруга ужасно ревнует его, — заметила Бригида, вспомнив, как Джейн Паркер целый вечер следила за своим мужем полным ревности взглядом, словно тот был ее собственностью.

Альенора мечтательно улыбнулась.

— Когда-нибудь я стану женой великого человека... Не только богатого и знатного, но и известного во всей Европе! Чтобы даже эти жалкие французы и испанцы сказали: «Ах, какая счастливица эта мисс Нортон! Ей удалось завоевать сердце такого мужчины!»

— Думаю, твой отец найдет для тебя такого, а тот увидит тебя и не устоит! Сразу поведет под венец! — хихикнула Бригида. — Ты... Ты поговоришь с Вильямом? Скажешь ему, что я буду ему самой верной, самой послушной женой в мире? Что я рожу ему много детей и сделаю его счастливым? — тихо добавила она.

— Завтра же этим и займусь, пока он не пошел искать утешения среди фрейлин королевы, — пообещала Альенора. — Но давай уже будем спать. Утром придется встать очень рано: а вдруг король спустится к завтраку? Мы должны сиять, как самые яркие звезды в ночном небе.

Девушка задула свечу, подруги быстро пробормотали себе под нос молитвы и почти сразу уснули.

Еще до рассвета, когда хозяйева замка и их гости мирно спали, прислуга уже была на ногах и выметала пыль, мыла полы, лестницы, готовила всевозможные блюда на завтрак знатным господам и делала это тихо, как мыши.

Сэр Нортон проснулся одним из первых и, как хозяин, быстро умылся, причесался, приказал одеть себя в синий бархатный костюм и спустился вниз, следить за подготовкой к появлению гостей. Сэр Нортон был требовательным хозяином, но в этот раз он был просто невыносим, а несколько оброненных зерен, обнаруженные им на толстом ковре зала для трапезы, рассердили его настолько, что, пообещав сэр Нортон, как только король и его свита покинут замок, он раздаст «нерадивым лентяям» слугам по два удара розги каждому. Напуганные слуги, повара и поварята удвоили свои усилия, и, к тому моменту, как Его Величества король и королева Англии, одетые в чудесные наряды, вошли в зал, замок блестел чистотой, а все огромные комнаты и залы наполнял сладковатый аромат полевых цветов свежесобранных на лугах.

Генрих Восьмой, в сопровождении Анны Болейн, вошли в зал первыми. Королева Екатерина шла позади них под руку с Джорджем Болейном. Анна очаровательно и победно улыбалась, Екатерина же улыбалась спокойной вынужденной улыбкой. Этот контраст был настолько заметен, что ярые приверженицы королевы нахмурились и покачали головами. Семейство Болейнов, ступающее чуть позади короля и королевы, шли с такими гордыми лицами, будто Анна уже заняла трон соперницы, что приводило в гнев их врагов и недоброжелателей. Но этикет есть этикет, тем более, в присутствии своенравного короля никто не осмеливался раскрыть своего рта или насмешливо улыбнуться. Все помнили судьбу Гизов, оказавшихся в немилости из-за прямоты отца этого семейства.

Когда Их Величества прошли мимо, Бригида и Альенора медленно поднялись с глубокого до пола реверанса и устремили любопытные взгляды на властителей Англии. Но, если Альенора скользила оценивающим взглядом по Генриху, ее подруга с сочувствием смотрела на уставшее бледное лицо Екатерины, под красивыми глазами которой отчетливо были видны черные круги, верные признаки того, что ночью она не сомкнула глаз. Но эта

женщина улыбалась и была приветлива, и это заставило Бригиду полюбить ее еще больше, чем она уже любила ее. Как и многие, находящиеся в этом замке, включая прислугу. Все видели, с каким пренебрежением король относился к своей законной супруге, королеве, и с каким трепетом он держал в своей ладони ладонь своей фаворитки. Анна была младше Екатерины, младше Генриха, и ее молодость, сияние и талант покорять сердца заставляли короля исполнять любое ее желание. Благодаря девицам Болейн, сперва Мэри, а затем ее младшей сестре Анне, их семейство возвысилось до невероятных высот и приобрело столько новых должностей, поместий и титулов, что им завидовали все другие знатные семьи, особенно Сеймуры, также пытающиеся уложить под похотливого Генриха одну из своих прелестных дочерей, фрейлин королевы Екатерины.

Их Величества подошли к высокому, стоящему выше других, столу, и королю пришлось неохотно отпустить ладонь Анны, чтобы занять место за столом, рядом с супругой, а Анне — сесть за стол для придворных, хотя, видит Господь, в своих мыслях она и все Болейны уже видели, как она прогоняет Екатерину в монастырь, и как на ее, Анны, темноволосую голову опускается золотая, богато украшенная корона королевы Англии. Ведь, когда это случится, Болейны обретут не только еще большую власть и влияние, но и станут родственниками будущего короля, когда Анна родит Генриху долгожданного желанного наследника, исполнит долг королевы, который не смогла или не желала исполнить испанская принцесса Екатерина.

Альенора всем своим существом чувствовала напряженность, стоящую в обеденном зале, и фальшь улыбок свиты. Она знала, что, волею судьбы, оказалась в самом центре королевских придворных интриг и борьбу за право обладать высоким, широкоплечим рыжеволосым мужчиной, которому принадлежала Англия, чтобы разделить с ним власть. Бригида же знала одно: за спокойной улыбкой Екатерины Арагонской скрывались боль и разочарование, и она молча наблюдала за тем, как ее собственный любимый супруг предпочитает ей миловидное личико молодой фаворитки. Невольно встретившись взглядом с королевой, Бригида вспыхнула и улыбнулась, а когда Екатерина улыбнулась ей в ответ, девушка с восторгом подумала: «Вы и только Вы наша истинная королева! Да благослови Вас Господь! Я буду молить Его вернуть Вам счастье и покой!».

Краем глаза заметив, с каким восторгом любитесь королевой подруга, Альенора невольно улыбнулась, подумав о том, как же наивна и невинна Бригида. Сама же мисс Нортон ставила ставку на Анну Болейн и с интересом рассматривала ее тонкое лицо: оливкового цвета кожа, темные, почти черные глаза, того и смотри утонешь в них, темные волосы, едва виднеющиеся из-под богато расшитого золотыми нитями французского бордового чепца. Ничего особенного, самая обычная внешность, она Бригиде и в подметки не годится... Но было в мисс Болейн что-то притягательное, что-то волшебное и необъяснимое, что очаровало проницательную Альенору. Сравнив старую королеву и молодую фаворитку, девушка без долгих раздумий решила, кого из них стоит поддерживать, и кто из них в конце концов останется с Генрихом. Нет, не дочь Изабеллы и Фердинанда! Не эта гордая, величественная испанская принцесса!

«Как только он избавится от старой жены, попрошу отца отправить меня ко двору, пусть приложит все усилия, чтобы сделать меня фрейлиной Анны. Вне всяких сомнений: она сядет на трон. Рано или поздно, Екатерине придется отойти в сторону. Служить такой королеве, как прелестная Анна, — одно удовольствие. Жаль, что сердце Бригиды будет разбито, но жизнь жестока, и выигрывает в ней тот, кто не боится делать высокие ставки» — подумала Альенора и, решив немного подшутить над подругой, шепнула ей:

— Мисс Болейн будет прекрасной королевой. Вся Европа будет завидовать нашему королю!

— Этого не случится! Екатерина, вот, кто была, есть и будет королевой Англии! — едва слышно, с негодованием в груди, ответила на это Бригида. — Альенора, я подумала, что не стоит тебе беседовать с Вильямом обо мне и говорить ему о моей любви. Не желаю, чтобы он женился на мне из-за сострадания.

— Как пожелает твое сердечко. Обещаю, что и слова ему ни скажу, — согласилась Альенора. — Но, если он не женится на тебе, то будет самым большим глупцом в мире! Но, думаю, мне стоит объясниться с ним: сегодня утром, еще до завтрака, мой отец сказал его отцу о том, что свадьбы не будет.

— И что тот? — поинтересовалась Бригида.

— Тот был в ярости. Но мой отец в милости у короля, поэтому сэру Тьюри пришлось проглотить свою обиду и принять мое

решение... Бригида? — Альенора обеспокоенно всмотрелась в побледневшее лицо подруги и ее широко-раскрытые фиалковые глаза.

— Мне нужно уйти! — пискнула Бригида и желала было покинуть свое место, но Альенора успела схватить ее за широкий, расшитый рукав платья.

— Уйти? Это будет неуважение к королю! А если он увидит?

— Скажи, что мне стало дурно... Потом все тебе объясню! — Бригида силой вырвала свой рукав из ладони подруги, пригнувшись, попятилась, высвободилась из толпы и поспешила к дверям.

У дверей, как цепной пес, сторожил, прячась от мстительного взгляда Анны Болейн, сэр Гиз, отец Бригиды. Увидев дочь, сбегавшую из зала, он кинул на нее убийственно-холодный взгляд, от которого та покрылась мурашками, но не остановилась.

Альенора была так обеспокоена внезапным уходом подруги, что ждала удобного момента, когда все начнут занимать места у стола, чтобы отправиться вслед за Бригидой и помочь ей. Однако, едва она сделала шаг к двери, как леди Нортон, вдруг оказавшаяся рядом с дочерью, мягко, но цепко взяла ее под руку и прошептала ей на ухо: «Пусть идет. Ты же не желаешь, чтобы король заметил ее, а не тебя? Это твой шанс привлечь к себе внимание!»

Альенора тяжело вздохнула, но справедливые слова матери заставили ее изменить свое решение, и, вместе, дамы грациозно направились к столу.

Глава 4

Она знала, что отец видел ее, знала, что он подумал и как сильно разозлился. Но Бригиде было безразлично, как долго отец будет унижать и оскорблять ее за внезапный уход из обеденного зала: ей хотелось лишь одного — запереться в своих покоях, лечь в постель и с головой укрыться одеялом. Она делала так, когда была маленькой девочкой, во время грозы, но в этот раз гроза застала ее в погожий летний день, и она инстинктивно желала скрыться ото всех, защититься добровольным затворничеством.

Теперь-то Бригида знала, кем оказались случайные свидетели ее позора. Леди и ее супруг на черной лестнице. В зале девушка узнала их голоса, и ее сердце забилося так быстро, как кролик, убегающий от злых охотничьих собак.

Узнала ли ее королева? Возможно. Но вряд ли бы она стала делать ей замечание, ведь она так добра и мила.

Король и королева видели ее покрытой грязью с головы до ног. Они смеялись над ней, правда, добродушно, но все же... Бригида не желала случайно попасться на глаза Его Величеству и выслушать его шутки о той неожиданной встрече... Она не желала слышать его голос совсем: помня о том, как жестоко и оскорбительно он разговаривал со своей супругой на лестнице, и то, как открыто унижает ее при собственном дворе, девушка возненавидела его, и ей неприятно стало даже находиться с ним в одном помещении. Нет, она не могла более выносить того пренебрежения и грубости, которую Генрих с таким удовольствием швырял в лицо своей законной супруге, королеве Англии.

Наблюдать за самодовольными улыбками Болейнов, которых мисс Гиз уже видела прежде, когда в последний раз посещала отца и мать в Лондоне, в те времена, когда он был советником короля, было выше ее сил. Она помнила эту жадную до власти семейку, которая к тому моменту уже успела положить в королевскую постель под похотливого Генриха другую Болейн, родную сестру Анны, Мэри. И, была уверена Бригида, они будут класть в его постель всех девушек из их рода, лишь бы оставаться у власти и влиять на короля. Они, как клещи,

присосались к нему и никак не желали уступать свое место. Мисс Гиз знала всех Болейнов в лицо и ненавидела их. Также, как ее отец, которому одна единственная колкость в адрес Анны, завладевшей сердцем короля, наскучившего от плоти другой сестры, стоила ему должности, карьеры, титула и влияния. Да, Анна держала своей нежной ручкой Генриха в узде, как могучего, но глупого коня, и своими требованиями к нему развестись с Екатериной Арагонской, медленно, но верно отравляла жизнь последней... Нет, какое счастье, что отца изгнали со двора! Бригиде не приходилось видеть тот ежедневный ужас, который видели фрейлины королевы.

Как хорошо, что при дворе о существовании Гизов забыли. Пусть отец и мать Бригиды были озлоблены этим и стремились вернуться, сама девушка поклялась себе, что ее нога больше никогда не ступит туда, где обижают Екатерину, и где плетет свои темные интриги семейство Болейнов.

Зайдя в свои покои, Бригида поспешно сняла с головы чепец, легла на кровать и устало закрыла глаза.

— Пожалуйста, Отец Небесный, прошу тебя, освободи королеву от страданий! Верни королю разум и отверни его греха прелюбодеяния! — горячо прошептала девушка и поцеловала маленький золотой крестик, украшающий ее шею. Ее схватили в плен эмоции, и она, закрыв лицо ладонями, тихо расплакалась. Тело горело, ей было жарко, но внутри девушка была охвачена холодом.

— Что ты себе позволяешь, негодная девчонка? Совсем от рук отбилась! Сейчас же возвращайся в зал и очаровывай короля! — вдруг раздался почти животный рык, от которого Бригида вздрогнула и испуганно распахнула глаза.

В комнату дочери вошел сэр Гиз. Он был взбешен, его глаза словно сыпали искры. Подойдя к кровати, он рывком заставил дочь лечь на спину и замахнулся своей большой сильной рукой.

— Отец... Не бейте меня! Не бейте! — прохрипела бедная девушка. От страха, тяжелых размышлений и оскорбленных чувств, она побледнела настолько, что это заставило ее тирана-отца удержаться от удара и подозрительно прищурить глаза.

— Притворяешься больной? — недоверчиво спросил сэр Гиз. Он не желал верить в то, что его дочери могло быть плохо: только не сейчас, когда внизу, в обеденном зале восседает сам король Англии!

Она должна быть там, хоть при смерти, хоть в полубморочном состоянии! Король должен увидеть ее редкостную красоту и пасть к ее ногам, забыть про ядовитую змею Анну Болейн!

— Не смею притворяться, сэра... Трудно дышать! — едва выдохнула Бригида, и вдруг руки, которыми она попыталась прикрыться от возможного удара отца, безвольно упали на кровать, зрачки ее глаз закатились, и веки плотно закрылись.

— Что с тобой, дрянная девчонка? — с некоторым страхом, но больше с гневом, промолвил сэра Гиз и, желая привести дочь в чувство, не жалея сил, ударил ее по белой щеке раскрытой ладонью.

Пощечина помогла: Бригида медленно открыла глаза и тяжело задышала.

— Вздумала заболеть? — Сэра Гиз еще несколько раз похлопал дочь по щеке, словно пытаюсь вернуть ей румянец. — Бригида, я приказываю тебе... — Но вдруг побежавшие из глаз девушки слезы заставили его поморщиться. Его глаза округлились: именно так он потерял своего сына. Своего наследника.

Томас Гиз умер в возрасте пятнадцати лет. Его смерть была внезапной, ведь никто не ожидал, что высокий, широкоплечий сильный юноша покинет грешную землю за каких-то пару часов после того, как он слег в постель. Горячая липкая кожа, тяжелое обрывистое дыхание, закатывающие под веки зрачки... Томаса унесла горячка, неизвестно откуда взявшаяся, а теперь эта смертельная болезнь задумала отобрать у Гизов еще и дочь, их единственного ребенка.

Отца Бригиды охватил ужас: нет, он не желал потерять дочь! Господь, не забирай ее так рано! Он клянется больше никогда не оскорблять ее, но будет лелеять, как лелеяла своего Младенца-Спасителя благая Дева Мария! Смерть обоих своих детей он не перенесет! Он не в силах больше видеть, как навсегда исчезают в старом семейном склепе его дети, плоды его жизни!

— Дочь моя... — выдохнул сэра. Его лицо сделалось таким же белым, как лицо Бригиды. Он схватил девушку в объятия, крепкое прижал к себе и поцеловал ее горящий лоб. — Бригида! Останься с нами! Я не смог спасти твоего брата, но не позволю смерти забрать и тебя! Полежи, дочь моя... Я позову твою мать... Она знает, что делать! — Сэра Гиз осторожно положил дочь обратно на постель, с

чувством поцеловал ее влажную от пота руку и, как стрела, выбежал из покоев, громко призывая прислугу.

«Любите своих детей, пока они живы. Слезами их из смерти не поднять». Жестокий отец, насмехающийся над чистой первой любовью своей дочери, унижающий ее за малейший пустяк и не раз бивший ее по рукам тонкой розгой, только теперь осознал, что любит Бригиду, и что, если потеряет ее, то потеряет все... В том числе возможность вновь возвысится. Ведь, если Бригида, самая красивая девушка во всей Англии, умрет, у него не останется ни единого шанса вернуться во дворец и получить обратно свои титулы и земли. Но, несмотря на алчность и холодный расчет, быстро шагая по коридору, сэр Гиз думал только об одном: он не может потерять еще и дочь! Умрет она, умрет и его душа. А что станет с ее матерью? Она помешается от горя! Бог с ним с королем! Пусть развлекается со змеей Анной Болейн, пусть эта семейка продолжает и дальше отравлять разум дурака Генриха! Ему нужно спасти свою девочку, свою Бригиду, единственное свое дитя.

— Ты! Принеси в покои Бригиды холодной воды и чистых тряпок! Сейчас же! — грубо приказал сэр Гиз первой попавшейся ему под руку служанке, а та, даже уронив метлу от неожиданности, подняла подол своего старого платья и побежала выполнять то, что ей поручили.

«Я умираю? Но как же Вильям?» — пронеслось в бреду воспаленного мозга Бригиды. Ей было так жарко, что она желала снять с себя всю одежду и остаться нагой, но ее тело настолько ослабло, что она не могла пошевелить даже пальцами рук. Кожа головы под тяжелым испанским чепцом намокла, волосы слиплись, лоб был усыпан каплями пота. Девушке казалось, что ее живьем сжигали на костре, как ведьму.

Однажды она видела, как сжигали ведьму. Это была молодая женщина с длинными черными волосами и голубыми глазами. Ее, одетую лишь в порванное нижнее платье, под свист и проклятия толпы привязали к столбу, окруженному сухим хворостом и сеном, и вскоре от нее остался только угольный силуэт. Бригиде казалось, что это она была той ведьмой, что это ее тело жадно пожирало пламя.

— Альенора, прощай, сестра! Вильям, любовь моя... — едва слышно прошептала девушка. — Господи, сохрани королеву!

Через миг ее поглотила темнота.

Когда девушка вновь открыла глаза, солнце уже село за горизонт, и на Англию опускались вечерние сумерки. Однако Бригида не могла понять, сколько времени она была без сознания: большие окна ее покоев были плотно закрыты темными шторами. В воздухе был явственно слышен аромат сена и цветов: это мать девушки приказала устелить пол, чтобы облегчить тяжелую участь дочери и придать спертому воздуху маленьких покоев свежести. В камине жарко горел огонь, и рядом с ним, заснув в кресле, сидела леди Гиз. Лишь пламя камина освещало комнату, но этого было довольно, чтобы прогнать темноту, а полумрак был даже приятен усталым глазам Бригиды.

Бригида нашла в себе силы слегка приподняться на подушках и обнаружила, что лежит в постели лишь в одной ночной рубашке, а ее волосы заплели в косу, чтоб не мешали.

«Значит, я все еще жива... Но как болит все мое тело! Ноет каждая косточка!» — невольно пронеслось в разуме девушке. Несмотря на боль, Бригида чувствовала себя немного лучше: жар, сжигающий ее, пропал, но кожа оставалась горячей и липкой, и ночная рубашка неприятно липла к телу.

— Матушка! Матушка, это вы? — тихо спросила девушка. Ее голос прозвучал надрывисто и с придыханием, но леди Гиз не шелохнулась: она крепко спала. — Матушка! — напрягая все силы, оставшиеся в ней после приступа, повторила Бригида, и в этот раз усталая женщина медленно открыла глаза. — Матушка! Как я рада, что вы здесь! — громко прошептала Бригида, и попыталась протянуть к матери руку.

— Лежи, дитя мое, не двигайся! — ласково сказала леди Гиз, поспешно вставая с кресла и подходя к дочери. Она встала на колени у изголовья кровати, не жалея бархатной юбки своего платья, и взяла ладонь дочери в свою. — Мы там испугались! У тебя был приступ, а мы ничего не могли сделать! — Она всхлипнула и нежно погладила лицо Бригиды, бледное и горячее.

Услышав о том, что Бригиде сделалось плохо, что, кажется, на нее напал приступ горячки, леди Гиз поспешила к ней, позабыв о короле, королеве и завтраке. Она была жестока к своей дочери и никогда не находила для нее ласкового слова, но теперь, когда ее дочь была на смертном одре, материнская любовь, прятавшаяся глубоко в ее душе, охватила все ее существо. Она провела в комнате Бригиды весь день,

не отходила от нее, собственноручно раздела ее и передела в ночную рубашку, смачивала лоб девушки мокрыми тряпками и горячо молилась. Лишь к вечеру, когда Бригида перестала метаться в постели, леди Гиз позволила себе немного отдохнуть в кресле у камина, и, едва села, как тотчас заснула. Как и ее супруг, эта женщина каждую секунду страдала от потери любимого сына, и возможная потеря дочери сделали ее именно такой, какой и должна быть мать — любящей и заботливой.

— Отец очень сердится? — На губах Бригиды появилась едва заметная улыбка: она никогда в жизни не видела свою мать такой... Такой близкой, такой нежной к ней.

— Он не сердится, дитя мое! Не сердится совсем! Как он может? Мы едва не потеряли тебя! — Леди Гиз широко улыбнулась, и по ее щеке пробежала слеза радости: ее дочь жива! Господь пощадил ее!

— Но он так желал, чтобы я сошла в низ и улыбалась королю...

— Ах, забудь! Твоя жизнь нам намного дороже, чем все короли мира и все их сокровищницы! Я знаю, мы были строги с тобой, порой, слишком... Но мы твои родители, и мы любим тебя. — Эти слова дались леди Гиз с некоторым трудом, ведь это был первый раз, когда она сказала Бригиде о своей материнской любви.

— Я постараюсь выздороветь как можно скорее... — начала было девушка, крепко сжав ладонь матери.

— Король уехал, — коротко сказала ее мать.

— Уехал? Так быстро? — удивилась Бригида.

— После завтрака он и его свита продолжили путь. Между Генрихом и королевой произошла неприятная сцена, и он так разозлился, что тотчас покинул замок.

— Бедная Екатерина! — поморщилась Бригида, чувствуя к королеве неподдельную жалость. — Это все из-за Анны Болейн, не так ли?

— Я не знаю, с чего все началось, но он вдруг поднялся со своего места, обвинил Екатерину в неуважении, взял под руку эту девицу Болейн и покинул зал. И уже через час все уехали... Но тебе не стоит беспокоиться о королеве: она знает какой у Генриха вспыльчивый характер. — Леди Гиз замолчала, не желая рассказывать больной дочери о том, с какими наглыми ухмылками наблюдало за сценой семейство Болейнов. — Тебе нужно отдохнуть. И мне... Совсем

немного, я обещаю, что вернусь к тебе через пару часов... Альенора требовала, чтобы ей разрешили ухаживать за тобой, но твой отец не впустил ее.

— Это мудрое решение. А вдруг она заразится? Она обладает на удивление крепким здоровьем, но пусть лучше молится за мою душу, так ей и передайте, матушка, — вновь улыбнулась Бригида. Она не желала отпускать мать, теперь, когда та так сильно изменила к ней отношение, но понимала, что той необходим был отдых. — Идите, матушка, я чувствую себя лучше. Если боитесь за меня — оставьте ночевать со мной служанку.

Леди Гиз поцеловала лоб дочери, заботливо взбила подушки под ее головой и, еще раз подарив Бригиде поцелуй, в который она вложила всю свою проснувшуюся в ней любовь, покинула покои.

Бригида закрыла глаза и, стараясь не думать ни о королеве, ни о Вильяме, попыталась заснуть, но вдруг дверь вновь отворилась, и в комнату, одетая в ночные платье и чепец, прошмыгнула Альенора.

— Не подходи ко мне! А вдруг заразишься? — с тревогой, смешанной с радостью, воскликнула Бригида.

Но Альенора не стала слушать подругу, подошла к кровати и села рядом с Бригидой.

— Король уехал, — было первым, что услышала больная.

— Я знаю. Матушка уже сказала мне, — промолвила Бригида.

— Ты такая бледная... Моя бедная, моя хорошая... — Альенора намочила тряпку и стала обтирать лицо подруги. — Как ты всех нас напугала! А мне даже не дали заботиться о тебе!

— Прости...

— Глупенькая, разве за такое просят прощения?

— Думаю, тебе лучше покинуть меня. Твои родители будут очень опечалены, если ты тоже сляжешь, — слабо улыбнулась Бригида. Но как ей нравилась забота ее подруги! Голос Альеноры подбадривал, обволакивал, как красивая бодрая песня.

— Не слягу. У меня просто непобедимое здоровье, как говорит моя бабушка! А она у меня мудрая женщина, много чего увидела и познала за свою жизнь. — Альенора деловито продолжала обтирать лицо подруги мокрой тряпкой, а затем прикоснулась ко лбу Бригиды внутренней стороной ладони. — Не помогает... Ты вся горишь.

— Но я чувствую себя намного лучше, чем утром... Как жаль, что я не смогла хоть, словом, обмолвиться с королевой Екатериной. Она выглядела такой печальной, а королевская свита будто вовсе не замечала ее. Будто она была брошена всеми, — вздохнула Бригида.

— Она сама виновата. Если бы она не выставляла королю столько требований насчет Анны Болейн, он поигрался бы с этой красавицей, а затем променял бы ее на другую, как он обычно делает. Мой отец рассказывает мне обо всем, что происходит при дворе. Когда он там, я получаю от него пространные письма, а когда он приезжает домой на неделю или две, мы только о дворе с ним и беседуем. Я уговариваю его взять меня с собой и представить королеве, но он говорит, что сейчас она слишком встревожена поведением своей фрейлины Анны, и брать новую, еще моложе и еще красивее, явно не желает. Хотя, если король настоит... Но он видел меня лишь мельком. Глазел только на свою драгоценную фаворитку, а та, бесстыдница, просто пожирала его глазами... Ну же, милая, не расстраивайся: короля можно понять. Он женат на старой испанке...

— Она старше Генриха всего лишь на шесть лет!

— Целых шесть лет, только подумать! — недовольно покачала головой Альенора. — Женщина не должна быть старше своего супруга! Никогда и ни за что!

— Но почему? — с отчаянием прохрипела Бригида. Ее грудь была полна горечи и боли за Екатерину.

— Потому что, когда жена старше, случается то, что постоянно происходит с королевой: выкидыши и постоянные измены мужа, — назидательным тоном парировала Альенора, но увидев слезы на глазах дорогой подруги, мягко добавила: — Но все в руках Господних. Возможно, он даст королеве выносить мальчика? Тогда король образумится и окружит ее той же любовью, которой грел ее в их молодые годы.

— Будем надеяться на это. Аминь! — горячо прошептала Бригида и с любовью прикоснулась к своему крестику.

— Аминь, — подхватила Альенора.

Но она лгала: ей меньше всего хотелось, чтобы между Екатериной и Генрихом вновь настала идиллия. Она презирала королеву, ее железное терпение и достоинство, с которой она переносила оскорбления и насмешливое хихикание за своей спиной собственных

фрейлин. Будь Альянора королевой, она тотчас бы приструнила насмешников и завистников, но, кажется, дочь великой Изабеллы не могла защититься даже от гавканья в свою сторону маленьких придворных собачонок, которых так любил ее супруг. Разве такая женщина, такая королева заслуживает уважения и любви? Нет, считала настойчивая и уверенная в себе мисс Нортон. Екатерина падет, и это падение будет ею заслуженно.

Глава 5

Несмотря на то, что уже через три дня Бригиде полегчало, ей пришлось пролежать в постели целую неделю: это ее матушка настояла, боясь, что сквозняк может вызвать повторный приступ. Почти потеряв любимое существо, люди начинают оберегать его чересчур рьяно. Но мисс Гиз не скучала, ведь ее дорогая подруга была рядом и проводила у постели больной едва ли не все свое время. Альянора, переживавшая за здоровье и жизнь Бригиды, так же сильно, как и родители последней, чувствовала некоторую вину: это она настояла на той злополучной прогулке в поле. Но разве могла она предугадать, что легкие белые облака сменятся черными грозовыми тучами? Ведь даром провидения она не обладает, так могла ли она знать, что пойдет дождь, который приведет хрупкую Бригиду к болезни?

— Мне жаль, моя дорогая, но, кажется, твой любимый чепец потерян навсегда. Я искала его после той грозы, а потом еще раз, с парой служанок... Но не печалься: я подарю тебе новый, еще более красивый, — ласково сказала Альянора подруге, когда девушки прогуливались по саду.

Мисс Гиз разрешили покидать свои покои и замок, но ненадолго, поэтому подруги не ступали дальше большого ухоженного сада, расположенного позади замка. Девушки крепко держались за руки, а за ними, тихо, как тень, и верно, как собака, шел мальчик-паж, несший небольшую корзину с засахаренными фруктами. Замыкали эту небольшую процессию двое вооруженных слуг, которым приказано было охранять жизнь и покой мисс Нортон и ее подруги.

— Ты так добра, — улыбнулась Бригида. — Я буду рада такому подарку! Надеюсь, только, твой отец не отругает тебя за такое расточительство?

— Ах, он сделает все, о чем я попрошу, — махнула рукой Альянора. Она знала своего отца, как никто другой. И она говорила правду: он ни в чем ей не отказывал. Какова бы ни была цена, все, что просила у сэра Нортон его дочь, покупалось без лишних споров. —

Но скажи мне, разгневалась ли на тебя твоя матушка? Ведь тот бедный чепец был ее подарком?

— Я призналась ей в потере, но она лишь улыбнулась и сказала, что этот чепец — небольшая плата за то, что Господь не забрал меня у нее, — ответила Бригида, и, при этом воспоминании, в ее груди разлилось тепло. Губы девушки тронула счастливая улыбка, и она прошептала на ухо подруге: — Она так изменилась! Должно быть, эта болезнь стала для меня Божьим благословением! Моя мать никогда не была так заботлива и участлива... Она даже пожалела меня и мою глупую любовь к Вильяму... «Он недостойн тебя» сказала она!

— А твой отец?

— Он тоже вдруг стал заботливым и даже добрым ко мне... Конечно, он не выражает это так открыто, как это делает моя мать, но сегодня утром он сказал, что найдет мне достойного жениха, познатнее и побогаче Вильяма... — Бригида нахмурилась: несмотря на то, что она приняла свой позор и то, что ее мечте никогда не сбыться, девушка все еще страдала при мысли о том, что ей не суждено было выйти замуж по любви.

Ведь кто женится на ней? Кому нужна свежая прекрасная роза, если ее семья находится в опале и едва сводит концы с концами? Жениться на Бригиде Гиз значит попасть в немилость короля, ведь вместе с ее красотой ее супруг получит и пятно на своем имени.

— Я попрошу отца найти тебе самого красивого и смелого рыцаря во всей Англии, — словно прочитав мысли подруги, поспешно сказала Альенора и, потрепав Бригиду по щеке, весело рассмеялась: — А Вильям съест собственный меч, когда узнает о том, что тебя взял в жены какой-нибудь граф или даже наследник герцога!

— Этому не бывать. Возможно, я красива, но... — уныло понурила голову Бригида.

— Возможно? Какая же ты все-таки скромница! — воскликнула Альенора и поцеловала подругу в щеку. — В Англии не найдется ни одной девушки прекраснее тебя! Даже фаворитка короля тебе и в подметки не годится! Ты видела ее? Пресная, как тухлая рыбина!

— И все же ей легко удастся держать Генриха на привязи, — недовольно откликнулась на это Бригида. — Ты находишь Анну Болейн пресной? А я думала, она тебе даже нравится.

— Она может быть пресной и нравится мне в то же самое время! — совсем не как леди хохотнула Альенора. — Лицо у нее обычное, правда, глаза... Какие глаза! Они очаровывают, обволакивают, призывают... Будь я мужчиной, точно бы попалась в ее сети!

— Будь я мужчиной, то была бы рада иметь в женах такую женщину, как Екатерина Арагонская! — твердо заявила Бригида, недовольная симпатией лучшей подруги к ужасной мерзкой женщине, разбивающей сердце королеве Англии. — Ах, Альенора, и как тебе может нравиться эта развратница? Говорят, она только и знает, что развлекается, танцует и получает от короля подарки!

— Именно этим она мне и нравится! С ней не скучно, чего не скажешь о твоей любимой Екатерине, — сказала на это Альенора. — Я люблю жить и веселиться, а проводить весь день в молитвенной, как королева и ее фрейлины, заставило бы меня зачахнуть от скуки... Ну же, моя хорошая, не расстраивайся, — ласково добавила она, увидев печаль на лице Бригиды. — Королю не женится на ней. Пока жива Екатерина...

— Я молю Бога, чтобы королева прожила еще долгие и счастливые годы, — горько шепнула Бригида и покачала головой. — Но я не желаю больше слышать обо всем этом. Единственное, чего я желаю, — это Вильям Тьюри, но мне пора вырвать его из своего сердца. Он хотел жениться на тебе, Альенора. — В глазах девушки невольно зажегся огонек зависти, но это зависть не была черной или злой. — Он просил твоей руки...

— Моя милая добрая и наивная Бригида, — терпеливо вздохнула Альенора. — Он не хотел жениться на мне. Целью его сватовства было породниться с моим отцом. Ты ведь помнишь, каким влиянием обладает при дворе лорд Нортон?

— Ты уверена? А вдруг он видит тебя в своих снах?

— В своих снах он видит не меня, а то, как попадет в свиту короля. Король всегда щедро одаривает своих приближенных. А я — единственный способ для Вильяма Тьюри попасть во дворец...

— Мисс Гиз! Ваш отец велел найти вас! — вдруг услышали подруги за своими спинами, и, обернувшись, они увидели служанку, быстро идущую в их сторону.

— Отец зовет... — задумчиво промолвила Бригида. — Я должна идти.

— Я буду в саду. Что-то захотелось написать сегодня пару сонетов природе, — ободряюще улыбнулась Альенора.

Бригида улыбнулась и направилась в замок, по дороге удивляясь, что понадобилось от нее отцу, ведь он сказал, что сегодня будет очень занят и попросил не беспокоить его.

Лорд Нортон медленно шел по саду и в который раз перечитывал небольшую записку, которую получил из Лондона всего несколько минут назад. Его полные губы, спрятанные под густыми золотистыми усами, загадочно улыбались.

— Как приятно видеть вас таким счастливым, отец, — вдруг послышался за спиной мужчины ласковый женский голос, заставивший сэра Нортон вздрогнуть от неожиданности и от души рассмеяться над самим собой.

— Ах, это ты, моя жемчужина! — Он подошел к своей дочери и поцеловал ее белый высокий лоб. — Ты гуляешь одна? А где Бригида?

— Ее отец послал за ней... — пожалала плечами Альенора, а затем склонила голову и прищурила свои небесно-голубые глаза. — Вы сияете, как солнышко пополудни. И что же вас так обрадовало?

— Ничего от тебя не скроешь, моя красавица! — Сэр Нортон наклонился к уху девушки и тихо-тихо прошептал: — Новости из Лондона! Ты помнишь, как быстро Его Величество покинул наш замок?

— Как такое забыть? Ах, да не томите же! — нетерпеливо прошептала в ответ Альенора.

— Генрих отослал в Ватикан посла, который должен привезти от Папы согласие на развод нашего короля и королевы Екатерины! Мой тайный поверенный также сообщает... — быстро-быстро зашептал лорд Нортон.

— Погодите, погодите! Отец, вы уверены в этом? — округлив глаза, вслух сказала Альенора: новость, которой поделился с ней отец, изумила ее, и все ее существо не могло поверить в то, что король Генрих все же решился на развод со своей старой женой. Как такое возможно? И как только Анне Болейн удалось склонить его к такому

серьезному, не богоугодному шагу? Неужели ему совершенно не важно, что скажут о нем его поданные?

«Но чему это я удивляюсь? Это было так очевидно! Старая верная лошадь отправляется в стойло, а молодая и строптивая готовится быть объезженной, — с саркастической улыбкой подумала девушка. — Екатерине лучше по-доброму, тихо уступить свое место сопернице, ведь та уже давно одержала победу в их дуэли за сердце и благоволение этого похотливого дурака!»

— Разве я когда-нибудь ошибался, моя роза? — вкрадчиво ответил отец девушки и вновь наклонился к ее уху: — Верный мне человек, придворный, входящий в круг самых близких друзей и любимцев Генриха, также доложил, что Екатерина, эта испанская лиса, каким-то образом прознала о тайном посланнике мужа к Папе и также послала в Ватикан своего человека... Но это всего лишь последняя агония: если король принял решение, его уже не переубедить, каким бы глупым оно ни было... Ты понимаешь, что ждет теперь всех нас, дочь моя?

— Перемены, отец, и, я уверена, что к лучшему! Но когда вы уже упрсите короля взять меня в свиту его супруги? Пусть эта монашка вскоре падет, но, пока она при дворе, я могла бы стать ее фрейлиной...

— Нет, нет, только подумай, как отнесется к моей просьбе Анна? Скоро ей быть новой королевой Англии, и она уж точно не забудет того, что я умолял ее соперницу принять тебя в свои фрейлины. Это отбросит на тебя тень, моя радость. И на всех Нортон! А закончить, как отец Бригиды, я не желаю...

— Тогда упрсите Анну! Ей будет приятно слышать, что юная дочь советника Генриха по ночам не спит, так желает прислуживать ей! — взмолилась Альенора.

— А если вдруг Генрих умрет? Все может случиться! Умрет, так и не разведясь? Тогда Екатерина останется королевой-матерью наследницы престола! Эта женщина мягка, но и она не забудет о тех, кто причинял ей боль и топтал ее имя! Нет, моя птичка, я не могу так рисковать! Мы будем ждать... — упрямо настаивал сэр Нортон.

— Ждать? Но, отец, мне уже семнадцать! Я не желаю попасть во дворец старухой! — обиженно буркнула Альенора.

— Моя дорогая, ты знаешь, что я всегда иду у тебя на поводу, но в этот раз я настаиваю на своем: мы будем ждать удобного момента, —

серьезным тоном сказал лорд Нортон, и его дочь не стала спорить, а лишь расстроено вздохнула.

Робко постучав в дверь комнаты, в которой обычно работал ее отец, и получив разрешение войти, Бригида бесшумно проскользнула внутрь, и ее взгляд тут же встретился с взглядом незнакомого ей молодого, богато одетого мужчины.

— Отец! — Девушка сделала глубокий реверанс сэру Гизу, а затем не забыла поприветствовать и гостя. — Сэр!

— Воистину, девушки, прекрасней вашей дочери, сэр, не сыскать ни в Англии, ни в целом мире! — широко улыбнулся незнакомец, обращаясь к сэру Гизу, но не спуская с его дочери восхищенного взгляда. При появлении девушки небесно-голубые глаза молодого красавца зажглись, как факелы с приходом темноты.

— Бригида унаследовала свою красоту от Елизаветы Вудвилл, своей прародительницы. Как вам, должно быть известно, сэр, о прекрасной внешности этой легендарной королевы все еще слагают легенды, — довольно отозвался сэр Гиз. Он стоял у окна, с большой картой в руках, и, при дневном свете, внимательно разглядывал ее. Затем, отвлекшись от своего занятия, он положил карту на стол, подошел к дочери и взял ее ладонь в свою.

— Прошу прощения, отец, вы звали меня? — тихо спросила девушка, совершенно не понимая, зачем отец велел послать за ней в то время, как сам принимает посетителей. И кто этот белокурый красавец? Кажется, она уже видела его, но где и когда? Его лицо кажется таким знакомым, а его голубые глаза — такими родными! Но она не могла вспомнить, да и не желала.

— Вы уже оповестили вашего отца о своем возвращении, сэр? — поинтересовался сэр Гиз у гостя, словно не услышав голос Бригиды.

— Еще нет, сэр. Мое сердце требовало ответа, и, примчавшись, как ветер, первым делом я поспешил к вам, — не отрывая взгляд от красавицы мисс Гиз, промолвил гость, и этот пристальный, горящий страстью взгляд заставил девушку густо покраснеть, а ее разум наполниться сотнями вопросов, которые, однако, она не решалась задать вслух.

— Ах, даже так? — Мистер Гиз радушно рассмеялся, но Бригида, зная своего отца, тотчас распознала фальшь в этом его смехе. —

Но, сударь, прежде чем вступать на такой важный и ответственный путь, вам требуется получить разрешение ваших родителей!

— Мой отец будет только рад, как и моя мать, — тепло улыбнулся незнакомец, и не думая отвести взор от «Пламенной розы» Бригиды Гиз.

— Отец, прошу прощения... Я не понимаю, что происходит, — шепотом обратилась девушка к улыбающемуся сэру Гизу.

— Моя добрая, наивная дочь! — Сэр Гиз ласково потрепал девушку по плечу. — Неужели ты не узнала нашего гостя?

— Вы кажетесь мне знакомым, сэр, но я не припомню... — начала было Бригида, обратив свой взгляд на гостя.

— С тех пор, как мы видели друг друга в последний раз, моя дорогая мисс, прошло пять лет, и вы, верно, забыли меня. Но я не забыл вас. Эти годы ваше прекрасное лицо стояло перед моими глазами, а мои уши были наполнены вашим дивным пением, — перебил девушку незнакомец и принес ей глубокий поклон. — Я все тот же Филип, старший брат вашей лучшей подруги Альеноры.

Глаза Бригиды удивленно распахнулись: конечно, это он! Как она могла не узнать эти белые кудри и голубые, как небо, глаза? Филип! Он и Альенора так походили друг на друга, словно Господь дал им одну внешность на двоих!

«Каким он стал! Уже не тот нескладный юноша, учащий меня стрелять из лука, но мужественный и красивый мужчина! Он вернулся! Как рады будут его возвращению леди и сэр Нортон! А Альенора? Она так ждала его, с такой нежностью берегла и перечитывала его письма!» — Лицо девушки озарила счастливая улыбка, и Филип Нортон едва не задохнулся от ее красоты.

— Альенора будет так рада... Так рада! — воскликнула Бригида, прижав ладони к груди.

— А вы рады, мисс Гиз? — вкрадчивым тоном спросил Филип.

— Конечно, сэр, я тоже очень рада вашему возвращению, — робко ответила девушка.

— Что ж, прекрасно! К чему медлить, если два сердца с такой неотвратимой силой тянутся друг к другу? — деловито сказал отец Бригиды. Его лицо сияло от удовольствия. — Устроим свадьбу на следующей неделе!

Глава 6

Бригида непонимающе взглянула на отца, но тот смотрел на нее свысока и широко улыбался, что дало девушке понять: ее выдают замуж. Выдают, не спросив ее. Она знала, что когда-нибудь это случится, что эта судьба уготована каждой дочери, но сейчас, когда этот момент наконец-то настиг ее, душа девушки завопила от возмущения.

— Отец... Но как я могу покинуть вас с матушкой? — с болью в сердце пролепетала Бригида.

Однако это не была боль будущей разлуки с родителями: ее сердце зарыдало от осознания того, что не Вильям Тьюри станет ее супругом, а Филип Нортон! Конечно, она питала к нему теплые чувства, но лишь, как в брату лучшей подруги... Она ничего о нем не знает! Она видела его так редко, лишь несколько раз в своей жизни, ведь все детство он провел у своего дяди-рыцаря, а затем на пять лет пропал в Европе, сражаясь за Генриха и интересы Англии. И пусть она видела Вильяма так же редко, как когда-то Филипа, этот мужчина казался ей самым родным и знакомым существом в мире после ее дорогой Альеноры.

— Тебе пора стать супругой достойного мужчины, дочь моя, а сэр Нортон именно такой. Он сумеет сделать тебя счастливой и даст тебе много здоровеньких и красивых детишек. — Сэр Гиз вновь потрепал дочь по плечу, словно подбадривая, но та знала: отец велит ей замолчать и молча принять его волю.

И девушка так привыкла подчиняться, что фальшиво улыбнулась, согласно кивнула головой и, как положено женщине, опустила взгляд в пол.

— Вы не рады, моя леди? — слегка нахмурился Филип. Он ожидал совершенно другой реакции: ему всегда казалось, что эта красавица испытывает к нему нежные чувства и только и ждет его возвращения. Испуг и отторжение, невольно появившиеся на лице мисс Гиз, огорчили его.

Услышав голос Филипа, Бригида покрылась румянцем, не зная, что ответить, чтобы не обидеть и не унизить его достоинство.

«Нет, сэр, я не рада! Мое сердце плачет, и, если вы имеете ко мне хоть каплю жалости и симпатии, то скажете отцу, что все же не желаете жениться на мне! Прошу, оставьте мне свободу и время! А вдруг Вильям передумает и захочет сделать меня своей?» — с отчаянием в душе подумала девушка, но вслух сказала иное:

— Я польщена, сэр... Я не ожидала... Вы приехали... Мы все очень рады... — Ее голос прозвучал нежно, с придыханием, ведь она боролась со своим волнением, но манера, с которой были сказаны эти ничего не значащие слова, уверили Филипа в том, что мисс Гиз была так рада своей помолвке с ним, что просто не находила слов.

Ведь мужчине так легко видеть нужные знаки, когда он желает владеть сердцем, душой и телом любимой женщины!

— Позвольте мне поговорить с моим отцом. Но сперва, прошу, дайте мне милость почувствовать нежность вашей ладони, моя дорогая невеста, — тихо попросил Филип и протянул девушке свою большую, загрубевшую от многих сражений и упражнений с мечом, ладонь.

Как желала девушка ударить эту ладонь, отбросить ее от себя! Увы, у нее не было выбора: в мире мужчин согласие женщин не требуется. Лишь Альеноре выпало такое везение с отцом, который поддерживал любое ее решение.

— Это честь для меня, сэр, — промолвила Бригида и робко вложила свою маленькую белую ладонь в ладонь своего жениха.

— У вас такие нежные руки, мисс, — улыбнулся Филип, сжав ладонь девушки немного крепче, чем позволяли правила приличия. Но ведь она была его невестой, и он считал, что ему позволительны были маленькие вольности, а если нет — отец Бригиды даст ему понять, что он перешел черту.

Но сэр Гиз лишь молча улыбался и наблюдал за диалогом молодых людей: не стоит отпугивать такого жениха. Даже если Филип Нортон вдруг задумает поцеловать руку Бригиды... Что ж, можно отвернуться или сделать вид, будто эта вольность просто-напросто не попала ему на глаза.

— Но, дорогой Филип, найдите же поскорее вашего отца, — мягким тоном прервал неловкую сцену сэр Гиз, желающий официально закрепить помолвку дочери и Филипа Нортонна благословением отца последнего. — Нам с вашим отцом стоит многое обсудить, но, как я уже сказал, приданое Бригиды...

— Я не ожидаю никакого приданого, сэр. Позволив мне повести вашу дочь к алтарю, вы уже наделили меня сокровищем, — перебил будущего зятя Филип.

— Любовь — наивысшая драгоценность, даруемая нам Господом, — улыбнулся сэр Гиз, ни капли не любивший свою супругу, но женившийся на ней по расчету. — Но, думаю, ваш отец должен дать вам свое позволение передать в вашу собственность один из своих замков и довольно большой кусок плодородных земель.

— Эти владения будут переданы мне без колебаний, сэр. Когда я уходил на войну, мой добрый отец обещал мне, что, если я вернусь живым, то смогу жениться на любой, милой моему сердцу девушке, и получу в пользование замок Шадоу и его окрестности.

— Тогда я спокоен. Зная вашего отца, моего лучшего друга, я уверенно заявляю, что благороднее и щедрее мужа не найти, — льстиво сказал сэр Гиз. — Но вам следует побеседовать с ним, а я в это время побеседую с моей дочерью. — Ему необходимо было отослать жениха дочери вон из комнаты, чтобы провести с Бригидой серьезную беседу насчет ее брака и уверить ее в том, что этот брак принесет пользу всем Гизам и, возможно, поможет им выбраться из долговой ямы и бедности.

Бедность Гизов бала настолько вопиющей, что, если бы ни сэр Нортон, по-братски любящий своего давнего друга Ричарда Гиза, вновь и вновь одалживающий ему деньги и знающий, что, возможно, он никогда не получит их обратно, маленькое благородное семейство Гизов умерло бы от холода и голода. Ведь даже платье, которое в этот день носила Бригида, было куплено за деньги щедрого сэра Нортонна. Но сэр Гиз с трудом принимал свое положение и считал оскорбительным занимать деньги... А здесь такое щедрое предложение! Филип Нортон желает жениться на Бригиде! Даже зная, что за ней не дадут приданого! Кто бы мог подумать, что Гизам улыбнется такая удача?

Филип понимал справедливость слов отца своей невесты и, чтобы как можно скорее приблизить счастливый час первой брачной ночи с этой скромной медноволосой красавицей, принес Гизам молчаливый поклон и покинул комнату.

«Нет... Нет! Я не желаю становиться его женой!» — в ужасе кричала про себя Бригида, не смея поднять взгляд на отца. Ее

фиалковые глаза вновь наполнились слезами, ведь она понимала, что отказать Филипу она не может... Да и смеет ли она? Родители не раз говорили ей, что ей нужно быть резвее и чаще улыбаться, ведь ее богатый муж сможет помочь им вернуть былую славу. И хорошо бы, чтобы этот муж был приближенным короля и мог бы замолвить словечко за семью своей супруги... А ведь Филип Нортон был именно таким мужчиной: сын королевского советника, верный слуга короля, храбрый воин и такой же красавец, как его сестра. Какой жених может быть лучше Филипа?

«Вильям. Он может быть лучше» — обреченно вздохнула девушка, и две крупные слезы сорвались с ее длинных ресниц и увлажнили ее белоснежные щеки.

— Не плачь, — приказным тоном сказал сэр Гиз, не выносивший женских слез.

— Простите, отец... — Бригида торопливо вытерла щеки ладонью.

— Филип делает нам всем великое одолжение, женившись на тебе, — уже более мягким тоном промолвил сэр Гиз и осторожно приподнял подбородок дочери, заставляя ее смотреть в его глаза.

— Я знаю, отец, — громко прошептала бедная девушка и постаралась выдавить из себя улыбку.

— К тому же он брат твоей любимой Альеноры. Только представь, каких красивых детей он тебе даст! И Альенора будет их родной теткой! — продолжил сэр Гиз.

— Вы правы, отец... Конечно, правы...

— Я заботился о тебе все эти восемнадцать лет. Мы с твоей матерью желаем тебе только счастья, и этот мужчина, я уверен, будет твоим хранителем и защитником.

Это была ложь. С самого рождения дочери сэр Гиз видел в ней только недостатки и лишний рот, который нужно было кормить. Он и леди Джейн ожидали сына, который, повзрослев, смог бы сам обеспечить себя службой у короля или в английской армии, но вместо мальчика родилась дочь, за которой в будущем нужно было дать приданое, а когда Артур, старший сын Гизов умер от горячки и у них осталась только дочь, некому было передать семейное имя, ведь Бригиде суждено было принять имя своего супруга. И пусть сын Бригиды сможет унаследовать замок Гиз, но древнее родовое имя,

пришедшее в Англию века назад с завоевателями-франками, пропадет навсегда. Смерть Артура, нежно любившего свою сестру и пытающегося оградить ее от родительских колкостей, привело к тому, что тихий ручеек оскорблений в ее адрес превратился в бушующий, ревущий водопад.

Последняя фраза заставила девушку печально улыбнуться: ах, если бы все было именно так! Увы, это всего лишь красивые слова!

Но сэр Гиз принял улыбку дочери за улыбку понимания и благодарности.

— Представь, как счастлива будет Альенора, услышав, что ты и ее брат станете мужем и женой! — тихо воскликнул он и взял холодную ладонь Бригиды в свою.

— Она будет рада, да... — Бригида судорожно сжала ладонь отца: никогда ранее он не дарил ей такой чести! Это был первый раз в жизни, когда сэр Гиз держал ее ладонь в своей, и эта ничтожная отцовская ласка показалась девушке такой сладкой, что она готова была бежать с Филипом к алтарю хоть в этот самый момент.

— Это твое предназначение, дочь моя: стать супругой и матерью, — ласково сказал сэр Гиз. На миг ему стало горько от того, что его единственный ребенок покинет дом, но он тотчас утешил себя мыслью о том, что Филип сможет войти в круг приближенных короля и уговорить его вернуть Гизам их титул, состояние и замки.

— Я понимаю это, отец, и я не подведу вас. — Бригида робко поцеловала отца в щеку, а затем с чувством прикоснулась губами к тыльной стороне его ладони. — Скажите обо всем матери, а я обрадую Альенору. — Сделав глубокий реверанс, девушка покинула комнату отца, мужественно борясь с горячими слезами, в который раз подступившими к ее фиалковым глазам.

Старые слуги громко охали от радости и хватались за сердце: сын хозяина вернулся с войны! Ах, как возмужал! Ах, жив, здоров! Не калека! Руки, ноги на месте! Юные служанки, впервые видевшие Филипа Нортон, бросали свои дела и, восторженные внешностью этого статного мужчины, смотрели ему вслед. Таких красавцев этот замок еще не видел! Эти длинные белые кудри, это несколько

продолговатое, но красивое лицо, эти невозможно ослепительные, голубые, как летнее небо, глаза! Он высок, его грудь так широка, а левая ладонь грозно покоится на рукоятке большого меча, спрятанного в металлические ножны! Кто он? Откуда прибыл?

— Как похож на нашу мисс Альенору! Может, брат ее? — все же догадалась одна из девушек, когда знатный красавец в богатых одеждах скрылся за углом широкого каменного коридора, украшенного дорогими гобеленами, среди которых особое место занимал огромный темно-зеленый гобелен с древом Нортон.

Пошептавшись, девушки сошлись на мнении, что неизвестный им красавец и вправду был братом мисс Альеноры, а значит, сыном сэра и леди Нортон, и поторопились найти кого-нибудь из слуг постарше, чтобы выпытать у бедолаги все известное ему о молодом красавце Нортоне.

Но Филип совершенно не замечал похотливых и восхищенных взглядов служанок: перед его глазами стояла медноволосая Бригида, его невеста, такая скромная, такая робкая... Как сладко будет собственноручно раздеть ее в их первую брачную ночь! Конечно, снять с нее подвенечное платье ему не дадут, но все же ему достанется самый лакомый кусочек одеяния невесты: ее белое, длинное, ночное платье. Он снимает его медленно, так, чтобы не напугать целомудренную Бригиду, а когда платье окажется на полу, он покрывает тело невесты мягкими нежными поцелуями...

Зайдя, без стука, в покои отца, молодой Нортон с неудовольствием обнаружил, что того в комнате не было. Однако бродить по замку и саду Филипу не пришлось: уже открыв дверь, чтобы покинуть покои, он едва не сбил с ног своего собственного отца.

Коротко вздохнув от неожиданности, отец бросился обнимать своего сына.

— Вернулся... Вернулся! — горячо прошептал сэр Нортон, не выпуская Филипа из своих любящих крепких объятий.

— Я же сказал, что вернусь, отец... Вот он я! — дрогнувшим голосом, полным нежности и радости, отозвался Филип.

— Шесть месяцев! Ни одной весточки! — всхлипнул сэр Нортон, отстраняясь от сына. Затем он обхватил родное гладковыбритое лицо Филипа ладонями и, словно не веря, что это не было сном, сжал его с

такой силой, что молодому воину пришлось со смехом отвести от себя эти большие теплые ладони отца.

— Как ни одной? Я послал два письма! — удивился Филип, но затем звонко рассмеялся. — Но Дьявол с ними! Как я рад видеть вас, дорогой отец! Какую знатную бороду вы себе отрастили! Пора косы заплетать! Разве вы не слышали, что нынче при королевском дворе все подражают Генриху и его короткой бороде? Вы ведь часть этого двора, пора бы и вам избавиться от этих косм!

— Полно, сын мой, полно! Пусть молодые портят свои бороды, а мы, старики, останемся верны прежней эпохе, — ничуть не обидевшись, добродушно улыбнулся сэр Нортон и похлопал сына по плечу. — Какой наряд! Будто не с войны вернулся, а на свадьбу!

— Как же ловко вы меня раскусили, отец! Я женюсь! — уже более серьезным тоном промолвил Филип, и его красивое лицо осветила счастливая улыбка. — Я мечтал об этой девушке пять лет, и вот она дала мне свое согласие!

— Уже дала?

— И ее отец, разумеется.

— Когда же ты успел? Должно быть, какая-нибудь испанская страстная роза?

— Лишь одна девушка смогла покорить меня. Лишь одна роза. Роза, рожденная моей любимой родной Англией.

— И имя этой красавицы...

— Бригида Гиз.

Счастливым огонек в голубых глазах сэра Нортон погас, уголки губ опустились.

— Зайдем-ка в мои покои, сын мой... — начал было он.

— Что не так, отец? — перебил Филип: от него не укрылась тень, вдруг омрачившая чело отца.

— Заходи, заходи... Нечего нам стоять здесь, посреди коридора! — Сэр Нортон едва ли не силой втолкнул сына в свои покои, затем быстро зашел сам и плотно закрыл за собой дверь.

Глава 7

— Филип! Ты вернулся!

Через мгновение Альенора повисла на шее своего старшего брата, а тот, смеясь, закружил ее, как делал это до того, как ушел воевать. Любящие сестринские объятия, этот любимый звонкий голос, это изобилие чувств, эта ангельская улыбка... Как он скучал по всему этому! Хотя между братом и сестрой была разница в четыре года, она никогда не давала Филипу маяться от скуки, а он, как и их отец, потакал всем ее прихотям. Долгие годы европейских войн, залитых кровью врагов и друзей, ужесточили характер молодого Нортон, но для своей «маленькой сестренки» он оставался все тем же Филипом.

— Как ты выросла... Еще вчера бегала по лестницам за собаками отца, а теперь поди пойдешь к брачному алтарю! — восхищенно смотря на сестру и любясь ее родными чертами, сказал Филип. — Должно быть, все местные лорды, холостые и женатые, от тебя без ума!

— О, ты еще сомневаешься в этом? — сладким голосом ответила Альенора. — На днях моей руки просил молодой красивый мужчина, отец которого почти так же богат, как наш.

— Я только что от отца, а он даже не упомянул о том, что выдает тебя замуж! — добродушно рассмеялся Филип. — Бедный отец! Ну, кто еще будет разорять его, когда ты перейдешь под опеку супруга?

— Замужество, дорогой брат, не мой удел! — Альенора презрительно хмыкнула и закружила брата в танце. — Я стану фрейлиной королевы!

— Но, что же проситель? — удивился Филип, повинувшись капризу Альеноры.

Они танцевали посреди украшенного яркими цветами сада, под громкое пение птиц, словно находились в огромном танцевальном зале, и их ноги скользили по траве так же ловко, как по холодным плоским камням.

— Просителю пришлось собрать осколки своего сердца, растоптанные моими туфлями! Отец расстроился, мать даже всплакнула, в тайне от меня, но ты знаешь, Филип: мою волю не

сломить! — пропела белокурая красавица Альенора. — Но этот замок все же увидит свадьбу!

— Как ты узнала? — Филип был настолько изумлен, что остановил начатое па, а его губы расплылись в непонимающей улыбке.

— Я слыхала, сегодня какой-то прекрасный богатый мужчина попросил руки нашей красавицы Бригиды, — словно не замечая удивление брата, с хитрой улыбкой сказала Альенора, все так же танцуя, хоть и без партнера. Она танцевала так изящно, и так пленительны были ее движения, что садовник, молодой угрюмый детина, отвлекся от работы и заворуженно уставился на танец дочери хозяина.

— И этот мужчина — счастливейший из смертных, — усмехнулся Филип, но, заметив внимание садовника к Альеноре, грубо бросил тому: — Ты на кого уставился, собака? Ласкаешь своими похотливыми глазами мою сестру, мисс Нортон? За такую наглость стоит отрубить тебе твою безобразную голову! — Он грозно насупился и схватился за рукоять своего меча.

— Христа ради! Простите, сэр! Простите, мисс! Христа ради! Ради Матери Божьей Девы Марии! Да видит Господь, ослепила меня, жалкого глупца, красота солнышка нашего мисс Нортон! — упав на колени и многократно осеняя себя крестом, залепетал до смерти испуганный садовник.

— Пошел прочь, псина! Еще раз взглянешь на мою сестру — велю четвертовать! — выплюнул Филип, а на его лице отобразилась такая злоба, что Альенора невольно нахмурилась.

— Не узнаю тебя, брат мой... Так рассердиться из-за жалкого садовника! Танцуй со мной! — Девушка вновь схватила брата за руки, желая танцем вернуть ему доброе расположение духа, и тот, глубоко вздохнув, вновь присоединился к ней. — Счастливица Бригида! Как она рада! Только подумай! Она любит этого мужчину уже несколько лет!

— Любит? Это она сказала тебе? — Сердце молодого Нортон застучало громко, как стучат лошадиные железные подковы о каменный мост.

— А кто же еще? — Альенора залиvisto рассмеялась. — Скоро она получит то, чего отчаянно желает, и я счастлива оттого, что счастлива она! И пусть ее жених недостоин ее, пусть он дурак и шут...

— Как приятно получить такие похвалы от родной сестры! — рассмеялся Филип.

— Эти похвалы не для твоих ушей, глупенький! А для ушей жениха Бригиды!

— Именно с ним ты сейчас ведешь беседу.

Альенора резко остановилась, оттолкнул от себя брата и внимательно взгляделась в его лицо.

— Ты жених Бригиды? — неуверенно спросила она, но ответа ей не требовалось: властная улыбка Филипа говорила сама за себя. — Но отец получил письмо! Не ты... Нет, не ты должен стать ее супругом! Это не тебя она любит!

— Не любит сейчас — полюбит позже, когда я подарю ей красивого здорового младенца, — самоуверенно заявил Филип. — У нас будет много детей.

— Филип, она любит Вильяма Тьюри! Она умрет, когда узнает, что он первым попросил ее руки, но отдали ее тебе, а не ему! — возмущенно бросила Альенора. — Она будет несчастна! Всю свою жизнь!

— Но ведь она никогда не узнает об этом. Ее собственный отец не сказал мне ни слова о том, что этот лизохвост желает взять ее в жены.

— Сэр Гиз ничего не знает! Отец Вильяма написал не ему, а нашему отцу! Я вымолила у нашего отца щедрое приданое для моей бедной Бригиды, и сэру Тьюри это пришлось по душе! А тут ты...

— Ах, Филип, вы, должно быть, уже обрадовали вашу сестру новостью о нашей помолвке? — вдруг услышали Нортон голос Бригиды, и он заставил их прекратить их горячий спор, обернуться к мисс Гиз и спрятать свои чувства за улыбками.

— Да, он сказал мне... Но, Бригида, ты должна знать... — Альенора бросила на брата пылкий взгляд, словно спрашивая: «Ты любишь ее?», на что его взгляд, полный боли и надежды, ответил: «Больше жизни! И ты вонзишь в мое сердце нож, если скажешь ей правду!»

— Что? Что знать? — улыбнулась Бригида, подходя к Нортонам.

— Что день вашей свадьбы будет самым радостным событием, которое только видел этот огромный старый замок! — проглотив ком, застрявший в горле, с фальшивой радостью воскликнула Альенора. Чувствуя, что не в силах больше находиться здесь и не желая, чтобы

слезы горечи, сдавливающие ее грудь, вырвались наружу и огорчили подругу, она поспешно добавила: — Я найду матушку и расскажу ей! — Она крепко обняла Бригиду, в мыслях умоляя простить ее за обман, а затем грациозно приподняла полы своего платья и покинула сад.

Леди Гильда еще не знала о возвращении сына, поэтому, когда Альенора нашла мать в ее покоях за вышиванием гобелена, та так обрадовалась, что уронила и гобелен, и иголку на пол. Глаза бедной женщины наполнились слезами счастья: сын, первенец, воин Христа и защитник Англии вернулся к ней! После долгих лет разлуки, наполненных молитвами за здоровье и жизнь Филипа, она наконец-то сможет прижать его к своему материнскому сердцу и сказать, как она скучала по нему, как она любит его, своего сына! И пусть бы даже он вернулся калекой, она заботилась бы о нем без устали, все с теми же любовью и терпением.

— Матушка, он цел и невредим! Перестаньте уже плакать, а то глаза покраснеют. Мужчины любят наши слезы, но, думаю, Филипу уже хватило женских слез, ведь он оставил столько женщин Франции вдовами. Наш дорогой Филип нуждается в радостных возгласах и танцах! — ласково сказала Альенора, глядя узкую спину матери.

— Ты права, права! Устроим пир в честь его возвращения! Будем петь, танцевать, смеяться! Окружим его весельем и заставим забыть о тех ужасах, что он видел и что творил сам! — тотчас взбодрилась леди Нортон. Она поднялась со своего стула, придвинутого к окну, и направилась к двери.

— Он творил эти ужасы во благо Англии, матушка! Эти французы никак не успокоятся, никак не насытятся, эти волки! — Альенора пошла вслед за матерью.

Они вышли в коридор и, подняв полы юбок чуть выше, чем следовало, торопливо направились на кухню: поваров и поваренок ждало много работы! В честь возвращения хозяйского сына должны быть приготовлены десятки блюд! Мясо! Рыба! Птица! Все самое свежее, самое вкусное! Вина тоже должно быть в досталь!

— Моя дорогая, когда мужчины убивают друг друга и оставляют жен друг друга вдовами, в этом нет ничего романтического! Но мой мальчик вернулся! Живой... Как долго я ждала этого дня! Нам нужно будет сходить в церковь и принести Господу молитву благодарности! — сказала леди Гильда. — Нет, нет! Мы проведем мессу! Пошли служанку к священнику! Пусть подготовит на завтра длинную и прекрасную мессу!

— Так и сделаю, матушка! И месса нужна! — восторженно воскликнула Альенора, но затем ее чело омрачила тень, и она добавила: — Торжество будет не только в честь его возвращения, но и в честь его помолвки... Он женится. И знаете на ком?

— Женится? — Эта новость заставила леди Нортон остановить шаг, прижать ладони к груди и едва ли не заплакать от счастья: — Ах, неужели скоро я буду держать в руках внуков? И кто же эта счастливица? Да пошлет им Бог счастья и плодородия! Пусть ее чрево возрастит и выносит в себе много детей!

— Он женится на Бригиде, матушка! — наклонившись к лицу матери, тихо сказала Альенора. Никто не должен быть слышать их беседу.

— Милая моя, но ведь уже обговорено, что она выйдет за Вильяма Тьюри! Конечно, это дурно с его стороны пытаться причинить тебе боль и отомстить за отказ, женясь на твоей лучшей подруге, но... — громко зашептала удивленная леди Нортон.

— Забудьте об этом! Ни Бригида, ни ее отец, ни ее мать не знают о письме этого дурака! Наш Филип любит ее! Он никогда не говорил мне об этом открыто, но в своих письмах часто спрашивал о ней и велел передавать от него горячие приветствия! — вкрадчивым тоном, тихо увещевала мать Альенора: она уже смирилась с тем, что Бригида не получит в мужья того, кого любит, ведь мисс Нортон знала, что ее брат будет любить ее подругу, защищать и хранить. И ведь сам Филип заслуживает счастья! Как он сказал: «пусть Бригида не любит его сейчас, но полюбит позже». Ведь как можно не полюбить этого белокурого голубоглазого красавца?

— Но... Но Бригида бедна! Ее отец не даст за ней приданого, ты ведь знаешь, что он в опале! Зачем нашему мальчику жениться на девице с такой репутацией? Что о нас скажут? Что мы породнились с

изменниками? — возмущенно бросила леди Гильда, и ее лицо покрылось румянцем.

— Вы так говорите, матушка, словно моя Бригида какая-то распутница! — ледяным тоном ответила на это Альтенора: слова матери глубоко уязвили ее. — Не ее вина в том, что сэр Ричард оказался таким глупцом и перешел дорогу Анне Болейн! Почему она должна страдать из-за его длинного язвительного языка? Такой супруги, как Бригида, Филипу не сыскать в целом мире! Прекрасная, как ангел, робкая, как лань, послушная, как... — Девушка запнулась, не в силах подыскать нужное слово, ведь сама послушной она никогда не была и становиться не собиралась. — Как должно быть женщине! Сейчас же заберите свои слова обратно, или, клянусь, я ни слова вам больше не скажу! Ни слова, пусть вы и будете лежать на смертном одре! — Гнев Альтеноры на несправедливое замечание матери был так велик, что она готова была воплотить свою угрозу в действие.

— Ну, что ты, ангел мой! Я люблю Бригиду так же, как тебя, словно она моя вторая дочь! — поспешила исправиться леди Нортон и, заискивающе улыбнувшись, взяла ладони дочери в свои. — Наш Филип будет счастлив с ней! И я буду счастлива не менее его! Но отправляйся же в церковь, не нужно искать служанку! А я поспешу на кухню и прикажу наготовить столько лакомств, что их остатками можно будет накормить тысячи попрошайек и бедняков!

Зайдя в старинную каменную церковь, в которой летом стояла приятная прохлада, а зимой холод, от которого до костей промерзали и Отец Марк, и его прихожане, Альтенора с удивлением обнаружила в ней свою подругу.

Бригида стояла на коленях у распятия, вперив взгляд в лицо Иисуса и медленно перебирая четки. Ее губы двигались в беззвучной, но страстной молитве, она не замечала никого и ничего вокруг. Девушка пришла к Богу, чтобы спросить его: это ли судьба, которую он желает для нее? Неужели ей суждено стать женой Филипа, мужчины, которого она не любит и никогда не сможет полюбить? Пусть он брат Альтеноры, пусть он красив и силен, а его отец богат...

Она не желает идти с ним к алтарю, не желает лечь с ним в брачную постель.

«Почему ты так жесток ко мне, Господи? Я верная и послушная Твоя дочь, не пропустила ни одной молитвы, а на мессе я пою громче всех, и душа моя замирает от каждого слова, которую Ты написал в священной Твоей книге... Почему не Вильям? Почему Филип? Но отец так рад... Ему не терпится избавиться от меня, я чувствую это... Прости мне мои сомнения, прости мое непонимание, мою глупость... Но это ли Ты уготовил мне? Быть супругой нелюбимого и матерью его детей? Если да, дай мне знак, и я смирюсь, и никогда больше не усомнюсь! Если нет, если это... Недоразумение или... Или что-то другое, скажи мне! Пока не поздно! Пока я не сказала ему: «Согласна» у священного Твоего алтаря!» — молилась Бригида, плотно закрыв глаза и слегка покачиваясь взад-вперед, в надежде получить от Создателя ответ на свои вопросы.

— О, моя дорогая... Ты здесь? — тихо, чтобы не испугать, ласковым тоном спросила подругу Альенора.

Но она подошла к Бригиде так бесшумно, или сама мисс Гиз была так увлечена своей молитвой, что, несмотря на усилия Альеноры, склоненная в молитве девушка резко распахнула глаза и вздрогнула, как лист от неожиданного порыва ветра.

— Прости! Я не хотела напугать тебя... Я пришла, чтобы попросить Отца Марка подготовить на завтра торжественную мессу в честь вашей с моим братом помолвки, — виновато улыбнулась Альенора. — Ты, случайно, не знаешь, здесь ли он? Или опять пропадает на лугах, собирая мяту?

— Право, не знаю... Я пришла не к нему, а к нашему Всевышнему Отцу, ведь Он всегда здесь, — рассеяно ответила Бригида. — Но, если ты не против, я еще помолюсь.

— Конечно, моя милая, я не буду беспокоить тебя... Но только представь, что совсем скоро ты и Филип будете стоять у этого самого алтаря, чтобы соединить ваши души во Христе! — тихо воскликнула Альенора, окинув взглядом роскошный, украшенный золотом алтарь и золотые подсвечники. Ее отец не жалел денег для Церкви и часто подносил ей щедрые подарки, которые с благословением принимались.

— Да... Отец сказал, что свадьба будет на следующей неделе... — Голос Бригиды дрогнул. Она не желала обижать дорогую ей подругу

нежеланием выходить за ее брата, но не могла скрыть от Альтеноры своего разочарования и боль, которые та легко прочитала на ее белоснежном, как снег, лице.

— Ты не хочешь выходить за него, верно? — слегка поморщившись от собственной низости, громко прошептала Альтенора: ведь она знала, что Вильям Тьюри попросил руки Бригиды, но предпочла счастью подруги счастье своего брата.

— Он... Он прекрасный мужчина и твой брат. Мы станем сестрами, — ушла от ответа мисс Гиз, не смея взглянуть на лицо Альтеноры.

— Но ты не хочешь становиться его супругой? — снова, все так же настойчиво потребовала ответа Альтенора.

— Разве у меня есть выбор? — В этот раз Бригида нашла в себе силы поднять взгляд от четок на подругу, и на ее красивых полных розовых губах возникла грустная улыбка.

«Нужно сказать ей! Не могу смотреть на ее мучения! Филип еще молод, он полюбит еще не раз, но Бригида... Если она выйдет за него замуж, ее жизнь будет наполнена обманом и отторжением к собственному супругу. Он ее любит, да, но любовью лишь одного двоих не согреть... Я скажу ей! Она должна знать, что ее счастье от нее скрывают! И я в том числе!» — пронеслось в разуме Альтеноры, и она открыла уже было рот, чтобы признаться подруге в своей вине, как позади нее послышались громкие шаги тяжелых мужских сапог, а своды костела наполнили голоса сэра Нортон и Филипа.

Глава 8

— Украсим церковь так же роскошно, как к Рождеству! — говорил сэр Нортон, энергично размахивая руками. — Вышлем приглашения всем друзьям и знакомым! И да пополнится род Нортонов маленькими отпрысками... А вот и наша невеста! Должно быть, приносит Богу благодарность за то, что он послал ей такого жениха, как ты, сын мой! — заметив Бригиду и Альенору, находившихся у алтаря, с улыбкой промолвил хозяин замка.

— Потихе, отец, не вгоняйте мою бедную красавицу в краску, — вполголоса заметил Филип: он догадывался, что мисс Гиз оказалась в костеле не по причине радости своей помолвки с ним, но этот факт не смущал сердце этого мужчины, ведь он был настолько влюблен в рыжеволосую красавицу Бригиду, что не имел и тени сомнения в том, что он вырвет из сердца жены ее болезненную страсть к другому и заставит ее душу наполниться любовью к своему законному супругу.

Но присутствие Альеноры и мука, написанная на ее лице, спугнули Филипа: несмотря на пятилетнюю разлуку с сестрой, он знал это ее выражение лица, поэтому поспешил подойти к ней, поднять и закружить, как маленькую девочку.

— Сестра! Ах, сестра! Господь свидетель, я готов умереть от счастья! — нарочито весело и громко воскликнул он, но его голубые глаза предупреждающе блеснули, запрещая Альеноре раскрывать свой красивый рот и рассказывать подруге о том, чего той знать не следовало.

— Мы в Храме Божьем, проказник ты эдакий! — также весело ответила Альенора. — Бригида! Ну, посмотри, что вытворяет твой жених! Танцует в святой церкви, как последний грешник! — Безмолвная угроза брата не ускользнула от ее взгляда, но она не боялась Филипа: пусть помучается! Пусть почувствует все то, что будет твориться в душе Бригиды, когда та узнает правду! А ведь правда всегда торжествует... Рано или поздно.

— Тебя ищет матушка, — поставив сестру на каменный пол, промолвил Филип: ему не терпелось отправить Альенору подальше от Бригиды. В эти минуты он даже испытывал к ней самую настоящую

неприятель, словно она приходилась ему не родной кровью, а наглой заносчивой девицей из темных узких улочек больших европейских городов.

— Она послала меня к Отцу Марку приказать ему подготовить праздничную мессу в твою честь, брат мой... И, конечно, в честь счастливейшего события в твоей жизни, — улыбнулась непоколебимая Альенора, нарочно сделав акцент на слово «твоей».

— Я передам Отцу Марку ее приказ. Но иди же: кажется, матушка нуждается в твоей поддержке, ведь ты так верна своей семье, сестра моя. — Филип мягко подтолкнул Альенору к выходу. — Я и моя невеста помолимся, чтобы милосердный Отец Небесный принес в нашу колыбель своих маленьких ангелов, которых мы будем любить больше нас самих.

Альенора была поражена настойчивостью и грубостью Филипа, но, в присутствии отца, с улыбкой наблюдающего за милым диалогом своих отпрысков, не смогла найти в себе силы ответить брату резкостью. Вместо слов возмущения его недостойным поведением, девушка склонила голову набок, прищурила глаза, прошептала: «Что ж, счастья вам! Обоим!» и грациозно покинула церковь.

— Отец, постойте у двери. Мне не терпится вновь коснуться ее ладони, но жениху и невесте не должно оставаться наедине, — тихо попросил Филип своего отца.

— Но вы не одни здесь: с вами Бог, и он наблюдает за вами, дети мои, — добродушно обронил сэр Нортон. — Но я отойду на крайнюю скамью и помолюсь...

Сэр Нортон помнил жар, который бушевал в нем при одном взгляде на его тогда будущую супругу голубоглазую, гибкую как молодая лоза, мисс Хойд. Ему посчастливилось жениться по любви, и он желал своим детям такой же райской судьбы. Он понимал, чего хочет его сын, и, как и отец Бригиды, готов был закрыть глаза на некоторые правила приличия, лишь бы доставить Филипу радость.

— Помолитесь со мной, мисс Гиз, — тепло улыбнулся Филип, присев на колени у алтаря, рядом с невестой. Он без колебаний накрыл ее ладонь своей. — Теперь никто и ничто не разлучит нас. Только смерть.

— Я дала вам мое слово, сэр, и сдержу его, — тихо пообещала Бригида и добавила про себя: «Хотя, конечно, вам оно и не

потребовалось, ведь вы и мой отец решили все за меня!»).

— Моя милая, только взгляни, как бледно твое лицо! Что подумают гости? Улыбнись! Твой жених без ума от тебя, дочь моя! — погладив щеку дочери, заметила леди Гиз, недовольная видом Бригиды, которая, бледная и осунувшаяся, больше походила на мертвую принцессу, чем на счастливую невесту.

— Твоя мать права! Ну, же, покажи нам свою ангельскую улыбку! Только подумай, сегодня мы сможем смело назвать друг друга «сестрой!», — жизнерадостным тоном поддакнула Альенора и легко прикоснулась губами к ладони подруги. Однако, несмотря на напускное веселье, мисс Нортон чувствовала себя виноватой в том, что в свое время ей так и не удалось пересилить себя и дать Бригиде возможность отказать Филипу и сказать: «Да» Вильяму. Все эти дни она молча наблюдала за братом и уверилась в том, что тот будет для ее дорогой подруги самой лучшей и достойной партией: Филипа она знала и любила, она была готова поручиться за то, что тот сделает Бригиду счастливой, ведь он любил ее всем сердцем. А что Вильям Тьюри? Он попросил руку Бригиды лишь в отместку за то, что она, Альенора, ответила ему отказом! Что он мог принести ее подруге, кроме как муку и ревность? Пусть подыскивает себе другую глупышку! Бригида возьмет имя Нортон, и ее жизнь пройдет в любви и благополучии, так теперь считала Альенора. И все же ей больно было смотреть на Бригиду, ее грустное лицо и вымученную улыбку.

«Но этот день пройдет, и уже через месяц она поймет, что Господь благословил ее, дав в супруги моего Филипа!» — улыбнулась про себя мисс Нортон, поправляя складки свадебного платья Бригиды.

Мисс Гиз, Альенора и Бригида находились в покоях последней и помогали невесте со свадебным нарядом.

Бригида, которой, по уверениям ее матери и подруги, следовало улыбаться и даже благодарить Бога за бесценный подарок, а именно брак с таким вельможей, как Филип Нортон, была глубоко несчастна, и мысли ее были темны, как ночь. Несмотря на горячие молитвы, она не смогла принять свою судьбу без внутреннего молчаливого ропота и крика, но твердо знала, что добровольно пойдет в церковь и там станет

супругой нелюбимого мужчины, ведь так было нужно, именно для этого она родилась и была вскормлена своими родителями. Она могла мечтать и надеяться, но без колебаний готова была подчиняться воле отца.

— Ах, как ты прекрасна! Как же я счастлива! Отец Всевышний послал мне самую прекрасную дочь в мире! — с чувством выдохнула мисс Джейн Гиз, отступив от Бригиды и окинув ее от свадебного вышитого золотом чепца до длинного пышного подола синего как море платья. Фиалковые глаза Бригиды и ее медные волосы, едва видневшиеся из-под тяжелого испанского чепца, словно наполнились еще более яркими красками. Немудрено: лицо невесты было белым, как снег, а рядом со снегом все вокруг становится ярче. Болезненный вид Бригиды восхищал. Так прекрасна она была! Так прекрасна, что ее блестящие от слез глаза были приняты за полные счастья и понятного волнения. Лишь одна Альенора знала, отчего так сияют фиалковые глаза подруги: отнюдь не от счастья или волнения.

— Должно быть, гости уже ждут в церкви, — тихо промолвила Бригида, не обратив на похвалу матери никакого внимания: она закрылась от всего мира, спряталась за безразличием, как улитка в ракушке. К чему ей красота, если она не сумела покорить сердце любимого мужчины? Да и чем, собственно, помогает красивая внешность? Восхищать окружающих? Заставляет мужчин сходить с ума от любви к ней? Лучше бы она родилась обычной... Будь у нее возможность поменяться обликом с Альенорой или даже одной из служанок, она с радостью сделала бы это. «Красота не приносит счастье. Мне уж точно» — считала девушка, и считала справедливо: Филип Нортон не был знаком с ее душой, да и не отягощал себя попытками узнать свою невесту поближе, ее мечты и взгляды на жизнь не интересовали его, единственное, чего он желал от нее — ее тело и то, с каким восхищением и завистью будут смотреть на его супругу его друзья, также вернувшиеся из Европы домой в Англию. Филип любил Бригиду, но любил, как редкую драгоценность, как властный, хоть и заботливый хозяин.

— Гостей много. Благодарение Богу, скамей все же хватило, — ответила леди Джейн на рассеянный вопрос дочери. Затем она осторожно вынула из футляра, лежащего на комод, широкое жемчужное ожерелье и поднесла его к глазам Бригиды: — Это

ожерелье было подарком моего отца ко дню моей свадьбы. С тех пор я ни разу не надевала его. — Она надела ожерелье на шею дочери и широко улыбнулась: — Как идет к платью! Что скажешь, Альенора? Упадёт ли твой брат наземь, как от стрелы, когда увидит свою невесту?

— Не только упадет, но и очнется нескоро! — Мисс Нортон приложила ладони к сердцу. — Бригида... Мне бы хоть долю твоей красоты!

— Тебе она не нужна, моя милая. Ты и так прекрасна, как светлый Божий день, — ласково сказала на это Бригида.

— Я скажу твоему отцу, что ты готова ехать в церковь, — мягко сказала леди Гиз. Она поцеловала дочь в лоб, шепнула: «Да благословит вас с Филипом Господь!» и тихо покинула комнату.

— Не могла бы ты подождать меня в коридоре? Я хочу помолиться, — попросила Бригиду подругу.

— Молись, сколько тебе вздумается, моя дорогая. Не думай ни о Филипе, ни о гостях. Подождут! Не короли! — улыбнулась Альенора и, быстро чмокнув подругу в щеку, скрылась за дверью.

Бригида устало опустилась на колени перед распятым, расположенным над изголовьем ее кровати, машинально потянулась к своему маленькому нательному крестик, но, обнаружив вместо него жемчужное ожерелье, горько вздохнула: это мать настояла на том, чтобы сегодня ее шею украшали лишь эти жемчужины. Четки Бригиды находились под ее подушкой, но девушка решила, что в этот раз, для беседы с Отцом, ей не нужно ничего, кроме ее любящего искреннего сердца, и сложив ладони в молитве и низко опустив голову, она глубоко вдохнула в легкие воздух и на одном дыхании произнесла одну из своих любимых латинских молитв.

— Я послушная дочь... Как написано Тобой: «Почитай отца и мать», так я и делаю, без ропота, без... — Она запнулась: она обманывает! Обманывает Всевышнего! — Ты видишь ропот во мне, Господи! Но прости меня... Прости! Я смирилась. Я выйду замуж за Филипа Нортон и стану его супругой. Я рожу ему столько детей, сколько Ты нам дашь. Благослови нас... Благослови всех нас, дорогой Отец Небесный! И дай мне сил не упасть в обморок перед святым Твоим алтарем!

«Краше этой девушки не найдется в целом мире! Счастливей жених! Только взгляните, как сияет его лицо, какая радостная и гордая улыбка украшает его уста!» — говорили восхищенные гости, провожая пристальными взглядами медленно идущую, под руку со своим отцом, невесту.

Леди Гиз широко улыбалась, но сидящая рядом с ней леди Нортон, мать жениха, выглядела хмурой и неприветливой, что не укрылось от взора гостей и матери невесты.

— Что такое, Гильда? Считаешь мою дочь недостойной твоего сына? — с гневом прошептала леди Гиз на ухо соседке.

— Бригида мне как дочь, но я никогда не желала, чтобы Филип выбрал себе в жены именно ее, — не скрывая свои чувства, также шепотом ответила леди Гильда Нортон.

— Ах, конечно, мы слишком бедны для тебя! — саркастически улыбнулась леди Гиз.

— У Филипа была возможность выбрать любую, даже дочь графа или герцога, но он выбрал дочь опального Гиза, чью голову покрывает позор и немилость короля! — бросила леди Нортон и в этот раз с неприязнью взглянула на свою будущую родственницу. — Как бы ваш позор не стал и нашим позором!

— Тебе осталось только смириться, — победно улыбнулась леди Гиз, но улыбка тотчас сошла с ее губ. — Моя дочь — лучшее, что когда-либо случилось с твоим сыном! Мы, Гизы, намного знатнее вас, а наш род намного древнее вашего! Так что оставь свое недовольство при себе, Гильда, и больше не смей покрывать имя Бригиды грязью!

— К чему знатность и древность рода, если за душой нет ни единой золотой монеты? — презрительно выплюнула леди Нортон.

Этих женщин, как и их супругов, связывала дружба, и несмотря на то, что леди Нортон неприятно удивлялась тому, как грубо и даже жестоко Гизы обходятся с их дочерью, леди Гильда находила у леди Джейн понимание, ведь та тоже была послушной женой и матерью. К тому же леди Джейн потеряла своего сына, и этот факт заставлял леди Гильду жалеть ее. Но слова, сказанные ими в церкви, на венчании их детей, положили этой нежной дружбе конец, и с тех пор в сердце каждой поселилось презрение: леди Нортон так и не смогла принять

того, что супругой Филипа станет нищая Бригида, а леди Гиз была глубоко оскорблена недовольством Гильды ее дочерью, ведь она была горда Бригидой, ее редкой красотой и кроткостью.

Венчание прошло торжественно и красиво, и, когда молодожены выходили из церкви, их встретили приветливыми радостными криками крестьяне поместья Нортонов и слуги замка. Однако, проводив сэра Филипа Нортона и его молодую супругу до замка, они зашептались между собой о том, что невеста-то того и поди упадет в обморок!

Бледность и слабость Бригиды Нортон не ускользнула и от глаз знатных гостей: наслаждаясь вкуснейшими яствами и вином, они украдкой говорили друг другу, что невесте следовало бы выпить побольше горячего вина, ведь, должно быть, она неважно себя чувствует, что эта бледность, покрывающая ее лицо, кажется болезненной.

— Улыбайся! Улыбайся, ради нас с отцом! — шепнула леди Гиз дочери, когда подошла к молодоженам, чтобы в очередной раз пожелать им счастья и здоровых детей.

— Простите, матушка... Простите меня, дорогой супруг... Я так утомилась, что просто не могу улыбаться, — виноватым тоном обратилась Бригида к матери и мужу.

— Выпей вина, мое сокровище. Ручаюсь: это вернет тебе силы, — заботливо сказал Филип, знаком подозвал к себе пажа и приказал ему налить в кубок Бригиды побольше вина.

— Как скажете, мой супруг, — смиренно сказала юная леди Нортон и, под наблюдением Филипа, сделала пару глотков вина, отчего ее щеки несколько порозовели.

— Так-то лучше, любовь моя, — улыбнулся Филип и за один раз осушил свой кубок.

Он любил вино и пил его много и искусство: ведь чем еще заниматься рыцарю перед тяжелыми боями и после них?

Вскоре заиграла музыка, и молодожены станцевали гильярду, а затем к ним присоединились и гости. Высокие чертоги замка наполнились веселым смехом, радостными возгласами и топотом ног.

«К счастью, Тьюри так и не приехали. Что ж, они поступили мудро, ведь, должно быть, второй отказ уязвил их гордость еще более первого!» — с облегчением подумала Альенора, танцующая с очередным поклонником.

«Мой сын Филип попросил руки мисс Бригиды Гиз на несколько часов ранее вашего сына Вильяма. Прошу, не принимайте это близко к сердцу и разделите с нами радость союза Нортонов и Гизов» — такую записку на свое предложение женитьбы получило семейство Тьюри от сэра Нортона, которая тотчас была брошена в пламя камина.

В полночь леди Гиз, леди Нортон и Альенора отвели уставшую невесту в покои ее супруга, раздели, сняли с нее украшения, расплели ее длинную медную косу, расчесали волосы и уложили на широкое супружеское ложе. Поцеловав невестку в лоб и благословив ее, леди Нортон покинула покои и забрала с собой Альенору, но та, прежде чем уйти, крепко обняла свою подругу и шепотом попросила «завтра все ей рассказать». Когда леди Гиз и ее дочь остались одни, Бригида дала волю слезам, которые сдерживала весь этот долгий тяжелый день: все вокруг нее были счастливы, но она чувствовала себя ягненком, которого приносят в жертву своим богам язычники.

— Не плачь, глупенькая, все будет хорошо, — ласково успокаивала леди Джейн Бригиду, обнимая ее и глядя по волосам.

— Матушка, как мне страшно! — вырвалось из горла бедной девушки: неизвестность пугала ее, ведь она так привыкла жить рядом с родителями и иметь рядом с собой Альенору! Но теперь она стала супругой, а когда-то станет и хозяйкой замка. Она будет жить вдали от родителей и дорогой подруги.

— Будет немного больно, но эта боль быстро пройдет, — сказала леди Гиз, решив, что ее дочь наполнена страхом перед первой брачной ночью. — Попроси Филипа быть осторожным и нежным...

— Не этого я боюсь, но разлуки с вами и Альенорой! — вздохнула Бригида, впившись пальцами в складки платья матери. — Что произойдет этой ночью, мне все безразлично!

— Мы будем навещать вас... Но вытри же свои слезы, дитя мое! Твой супруг скоро придет, чтобы разделить с тобой ложе, а ты так покраснела... Будь послушной и скромной, как Дева Мария. Мужчинам это нравится. — Леди Гиз поцеловала дочь в макушку и хотела было встать, но Бригида взмолилась не оставлять ее, побыть с ней еще немного.

Вняв мольбе дочери, леди Джейн осталась с ней еще ненадолго. Но время расставания все же пришло, и новоиспеченная юная леди Нортон осталась одна. Она лежала в кровати, в покоях, освещенных

свечами, и, крепко закрыв глаза, громко шептала молитву и терпеливо ждала прихода своего супруга.

Глава 9

Три свечи, освещавшие комнату, укоротились в два раза, а супруг все не появлялся. Отчаянно борясь с усталостью, закрывающей ей глаза, Бригида уже не молилась, а просто сидела у открытого окна и, положив голову на скрещенные на широком каменном подоконнике руки, все ждала, когда Филип придет и лишит ее девственности. Невероятно утомленная суматохой свадебного дня, долгой церковной церемонией и шумным пиром, девушка желала упасть в кровать и спать, но новая роль, новый долг супруги и необходимость комсумации брака с Филипом Нортонем заставляли ее прогонять от себя сон.

Свечи таяли, вот уже осталась всего лишь три мерцающих огарка, но молодой мистер Нортон все еще не соизволил прийти к своей супруге. Не имея более сил, Бригида заснула прямо у окна, и холодный камень был уютен ей, как самая мягкая постель, но не прошло и четверти часа, как в коридоре за дверью послышался громкий топот, гул мужских голосов и дикий хохот, словно там находились не люди, а стадо диких зверей. Разбуженная шумом, Бригида поспешно вскочила на ноги, бросилась к кровати и, как положено новобрачной, села на самый краешек, стыдливо прикрыв обнаженные ступни подолом своего длинного ночного платья. Теперь, когда ее супруг наконец-то появился, юная леди Нортон задрожала, как лист на ветру: ее охватили страх и волнение, а кровь, отлившая от ее белого лица, придала ей вид мертвой принцессы.

«Господь, помоги мне! Дай мне сил не упасть замертво! Дай мне сил... Защити меня! Защити от него!» — пронеслось в разуме Бригиды, когда шумная компания бесцеремонно раскрыла настежь широкую дверь и вторглась в мир и покой комнаты.

— А вот и невеста! Заждалась, ласточка? Мы привели тебе мужа! — громко вскрикнул один из нарядно одетых мужчин. Язык у него заплетался: он был ужасно пьян, впрочем, как и все, кто ворвались в комнату. — Сейчас он быстренько тебя оголит и...

— Довольно, Фрэнсис! Всем выйти! — прервал пьяную речь шутника сэр Гиз, вошедший вслед за компанией.

Отец молодой леди Нортон не мог не заметить того, какой напуганной была его дочь: казалось, она не была живой, но сделанной из белоснежного воска. Пальцы девушки судорожно сжимали складки ее ночного платья, губы были обескровлены, глаза — широко распахнутыми, и в них легко читался ужас. Она знала традиции, знала, что первая брачная ночь молодоженов не могла быть такой. Бригида не могла успокоить в себе дрожь и наблюдала за страшной нелепой картиной, полной пьяных орущих мужчин в ее комнате, молча. И молчала она не потому, что не смела сказать ни слова: тело отказывалось подчиняться ей, так напугана она была.

— Эй, вы там! Ведите уже счастливого жениха! — заорал кто-то из гостей. — Эта сладкая женушка страсть как желает оседлать своего муженька!

Под высокими сводами комнаты пронесся дикий хохот.

«Господи, дай мне умереть! Забери меня в Твои чертоги! Я не желаю быть здесь, в этом Аду!» — подумала Бригида и перевела взгляд на своего отца. — Отец, помогите мне! Заберите меня отсюда!»

Но сэр Гиз не мог ничего сделать, кроме как бросить на свою бедную дочь полный сочувствия взгляд. Он не мог подойти к ней, не мог заговорить с ней, и, хотя его сердце сжимала ледяная ладонь, он лишь ждал, когда в комнату заведут Филипа.

— Вон! Вон отсюда! Развопились здесь, как стадо баранов! Нечего вам здесь делать! Вон! Все вон! — вдруг послышался громкий недовольный голос... Такой родной, такой сладкий Бригиде голос!

В комнате появилась разозленная, красная от гнева Альенора.

Альенора ворвалась в эту унылую комнату, как зимний ураган, как летний шторм, и уже через пару минут ей удалось вытолкнуть из покоев новобрачных нежеланных гостей, всех до единого. Мужчины, нехотя, хохоча, как жабы в теплую июльскую ночь, шатаясь, отправились обратно в зал.

— Ступайте, сэр Гиз, я позабочусь о вашей дочери, — настойчиво сказала мисс Нортон все еще стоящему у двери отцу Бригиды. — Только прошу вас, скажите моим родителям, чтобы сейчас же привели сюда Филипа. Он уже довольно поразвлекся, и позорить наше родовое имя ему не позволено!

— Успокой ее... Приведи в чувство. — Сэр Гиз растерянно смотрел на Альенору, не смея смотреть на застывшую от страха дочь.

Ведь это он настоял на этом браке и чувствовал себя виновным в случившемся кошмаре. — Я вернусь сюда с твоим братом. — Он все же мельком взглянул на Бригиду и сглотнул. — Моя бедная девочка... Да поможет тебе Господь!

Сэр Гиз поспешно покинул покои и почти побежал вниз, где, так и не дойдя до комнаты своей жены, наслаждался крепким вином Филип Нортон.

— Моя бедная овечка! Да ты холодна, как лед! — подойдя к подруге, промолвила Альенора. Ее сердце разрывалось от боли: не так она представляла себе этот торжественный день!

Этот пьянчуга Филип, которого Альенора так высоко ценила и ради которого солгала своей дорогой Бригиде, превратил пир и традиции в самый что ни есть пошлый, грязный фарс, и его не смущали ни намеки родителей, ни прямое требование сестры отставить от себя кубок с вином и подняться к своей юной супруге. Он лишь выпивал кубок за кубком и становился все пьянее и пошлее, заставляя свою семью краснеть от стыда и неловкости. А гости... Что гости? Они уже шептались о непристойном поведении молодого Нортонна, а, покинув замок, тотчас разнесут вести об этом ужасном пире и грязном поведении Филипа по всей Англии!

— Клянусь, если этот негодяй не пожелает явиться, я сама спущусь в зал, свяжу его веревкой и притащу к тебе! — горячо шептала Альенора, растирая своими теплыми ладонями холодные плечи и руки Бригиды. — Мало того, что он нарушил все традиции, отправив тебя в опочивальню одну... Господи Иисусе, какой позор! Отправил тебя дожидаться его прихода, как какую-то продажную женщину! Будь он проклят! Это мы должны были привести вас, раздеть, помолиться с вами... И еще наш священник, отец Марк... Бедный он, бедный, все сидит, не притронувшись к вину, и ждет, когда этот мерзавец Филип соизволит подняться к тебе! Ну я задам этому пьянице! Опозорил всех нас! А главное тебя, моя дорогая!

К счастью, до пребывавшей в полуобморочном состоянии Бригиды не доходил смысл разгневанной речи подруги. Бригида ничего не слышала, ничего не видела и чувствовала лишь могильный холод. Казалось, ее не могли согреть ни летнее солнце, ни жаркий огонь камина, и Альенора потратила немало времени, чтобы привести подругу в чувство.

— Альенора! Все не так! — было первым, что сорвалось с губ несчастной Бригиды, когда оцепенение, в плену которого она пребывала, отпустило ее.

— Ты пришла в себя... Слава Деве Марии! — с облегченным вздохом, вырвавшимся из самого ее сердца, воскликнула Альенора. Она подбежала к двери, открыла ее, громко крикнула: «Горячего вина мисс Нортон! Сейчас же!», а затем вернулась в Бригиде и опустилась на колени, у ее ног. — Я знаю, эти бездельники мужланы напугали тебя! Увы, я не могла остановить их! В тот самый момент, когда они направились к тебе, я была в своей комнате. На моем кirtле порвался шнур, и мне пришлось поменять его... А когда я вышла и услышала весь этот шум, то, не теряя времени, побежала спасать тебя, моя дорогая...

— Спасибо. Ты самая прекрасная моя защитница, — сквозь слезы улыбнулась Бригида. — Но не твоя вина в том, что меня так опозорили мой собственный отец, позволивший чужим мужчинам видеть меня в таком виде, и мой супруг, не удосужившийся защитить честь своей жены.

— Я не знаю... Не понимаю, что заставило его так напиться? Хотя после того, как он вернулся с войны, Филип много пьет, а отец всегда оправдывает его пьянство. Не удивлюсь, если завтра папа скажет, что ничего страшного не случилось, что Филипу нужно было выпить на своей собственной свадьбе... Святой Филип! О, я задам ему! Непременно задам! — в порыве праведного гнева быстро проговорила Альенора, продолжая греть холодные ладони подруги в своих теплых. — И ты тоже не должна прощать его! Пусть ходит, покрытый собственным позором и твоим презрением!

— Но его позор — это и мой позор тоже! Теперь он мой муж! — с отчаянием воскликнула Бригида. В этот миг она как никогда ощущала свою женскую слабость, свою несамостоятельность, зависимость от мужчины и его решений. — Все эти мужланы видели меня полураздетой! Но мое тело принадлежит только моему супругу, и лишь он один может видеть меня такой... — Она не закончила, потому что за дверью комнаты послышались тяжелые мужские шаги и голос Филипа, горланящий одну из пошлых песенок, которую он выучил, пребывая в Европе.

— Идет! Наконец-то! Подлец! — процедила Альенора, вскочив со своего и поднимая на ноги Бригиду. — Вытри слезы, милая... Дай я поправлю твое ночное платье... Хотя, он в таком состоянии, что не заметит и огромную свинью в комнате... Ах, твоя мать тоже здесь! И моя! — Альенора заметила, что от этой новости белое лицо Бригиды осветила счастливая улыбка, и тоже широко улыбнулась. — Бригида, моя хорошая, добрая Бригида! Все будет хорошо! Все позади! Матушка! Леди Гиз! Подите же сюда!

— Дитя мое, ты так бледна! — ахнула леди Гиз, приблизившись к дочери. — Немудрено! Твой супруг совсем позабыл о приличиях и выпил весь винный погреб своего отца!

— Филип поступил скверно! Очень скверно! Но его можно понять! Он слишком много выпил... Вино одурманило его разум, — поспешно вступилась за сына леди Нортон, однако в душе согласилась со справедливыми словами своей сватьи, ведь, не дай Бог, на месте Бригиды была бы Альенора, она, мать невесты, выцарапала бы такому муженьку глаза. Никто не смеет унижать и позорить ее дочь!

— Ах, да, бедный Филип! Матушка, вы просто отвратительны! — ледяным тоном сказала матери Альенора, чувствуя к родительнице презрение: нет, вы только поглядите! Смеет заступаться за этого пьяницу!

— Жена! Поди сюда! — вдруг раздался рев Филипа, и все четыре дамы испуганно обернулись.

— Филип, вы пьяны! Матушка, он пьян! Что я буду... Что он будет со мной делать? — в ужасе спросила Бригида свою мать и бросилась в ее объятия.

— Усмири своего сына! Иначе сегодня моя дочь будет спать в моих покоях! — со злостью приказала леди Джейн своей сватье, и та, молча проглотив приказ, поспешно подошла к сыну и стала ласково упрашивать его прийти в себя.

Но ни лорд Нортон, ни его супруга, ни лорд Гиз не могли усмирить пыл напившегося почти до смерти Филипа, и тот все распевал пошлую солдатскую песенку. Увещевания ни к чему не приводили, и, пока Бригида дрожа, пряталась в материнских объятиях, молодой Нортон пел и танцевал, задевая руками расставленные тут и там украшения и сбрасывая их на пол.

— Довольно этого цирка! — вдруг, не выдержав, как волчица рывкнула разгневанная Альенора и, подойдя к брату, со всей силы ударила его ладонью по лицу, отчего тот, совершенно не ожидавший подобного, отступил на шаг и ударился о дубовый платяной шкаф. Но пощечина не только не отрезвила пьяный разум молодого человека, но и заставила его захохотать.

— Господи... Какой стыд! — прошептал сэр Нортон и даже закрыл лицо руками.

— Филип, мой мальчик, ты не ушибся? — заботливо спросила леди Нортон своего сына, когда тот наконец успокоил свой смех.

— Где моя жена? — заплетающимся языком задал вопрос Филип, обводя комнату взглядом, и, увидев полумертвую от страха Бригиду, его любимую нежную Бригиду, нахмурился и упал на колени. — Ангел мой! Прости, я напился! — Он встал на четвереньки и пополз в сторону своей супруги.

— Не могу... Не могу больше! — всхлипнула леди Нортон и в слезах выбежала из покоев.

— Идите и вы, отец, — заявила Альенора, наблюдая за братом, с брезгливой улыбкой на ее лице. Ее также преследовало огромное желание исчезнуть, покинуть комнату, но она не желала оставлять свою дорогую Бригиду. Нет уж, пусть ее воротит от Филипа и его неподобающего мужчине поведения, но подругу она с ним наедине не оставит!

— Пойдем, Альенора... Леди Гиз, вы тоже. Оставим молодоженов наедине, — тихо сказал лорд Нортон, несмело взглянув на своего лучшего друга сэра Гиза. Тот едва заметно кивнул.

— Ни за что я не пойду с вами, отец! Вы, кажется, ослепли? Как можно оставлять Бригиду с этой пьяной скотиной? А вдруг он побьет ее или даже убьет? — резко ответила на это Альенора.

— Я ее не трону... Я... Бригида, любовь моя, прости меня! — простонал Филип, доползя до ног супруги и вцепившись в подол ее ночного платья, отчего девушка тихо вскрикнула и еще крепче сжала шею своей матери, почти душа ее.

— Оставим их! Оставим! — настойчиво потребовал сэр Гиз и силой заставил свою супругу отстраниться от дочери.

В это время сэр Нортон схватил за руку Альенору, и женщины, сопротивляющейся и разгневанные, были насильно выведены из

покоев своими мужчинами.

Глава 10

— Христа ради и матери Его Святой Девы Марии! Филип, отпустите меня! — плача и пытаясь отнять руки мужа от своего платья, попросила Бригида.

Теперь, когда ее оставили наедине с пьяным супругом, почти в темноте, девушка чувствовала себя ягненком, нарочно оставленным в логове волка. Она отчаянно желала сбежать, спрятаться, пусть даже ее увидят в ночном платье, пусть будут смеяться над ней, все лучше, чем стоять посреди холодной темной комнаты и не знать, что ей делать с этим обмякшим тяжелым мужским телом. Ее никогда этому не учили, никогда, даже шепотом, не обмолвились, что такое может произойти, и, святая невинность, Бригида лихорадочно размышляла о том, как ей выбраться, как ей поступить.

— Ангел мой... Ты так красива! Почему не горят свечи? Я хочу видеть тебя! — пролепетал Филип, уткнувшись лицом в живот своей супруги и обнимая ее за талию.

— Вас так долго не было... Вы пьяны, Филип! Прошу вас... Умоляю... Отпустите меня! Я проведу эту ночь у Альеноры! — взмолилась Бригида: она не желала, чтобы он прикасался к ней в таком состоянии, не желала его слов восхищения и объятий.

Мистер Филип Нортон, гордость благородного и богатого семейства, оказался обычным пьяницей, опустившимся на уровень грязных заседателей трактиров, которых девушка часто видела, совершая путешествие на спине лошади из отцовского замка в замок Нортонов. Бригида всегда испытывала омерзение и даже страх, смотря на этих убогих, едва держащихся на ногах или же просто лежащих у дороги, в пыли, грязи и разя собственными экскрементами. Какое безобразное, отталкивающее зрелище! Бригида всегда молила Бога дать ей чистого душой и телом мужа, не нуждающегося в реках вина, но, как она теперь понимала, Отец Небесный не услышал ее молитв.

«Возможно, Господь наказывает меня? Возможно, он дал мне в мужья эту пьяную скотину, потому что я согрешила? Тогда в чем мой грех? За что Он возложил на мою спину такой тяжелый крест?» — невольно подумала миссис Нортон, возведя взгляд к потолку.

Страх перед Филипом и его животной сущностью вдруг прошел, но Бригиду вдруг охватило такое отвращение к нему, что к ее горлу подступила рвота.

— От вас несет, как от грязной свиньи! — процедила Бригида сквозь зубы.

— Я знаю... Я напился... Мой ангел, прости меня... — пробормотал в ответ Филип. — Я хочу тебя, жена моя... Сейчас!

— Вы не в состоянии сделать меня женщиной, Филип! — воскликнула Бригида, все еще пытаюсь освободиться.

— Перечить вздумала? Своему мужу? А? — вдруг в ярости крикнул Филип и оттолкнул от себя супругу.

Не теряя ни секунды, девушка бросилась к двери.

— Нет... Нет, Боже, нет! — с ужасом прошептала Бригида, напрасно бившись о крепкую дубовую дверь.

Дверь была заперта. Это сэр Гиз, покинувший покои последним, запер за собой дверь и унес с собой ключ, тем самым, не оставив родной дочери ни малейшего шанса к побегу.

— Бригида! Поди сюда! — приказал Филип, с трудом поднимаясь на ноги. Несмотря на то, что он был влюблен в свою красавицу-жену, ее поведение и ее страх перед ним привели его в ярость.

Жена должна подчиняться своему мужу и господину и во всем угождать ему! Он выпил, и что? Эта маленькая сучка ведет себя так, словно он какой-то бродяга, а не ее законный супруг! Воротит носом! Он ей этого не позволит!

Опьянение, подстегнутое гневом, напрочь лишило благородного рыцаря человечности и лишило последних остатков трезвого разума.

— Ты моя жена, черт побери! Я твой муж и хозяин! Я хочу пить — я пью! И тебя спрашивать не собираюсь! — орал Филип с красным, как мак, лицом.

— Простите... Не гневайтесь так, супруг мой, — дрожа, как лист под дождем, тихо и смиренно сказала Бригида. Потеряв надежду на побег, она вновь чувствовала животный страх, ведь Филип был таким сильным и таким пьяным, а она — такой слабой, и ее безопасность зависела от настроения супруга. Ведь, если Филип ударит ее, она тотчас лишится жизни или будет покалечена. Связанная униженным состоянием своего пола, Бригида всю жизнь жила в плену: ранее, в

плену своего отца, а с сегодняшнего дня в плену этого сильного высокого мужчины, ее супруга и господина.

— Поди сюда и раздень меня! — рявкнул мистер Нортон и едва не упал. Его голова вдруг стала такой тяжелой, будто вместо вина он выпил литры жидкого серебра. — Я лишу тебя невинности, и ты понесешь от меня сына! Поняла? Сына! Наследника!

— Конечно, мой дорогой супруг... Конечно! — поспешно ответила на это Бригида и, робко подойдя к Филипу, дрожащими руками сняла с него его свадебный расшитый золотом камзол, залитый вином и покрытый жиром свадебных угощений.

— А ты ловка! Видать, с конюшим на сене кувыркалась? — Он вдруг схватил супругу за руку, подвел ее к кровати и с силой толкнул на мягкую перину. — Не дай Бог я узнаю, что ты до меня с кем-то гуляла! Отрублю обе руки!

— Видит Господь, я невинна! — успела бросить на это оскорбление Бригида, но ее губы тут же накрыли губы Филипа, а его тяжелое тело придавило ее к кровати, забирая у девушки возможность дышать.

Но не успела молодая супруга понять, что произошло, как Филип вдруг соскользнул с нее и, упав рядом с ней на перину, выпустил наружу рвотные массы.

— Она должна понести и как можно скорее, — деловито говорил сэр Гиз своей супруге и Нортонам, когда те направлялись в опочивальню молодоженов, чтобы проверить белые простыни кровати. Комсумирован брак или нет?

— Мой сын знает, как делаются дети, друг мой, и уже много лет! — радушно прыснул от смеха лорд Нортон.

«Бедная моя дочь... Хоть бы этот зверь Филип не избил ее! — невольно подумала леди Гиз, слушая диалог мужчин. — Но Ричард прав: если Бригида понесет после этой же ночи, наше родство с Нортонами станет законным, а ребенок будет наследником обеих наших семей... Конечно, если это будет мальчик... Но и девочка будет нелишней: выдадим ее за придворного, близкого к королю, и тогда всевластию Болейнов придет конец!»

И только леди Нортон ни о чем не думала: ночью она не сомкнула глаз, все думая о том, какой позор заставил ее пережить родной сын, ее любимый Филип, которым она так гордилась и которого ставила всем в пример. Доблестный рыцарь! Защитник Англии! Верный сын и брат! Куда все это подевалось вчера, на пиру и в его собственных покоях? Эта женщина была слишком уставшей, чтобы размышлять об горькой участи своей невестки и о возможном скором появлении внука или внучки.

Альенора также желала присоединиться к торжественной процессии, но в этот раз ей строго настрого запретили покидать свои покои до того, как Филип и Бригида сами спустятся к завтраку. Мисс Нортон, как и ее мать, не спала всю ночь, но, съедаемая страхом за подругу и гневаясь на брата, была исполнена сил и энергии.

Несмотря на то, что давно рассвело и громко запели птицы, гости замка, оставшиеся ночевать после буйного веселого пира, все еще спали, и только прислуга, как обычно, тихо сновала по коридорам, подметала и мыла полы и сплетничала о том, как по-свински напился красавчик Филип. Повара и поварята же и вовсе проснулись еще до рассвета, и на кухне готовился торжественный завтрак в честь молодоженов, но и там не умолкали смешки и издевки над хозяйским сыном.

— Что твориться! — с хмурым лицом буркнул похожий на медведя смотритель замка, зайдя на кухню. Он только что вернулся с последнего дозора по коридорам замка. — Какая-то пигалица только что завопила, будто ее живьем режут.

— О? И что она кричала? На каком этаже? — тут же посыпались со всех сторон вопросы.

— Да дьявол его знает! Но визжала она как собака, которой наступили на хвост... Боюсь, как бы не наша мисс Бригида... — Смотритель харкнул в стоящую у двери грязную кастрюлю и задумчиво потер свою длинную наполовину седую бороду.

Теперь все ожидали увидеть юную счастливицу миссис Нортон с синяком под глазом и с разбитой губой. Не она первая, не она последняя! Хотя жаль ее, этого ангела! Скромна, мила и добра, а муженек достался хоть и красивый, но ее недостойный. Но, не успели сплетники полакомиться новой сплетней, как в кухню забежал Апель, десятилетний мальчишка, один из юных лакеев, и с красным,

блестящим от пота лицом крикнул: «Меня послали за лекарем! Кто-то из господ помер!» и мигом скрылся за черной дверью. Кухня наполнилась испуганными криками и молитвами за упокоевание души покойного.

— Ваш сын не умер, моя леди. Обычное состояние опьянения и обычная рвота. Это случается, когда мужчина слишком много выпьет, — спокойным, но настойчивым тоном заверил семейный лекарь свою госпожу леди Нортон и слабо улыбнулся, видя слезы облегчения в глазах женщины, уже считающей, что она потеряла своего сына.

— Слава Господу и Деве Марии! — всхлипнула леди Нортон. — Да, он напился... Вчера мой мальчик праздновал свою свадьбу... Да вы ведь знаете этих молодых мужчин! Им все мало!

— Когда мистер Нортон проснется, напомните ему, что слишком много вина делают разум и тело слабыми и истощенными, — назидательно сказал лекарь. — Но сейчас прикажите отмыть его, переодеть и сменить простыни... И не тревожьте. — Он вдруг не секунду задумался. — Желаете, чтобы я проверил здоровье миссис Нортон, моя леди?

— Не нужно. Она в полном здравии, — поспешно ответила хозяйка замка.

Лекарь собрал свои инструменты, которые, к слову, вовсе ему негодились, принес глубокий поклон и удалился.

— Свинья! — презрительно выплюнула Альенора, также находящаяся в покоях брата. Несмотря на запрет не покидать свою комнату, она прибежала, как только услышала истошный вопль матери, который она могла узнать из воплей тысячи других женщин.

— Альенора, мой ангел, не будь так строга к твоему бедному брату! — простонала леди Нортон, отходя к раскрытому окну: в покоях стоял смрад обильной рвоты Филипа, забрызгавшей кровать и его самого.

— Матушка! Вы защищаете его! Даже сейчас! — покачала головой Альенора и тоже подошла к окну. — Но ведь он и есть свинья! Взгляните на него еще раз! Позор нашей семьи! Спит в собственной

рвоте! Заставил вас кричать от страха за его жизнь! Но где сейчас Бригида? Я хочу видеть ее.

— Потом, ласточка моя, потом. Она в кабинете твоего отца. Сэр Гиз тоже там, — отмахнулась на это леди Нортон, все же не желая глядеть на сына.

— Ах, должно быть, они допрашивают ее, как будто она девочка-служанка, принесшая в подоле! — нахмурилась Альенора и раздраженно вздохнула.

Мисс Нортон была права: вместо того, чтобы отвести дрожащую и белую как смерть Бригиду в ее покои, сэр Гиз и лорд Нортон взяли ее под руки и закрылись с ней в кабинете хозяина замка.

— Брак комсумирован? — было первым, что услышала Бригида в это утро из уст своего отца.

— Отец... Вы разве не видели, каким пьяным... — начала было девушка.

— Отвечай на вопрос! — повысил голос сэр Гиз: ему необходимо было услышать, что брак был подтвержден и что Филипп лишил его дочь невинности.

— Нет, сэр, — глухо ответила Бригида, устремив взгляд в пол.

— Как ты это допустила? — стараясь не сорваться на дочь в присутствии лорда Нортон, вкрадчивым тоном спросил сэр Гиз.

— Друг мой, не гневайся. Не этой ночью, так следующей, — миролюбиво сказал лорд Нортон, почувствовав к невестке жалость.

— Могу я побеседовать с моей дочерью наедине? — обернулся к другу сэр Гиз. — А тебе, друг мой, стоит посетить Филиппа и проверить, не очнулся ли он.

— Да, ты прав! Так и сделаю! — энергично воскликнул на это лорд Нортон: он был только рад оставить эту неприятную беседу и чувствовал себя лишним. Но, на миг остановившись в дверях, он взглянул на Бригиду и тихо промолвил: — Это не твоя вина, ангел мой. Всему виной вино. — И он вышел из кабинета.

— Что ж, еще раз: как ты это допустила? — прищурился глаза, повторил свой вопрос сэр Гиз. От него исходил такой холод, что Бригида поежилась, как от порыва ледяного ветра.

— Он был пьян, сэр. Он упал на кровать, и его стошнило, сэр, — тихо сказала девушка, краснея от стыда и гнева: как он может задавать

ей этот вопрос? Неужели он не видел, в каком состоянии находится ее супруг? Он был там! Он видел все своими собственными глазами!

— И это остановило тебя? Бригида, ты и правда такая дура, или просто блаженная? — процедил сквозь зубы сэр Гиз, наклонившись к уху дочери.

— Но что я могла сделать, сэр?! — в сердцах воскликнула Бригида. — Я терпеливо ждала его, как самая послушная верная супруга! В чем моя вина, сэр? Филип выпил так много, что вел себя как животное...

— Невинная идиотка! Не дочь, а безголовая овца! — Сэр Гиз уже не сдерживал свою ярость. То, что еще совсем недавно он едва не потерял Бригиду, было им забыто, и единственное, что ему было нужно, — кровь на простынях кровати молодоженов. А эта глупая девчонка все испортила! — Пока ты ходишь нетронутая Филипом, он может отослать тебя в монастырь, или, что еще хуже, вернуть тебя родителям! И что мы будем с тобой делать, дура набитая? О тебе будет ходить слава прокаженной, над нами будут смеяться, а меня... Меня уже никогда не вернут ко двору! И все из-за тебя, чертова дура!

Из глаз Бригиды полились слезы: незаслуженные оскорбления отца разрывали ее сердце. Словно это она была пьяна этой ночью! Словно это она оттолкнула от себя супруга! Словно это она отвратила его от себя! Но даже сейчас, с рыдающим сердцем и горячими слезами, текущими по ее щекам, девушка не говорила ни слова в свою защиту и лишь молча, смиренно слушала потоки грязных оскорблений, на которые сэр Гиз совершенно не скупился.

— Даже пьяного мужчину можно затащить в постель! Спроси у городских шлюх, как им это удается! — напоследок, сказал сэр Гиз. Слезы дочери не трогали его. Ни ее слезы, ни мольба в ее глазах отпустить ее. — В следующий раз сними его штаны и ласкай его! А когда его член встанет, сядь сверху и впусти его внутрь себя! Всего-то и делов!

— О чем вы говорите, отец? — прошептала ошарашенная Бригида. Она никогда в жизни не видела голого мужчину и не знала, что прячется в мужских штанах.

— Мудрые вещи, бестолковая! Хотя, твоя мать расскажет тебе лучше меня. Ступай к ней и скажи, что я приказал поведать тебе о брачных играх и женских премудростях. Ступай немедленно, и чтобы

я никогда больше не видел тебя такой бледной и испуганной! Ты счастливая жена или кто?

— Как скажете, сэр! — едва слышно прошептала Бригида и направилась к двери.

— И помойся! От тебя разит, как от свинарки! Надень лучшее свое платье и спускайся к завтраку. Все желают видеть тебя цветущей и полной радости. Поняла?

— Как скажете, сэр! — Бригида закрыла за собой дверь и, не обращая внимания на удивленные взгляды прислуги, бегом бросилась в комнату Альеноры.

Увы, мисс Нортон в покоях не было, но, к счастью, Бригиде удалось найти свою мать, и та, сама едва не зарыдав от жалости к дочери, хоть ненадолго, но смогла успокоить ее боль.

Глава 11

Когда миссис Нортон появилась в обеденном зале, одна, без сопровождения супруга, под руку со своим свекром, гости зашептались, совсем не думая о том, что этим своим громким неуместным шепотом могут обидеть или ранить душу Бригиды. Свадебный день закончился, пир завершился и можно было вновь надеть на лица ухмылки и насмешливо хихикать. Всех занимал лишь один вопрос: как прошла брачная ночь молодоженов: была ли комсумация? И почти ни у кого не было сомнений в том, что прекрасный и сильный мужчина Филип Нортон лишил свою супругу невинности, да еще и доставлял ей наслаждение несколько раз. Ведь вы только взгляните на розовые щеки миссис Бригиды Нортон и ее сияющие счастьем глаза! Так выглядит девушка, познавшая мужские ласки!

Бригида и правда выглядела счастливой. Она помнила безжалостные слова отца и улыбалась, приветствуя легким кивком головы собравшихся за торжественным завтраком гостей. Щеки девушки были румяными, губы алыми, как свежая роза, васильковые глаза блестели от слез, и Бригида была прекрасна, как никогда. Она слышала восторженный шепот, восхваляющий ее красоту, видела завистливые взгляды юных девушек, которым был по душе великолепный наследник одного из главных советников короля рыцарь и сердцеед Филип, и думала лишь о том, чтобы никто из гостей не заподозрил того, что этой ночью она так и осталась девственницей, и что вместо супружеской постели она спала в углу комнаты, прямо на холодном каменном полу. Никто не должен знать: узнают — засмеют и оболуют помоями и Гизов, и Нортонов.

За репутацию родителей и свою Бригида волновалась меньше всего: куда опаснее и ужаснее, если в пучину стыда и позора будет свергнуто имя Альеноры. Только не она! Альенора должна всегда оставаться гордой и неприступной мисс Нортон, одной из самых знатных девушек королевства! Бригида всей душой верила в то, что ее подруга выйдет замуж за высокий титул и огромное богатство, как она сама того желает.

«Чарам белокурой красавицы Альеноры невозможно сопротивляться», — так непоколебимо считала миссис Бригида Нортон.

При мысли о том, что теперь она и Альенора носят то же родовое имя, что теперь они официально были связаны родственными узами, Бригида широко улыбнулась и поспешно отыскала взглядом свою дорогую подругу, но через миг улыбка на ее лице исчезла.

«И все же, как хрупко это родство! Пока я и Филип не стали одним целым, мое замужество — всего лишь хлипкая веточка, которую так легко сломить. Он должен лишить меня невинности сегодня же ночью... Бедная Альенора и так страдает, зная о том, что произошло с ее братом, так пусть же она и обе наши семьи возрадуются, увидев завтра мою кровь на простынях нашей с Филипом супружеской постели!» — решила для себя Бригида и, вновь растянув губы в фальшивой улыбке, грациозно прошла к столу и заняла свое место.

Когда свои места заняли Нортон и Гизы, смогли сесть и гости.

— Знаю, знаю, о чем вы шепчитесь! А где же счастливый мистер Нортон? Почему его прелестная супруга, эта трепетная лань, появилась под руку со мной, старым лосем, а не с этим молодым благородным оленем? — желая не давать более пищи сплетникам, с легким смехом громко обратился к гостям хозяин замка. Он, как и Гизы и остальные Нортон, знал, что на кону стоит их честь и доброе имя, а значит нужно затуманить разумы этих ротозеев изощренной, но правдоподобной ложью.

— Не уважаешь себя, Нортон! Какой же ты олень? Медведь! — крикнул хозяин ближайшего соседнего замка.

— Медведь, под чью дуду пляшет Его Величество! — подхватил кто-то, но лорд Нортон лишь скромно покачал головой.

— За такое заявление можем лишиться головы и я, и вы, и наши семьи, Фрэнсис, — тихим серьезным тоном сказал лорд Нортон, но тут же улыбнулся. — Наш король так мудр и умен, что ни за что не будет плясать под чью-либо дуду!

— А как же! Верно! Наш король велик! Недаром вся Европа трепещет перед его именем! — послышалось ему в ответ.

Каждый сидящий в этом зале подумал об одном и том же: Генрих пляшет и еще как усердно! Под дуду Болейнов! Но никто не желал

поплатиться за свои мысли, поэтому все поспешили похвалить мудрость короля.

— Поднимем кубки за то, что Господь смиловался над нами и дал нам родиться в Англии и служить великому Генриху Восьмому! — громко заявил лорд Нортон, и присутствующие тотчас с удовольствием выполнили эту просьбу-приказ.

Лорд Нортон был дипломатом до мозга костей. Недаром он состоял в советниках у короля, и тот доверял ему, почти как самому себе. Советник короля был мягок с родными и даже, возможно, чересчур со своей дочерью, но для врагов короны и короля он был безжалостным противником. Пусть Болейны уже долгое время отравляли разум Генриха, тот никогда не забывал щедро одаривать и нахваливать лорда Нортон. Вот и на свадьбу Филипа и Бригиды король прислал дорогой подарок, просто восхищение, а также принес свои извинения за то, что не смог приехать лично: дела королевства не ждут отлагательств.

К слову, решение лорда Нортон женить своего сына на дочери опального Гиза вызывало у всех недоумение: сумасшедший! Родниться с семьей, которую презирает и ненавидит король, а точнее, Анна Болейн! Болейны то небось желали получить Филипа для одной из девушек рода Говард, но проиграли его какой-то поместной девчонке, отца которой, к тому же, лишили и титула, и земель! Однако, несмотря на такое положение дел, Генрих отнесся к браку Филипа Нортон и Бригиды Гиз снисходительно и в этот раз не пошел на поводу у своей любовницы, которая настаивала на том, чтобы Филипа помолвили с одной из ее кузин.

Леди Гильда и ее дочь Альенора знали о высоком положении отца при дворе и его могущественной власти и в Лондоне, и даже здесь, в глуши, но леди Нортон никогда не злоупотребляла мужниной властью и держалась скромно, подальше от королевского двора, но Альенора не раз пыталась найти для себя выгоду и была намерена сломить сопротивление отца и стать фрейлиной королевы Екатерины. А там, защищенная своим родовым именем, она намеревалась занять одно из самых высоких положений и выбрать себе в мужья самого влиятельного мужчину... Жаль, что молодой красавец Джордж Болейн уже женат, но к чему плакать? Помимо сэра Болейна существуют и

другие красавцы, еще более знатные, богатые и влиятельные, и один из них станет супругом прекрасной Альеноры Нортон!

— И поднимем кубки за наших молодоженов! Этой ночью союз Гизов и Нортонов был скреплен кровью! — с широкой улыбкой воскликнул лорд Нортон, подняв кубок с вином выше своей головы.

При этих словах Бригида густо покраснела: ее щеки, розовые от того, что мать втерла в них немного краски для губ, стали пунцовыми, ведь она знала: это была ложь. Никакой крови не было, союз не скреплен! Но, увидев с каким восторгом приняла эту ложь толпа гостей, Бригида сочла нужным скромно улыбнуться и опустить взгляд на стол. Ведь именно так положено делать девушке, которая только-только лишилась невинности и стала женщиной.

— Я уверен, скоро настанет время и твоей дочери, ангелоподобной Альеноры! — заискивающим тоном сказал один из пожилых друзей лорда Нортон. — Такую девушку будет нетрудно выдать замуж!

— Со всем уважением к вашему возрасту, лорд Ривз, меня не будут выдавать замуж! Я сама выберу себе супруга, если, конечно, сочту нужным, — невинным тоном бросила на это Альенора, но на ее выразительном лице можно было прочесть даже некоторое отвращение к словам старика, посмеявшегося поставить ее на одну ступень с несчастными дочерьми, жизнями которых руководят их отцы.

— Альенора — вольная птица, и мужчине нужно хорошо постараться, чтобы приручить ее, — с нежностью взглянув на дочь, промолвил лорд Нортон. — Но выпьем же за Бригиду и Филипа! Долгих лет счастья вам, дети мои! Принесите в колыбель Нортонов и Гизов здоровеньких пухленьких младенцев!

«Аминь!» — подумала про себя Бригида.

Филип проснулся только к вечеру, но толку от него было мало, и, выпив немного горячего вина, он откинулся на подушки и вновь заснул, но перед этим дал отцу слово, что сегодня же ночью выполнит свою супружескую обязанность. Довольный обещанием, лорд Нортон не стал настаивать на том, чтобы сын сошел вниз, к гостям.

— Помни, что я говорила тебе. Только так ты заставишь твоего супруга лишиться тебя невинности, — шепнула леди Джейн своей

дочери, когда довела ее до двери покоев их с Филипом опочивальни.

— Я помню, матушка... Я постараюсь сделать все возможное, — покраснев от неловкости, тихо сказала Бригида. — Отец зол на меня... Но ведь это не моя вина...

— Не твоя, дочь моя, конечно, не твоя! — с чувством выдохнула леди Гиз и коснулась ладони дочери своей. — Твой отец не понимает, каково это быть женщиной, поэтому имеет чрезвычайно высокие ожидания. Ты знаешь его, он так желает вернуть себе титул и власть! — Она улыбнулась. — Но ступай, дитя мое. И да благословит вас Господь! Увидимся за завтраком.

Леди Гиз подарила дочери легкий поцелуй в лоб и направилась к лестнице. Бригида проводила взглядом удаляющуюся тень матери, лишь затем открыла дверь и прислушалась: что Филип? Бодрствует? Спит?

В комнате было темно и прохладно.

Бригида тихо закрыла за собой дверь, бесшумно подошла к кровати и увидела в ней своего супруга, спящего безмятежно и крепко.

Как красив был Филип Нортон при тусклом свете свечи! Казалось, нет мужчины красивее его, и ей, Бригиде, следовало гордиться таким супругом и лелеять его, но девушка не чувствовала к нему ни любви, ни радости, ни гордости своего нового высокого положения. Она всего лишь отдавала свой дочерний долг и исполняла то, что было предначертано ей еще до ее рождения. Ведь такова судьба женщины и ее цель в жизни. Как много раз Бригида слышала эти слова из уст отца и священнослужителей!

«Мне нужно заставить его захотеть меня... Боже мой, как это противно! И какие ужасные вещи поведала мне мать! Брачные игры? Я бы назвала это унижительными брачными страданиями!» — пронеслось в разуме девушки, когда она вспомнила о том, что ей придется сделать, чтобы вызвать в Филипе желание.

— Филип! — тихо позвала она и прикоснулась к его обнаженной груди, выглядывавшей из широкого ворота ночной рубашки. — Филип, просыпайтесь же! Нам нужно... Нужно зачать первенца! Наследника обоих наших родов!

Но ответа не было: Филип слишком крепко спал, чтобы услышать тихий робкий голос своей супруги.

— Прошу вас, проснитесь! Не заставляйте меня становиться шлюхой! — в отчаянии простонала Бригида и потрясла мужа за плечо, однако тот лишь что-то пробормотал себе под нос и даже не открыл глаз.

Бригида тяжело вздохнула, поставила свечу на широкий комод и, чувствуя омерзение к самой себе, медленно сняла с мужа одеяло, а затем нерешительно приподняла край его ночной рубашки и коснулась мягкой мужской плоти.

Уроки леди Джейн не прошли даром: вскоре Филип тяжело задышал и начал постанывать.

— Просыпайся, животное! Просыпайся! — в сердцах шепнула Бригида, машинально выполняя совет матери. — Ты должен сделать меня своей! Ты должен поселить в моем чреве ребенка!

Вдруг ладонь девушки покрылась чем-то вязким и теплым, и Бригида с испуганным визгом отпрянула, и ее едва не стошнило, когда она увидела семя супруга на своей коже.

— Господи, помилуй! Господи, спаси! — Бригида поспешно вытерла ладонь о подол своего платья, а затем схватила свечу и торопливо покинула комнату.

Эту ночь молодая мисс Нортон провела у своей золовки Альеноры, а ее супруг спал сном младенца до самого завтрака, к которому его решительно разбудил отец.

— Теперь брак комсумирован, сын мой? — спросил лорд Нортон.

— Не могу вспомнить такого, отец. Спросите у Бригиды, — отмахнулся Филип и нехотя покинул постель.

Но лорду Нортону не пришлось спрашивать невестку: он увидел Бригиду в тот самый миг, когда сэр Гиз, отведя дочь в угол обеденного зала, тихо отчитывал ее за глупость и бесполезность, и несчастный вид бедной девушки подсказал хозяину замка неприятный безжалостный ответ.

Глава 12

— Проследи, чтобы Филип не пил сегодня много! — шепнула леди Гильда своему супругу, когда те занимали свои места у богато накрытого стола.

— Я имел с ним строгую беседу. Будь уверена, душа моя, сегодня ночью он исполнит свой долг! — с чувством выдохнул лорд Нортон.

— Он уже давал тебе обещание, мой дорогой. И что? — горько усмехнулась леди Нортон и украдкой взглянула на своего сына: тот вел к столу свою молодую супругу и выглядел счастливым и радостным.

— Всему свое время, мой ангел. Только взгляни на него: влюблен в Бригиду, как сатир в нимфу! Уверен: завтра утром увидим на простынях кровь! — тихо рассмеялся лорд Нортон, однако глубоко в душе и он был обеспокоен странным поведением Филипа.

Наследник лорда Нортон провёл день на свежем воздухе, гуляя по саду вместе с супругой и читая ей сонеты собственного сочинения. Воздух был свежим и довольно прохладным, но миссис Нортон не мерзла, так как ее супруг не выпускал ее из своих крепких горячих объятий. Филип целовал губы своей супруги и не раз просил у нее прощения за предыдущие ужасные ночи, за то, что он так напился, что был не в состоянии подарить ей свою любовь. Он любит ее, любит безгранично и вечно, как только может любить мужчина, рыцарь, говорил он ей. Он клялся, что за ужином не прикоснется к вину и будет обходиться одной лишь водой, и это обещание он сдержал. Леди и лорду Нортону не пришлось унижаться и ласково упрашивать сына не напиваться: за ужин тот не выпил ни капли вина, тем самым вызывая у все еще остававшихся в замке гостей понимающие улыбки. Хитер! Видать тело его супруги такое спелое и наливное, что этот счастливец не желает замутнить свой разум вином!

Бедный Филип! Пока он ужинал и плясал, за ним пристально наблюдали пять пар глаз, словно он был не взрослым мужчиной, а несчастным подростком, у которого только-только начали пробиваться первые волосы над верхней губой. Но сэр Нортон не обращал внимания ни на кого, кроме своей супруги, танцевал с нею одной и шептал ей что-то, заставляя ее улыбаться. Гизы и Нортон были

довольны и теперь не сомневались в том, что этой ночью молодожены сделают то, что обязаны были сделать еще в день свадьбы.

В этот вечер веселился не только Филип: его сестра танцевала танец за танцем, слушала восторженные комплименты ее красоте и страстные признания в любви. Теперь, когда лучшая подруга мисс Нортон обрела супруга, многие мужчины, давние и не очень воздыхатели Альеноры, надеялись, что и ею завладеет желание надеть свадебное платье и красивое старинное кольцо с огромным драгоценным камнем.

— Только подумайте, ангелоподобная Альенора: вы будете хозяйкой своего собственного замка! В вашем распоряжении будут все мое богатство и все мои земли! — льстиво шептал на ушко девушке мелкопоместный дворянин, сын одного из друзей ее отца.

— Ваше богатство? Ваши земли? Генри Стэнгли, все это, и уж тем более ваш крошечный замок, не составляет и десятой части того, чем владеет мой отец! — насмешливо рассмеялась ему в лицо Альенора.

— Ради вас я пойду в армию и буду получать сундуки золота! Я буду грабить и убивать, только лишь, чтобы иметь возможность осыпать вас драгоценностями и дарить вам все новые и новые земли! Я построю для вас новый замок! Нет... Дворец! Дворец, достойный королевы! Ведь вы и есть королева, о, прекрасная мисс! — горячо воскликнул влюбленный юноша, совершенно не унывая от острых режущих слов дамы его сердца.

— Приберегите эти слова для другой девушки! Меня они не трогают сейчас и не тронут никогда! Вы мне не ровня, Генри! И замуж за вас я точно не выйду! — вновь рассмеялась мисс Нортон.

— Тогда зачем вы танцуете со мной? Зачем даете мне надежду? Вы жестоки, мисс! Жестоки и коварны, как несравненной красоты цветок, убивающий любого, кто пытается сорвать его! — недовольно промолвил Генрих Стэнгли и нарочно сдавил нежные пальцы девушки своими, желая причинить ей боль.

— Я танцую с вами, неразумный вы мальчик, потому что люблю танцевать! — пропела Альенора. — И еще: поберегите не только свои слова, но и свои пальцы! Стоит мне лишь шепнуть моему брату-рыцарю о вашей детской выходке, и он лишит вас не только пальцев, но и руки!

— Я отдам не только руку, но и голову, лишь бы назвать вас моей! — страстно шепнул молодой человек, наклонившись к лицу Альеноры.

— Ваш влюбленный лепет утомил меня. Право, Генри, вы так назойливы! Но взгляните же вон туда: видите вон ту девушку в синем платье? Это мисс Агата Корнулл. Пригласите ее потанцевать: она вам ровня, а до меня вы не дотянитесь ни сегодня, ни завтра, никогда! — Альенора грациозно покинула своего партнера прямо посреди зала, отчего пирующие разразились громким смехом, а бедный Генри покраснел до корней волос.

Альенора направилась было к своему месту у стола, но по дороге была приглашена на танец одним из друзей-рыцарей брата и, смеясь, вновь закружилась в танце.

Ужин затянулся до самой полуночи, но, кажется, никто из присутствующих не собирался отдыхать: продолжались танцы, играла музыка, гремел смех и звенели кубки.

— Дорогие гости! Наши уважаемые родители! Простите нас, но мы с моей супругой устали и желаем уединиться в наших покоях! — вдруг раздался громогласный голос Филипа, заставивший всех устремить взгляды на него и Бригиду.

Все понимали, что имелось в виду под «уединиться в покоях», и короткая речь сэра Нортон была встречена громом аплодисментов и подбадривающих выкриков, от которых Бригида покраснела и опустила взгляд в пол.

«Боже мой, сейчас это свершится... Я стану женщиной! Господи, как же мне страшно!» — подумала миссис Нортон, послушно ступая за супругом и не замечая ничего вокруг.

Когда Бригида все же смогла прогнать из разума ураган мыслей и страхов, она обнаружила себя стоящей посреди их с Филипом опочивальни. Подсвечник с горящими свечами уже был поставлен на комод, кровать расстелена.

— Пришло время нам стать одним целым, супруга моя, — ласково прошептал Филип, погладив белую щеку Бригиды. — Ты так прекрасна. Покажи мне насколько ты послушна и мудра, моя Бригида.

— Я не знаю, что мне делать... Вам нужно говорить мне... — смущенно пролепетала Бригида.

Она солгала: ее мать довольно подробно описала ей, какими способами можно ублажать мужчину, но Бригида не хотела выглядеть в глазах супруга просвещенной в этом вопросе женщиной: что он подумает? Вновь взревнует ее к конюшему? Нет уж, пусть считает себя первым, кто посвятит ее в тайны любовных игр.

«Только бы он не попросил меня ублажать его так, как мне пришлось сделать это вчера!» — подумала девушка, с волнением и страхом ожидая, что прикажет ей Филип.

К счастью, Филип не стал подвергать ее подобным вещам и просто попросил раздеть его. Когда Бригида сняла с него все, кроме длинной рубашки, Филип остановил ее и приказал супруге не шевелиться. Он медленно снял со своей прекрасной молодой жены верхнее платье и киртл, а затем высвободил из-под тяжелого испанского чепца ее великолепную рыжую косу, ярко заблестевшую при свече свечей расплавленным золотом.

— Я расплетаю твою девичью косу, Бригида, супруга моя. Ты принадлежишь мне, — тихо сказал Филип, аккуратно расплетая волосы жены и покрывая легкими трепетными поцелуями ее обнаженную шею, отчего по коже девушки пробежали мурашки удовольствия.

— Конечно, я ваша, Филип... Только ваша! — закрыв глаза, прошептала Бригида. В этот момент в ее груди горел огонь желания познать неизвестное, отдаться ласкам супруга, подчиниться ему, но в то же время она помнила, что замужем за Филипом Нортоном, а не за своим любимым Вильямом, и это причиняло ей душевную муку. Как бы она хотела, чтобы сейчас в этой спальне с ней был Вильям! Ведь пусть ее тело было податливым ласкам Филипа, ее разум не желал его прикосновений.

«Я грешница! Замужем за одним, а думаю о другом! Умоляю тебя, Отец Всевышний! Научи меня любить моего супруга! Дай мне полюбить его!» — пронеслось в разуме девушки.

К счастью, Филип не торопился и продолжал покрывать поцелуями шею, лицо и руки Бригиды, давая ей возможность привыкнуть к этим невинным, но таким интимным ласкам. И, когда Бригида, понимая, что супруг ожидает от нее ответных действий, стала неловко отвечать на его поцелуи, Филип поднял ее на руки, поднес к кровати и опустил на мягкую перину.

— Не бойся, ангел мой, я не обижу тебя, — поспешно сказал Филип, увидев, как округлились от страха глаза его супруги.

— О, Филип, мне так страшно! — не смогла сдержаться девушка, и на ее длинных рыжих ресницах заблестели слезы. — Пожалуйста, простите меня!

— Доверься своему мужу, Бригида, — вкрадчиво сказал на это Филип: трепет супруги нисколько не отталкивал его, но наоборот все сильнее разжигал в нем костер страсти и похоти.

Она лежит перед ним, такая робкая, такая красивая. Его жена. Его собственность. Его рабыня. Она выполнит все, что он ей прикажет.

Одним рывком стянув с себя рубашку, Филип схватил ноги Бригиды и потянул девушку на себя, а когда ее бедра очутились у края кровати, он торопливо поднял длинное нижнее платье девушки до самой ее груди, раздвинул ее ноги и, улегшись меж ее белых бедер, впился в рот супруги страстным поцелуем. Восставшая плоть Филипа касалась самого сокровенного места Бригиды, и та, полная ужаса и желаний одновременно, машинально обняла супруга за шею.

— Я счастливейший мужчина в мире! Не зря я ждал эти пять лет, чтобы вернуться домой и жениться на тебе, моя невинная дева! — горячо прошептал Филип, зарывая пальцы в медное великолепие волос возлюбленной. — Я хочу тебя! И ты ведь тоже хочешь меня? Да! Хочешь!

«Да, хочешь!» — вдруг прозвенело в разуме молодого рыцаря, и вдруг вместо лица своей Бригиды, он увидел лицо другой девушки, из рта которой лилась кровь, и в глазах которой блестело животное бешенство.

Филип издал жуткий вопль и поспешно вскочил с кровати, отошел к окну и вцепился пальцами в свои волосы.

— Что с вами? Что случилось? Что я сделала не так? — также поднявшись, робко спросила напуганная криком супруга Бригида.

— Она преследует меня... Она прокляла меня... — бормотал Филип себе под нос.

— Кто преследует вас, мой дорогой супруг?

— Та крестьянская девчонка! Грязная французская девка! — вновь вскрикнул Филип, обернувшись к супруге. На его лице была написаны такая злость и ярость, что девушка невольно сделала шаг назад, испугавшись еще больше.

«Проклинаю тебя, английский ублюдок! Наслаждайся моим телом ведь ты за все заплатишь! Я буду преследовать тебя и в жизни, и в смерти, и в Раю, и в Аду!» — вновь прозвенел в разуме молодого Нортон тот же высокий женский голос, смеющийся и захлебывающийся кровью.

— Нет, нет! Я не дам этой ведьме торжествовать! Я взял ее, возьму и тебя! — Филип грубо схватил Бригиду за руку, швырнул ее на кровать и лег сверху, но через миг вновь вскочил, как ошпаренный и, извергая проклятия, выбежал из покоев, словно все демоны Ада покинули свои посты у кипящих котлов и кинулись за ним вдогонку.

— Он ничего больше не сказал?

— Ничего.

— Возможно, эта одна из его любовниц? Знаешь, в военных походах армию часто сопровождают распутные девки...

— Я не знаю, Альенора! Но он так страшно кричал! — Воспоминания заставили Бригиду закрыть лицо ладонями. В ее ушах все еще стоял вопль Филипа, а перед глазами стояло его искаженное злобой лицо.

— Видимо, у моего братца имеется какой-то секрет, и я заставлю его раскрыть его мне! — решительно заявила Альенора и, объятая ненавистью к брату, поднялась со скамьи и принялась расхаживать взад-вперед по широкой ухоженной садовой дорожке. — Вернулся с войны героем, а ведет себя самым последним подлецом! Должно быть, твой отец вновь допрашивал тебя?

— Да, едва я вышла из покоев. Он стоял в коридоре, ждал. Он был так зол! Так разгневан! — упавшим голосом ответила Бригида, а затем, отняв ладони от лица, подняла лежащие рядом с ней четки и стала перебирать их, беззвучно шепча молитвы.

— Ведьма... Французская ведьма! Хм! Должно быть, она влюбилась в него, а когда он отказал ей, она прокляла его... Мой брат такой красавец, что я не удивлюсь, если так оно и было, — задумчиво проговорила Альенора.

— Только прошу, не говори ему. Ничего не говори. Не хочу, чтобы он обвинил меня в болтовне и что я вмешиваю тебя в наши с ним

отношения, — поморщившись, попросила Бригида, прервав молитву.

В глазах Бригиды была такая мольба, что Альенора мягко улыбнулась.

— Не скажу, но попытаюсь выведать у него... — начала было она.

— Нет, не нужно. Он сам расскажет... Потом... Я уверена, — сбиваясь, сказала Бригида.

— А если не расскажет? Я ведь умру от любопытства!

— Пообещай мне, Альенора!

— Милая моя, не злись. Обещаю! — сдалась мисс Нортон и взмахнула руками. — Мой брат самый, что ни есть дурак! Он тебя не заслуживает! Ох, бедная матушка, уже и во сне видит, как нянчит внуков, а он все отлынивает от своих супружеских обязанностей...

— Нет! Он не может! Он ведь только приехал! Нет! — вдруг раздался громкий женский крик, от которого обе девушки слегка вздрогнули.

— Мама! — коротко бросила Альенора и протянула Бригиде руку. — Пойдем! Чует мое сердце, что-то происходит!

Когда девушки поспешно покинули сад и подбежали к высоким входным дверям замка, они увидели леди Нортон, стоящую на коленях прямо на зеленой траве и горько плачущую.

— Матушка! Господи, что с вами, дорогая моя? — бросилась к матери Альенора.

Та ничего не ответила и лишь покачала головой.

— Леди Нортон, как мы можем помочь? — ласково спросила Бригида, опустившись на колени рядом со свекровью и коснувшись ее плеча.

— Ты уж точно ничем не сможешь! — озлобленно воскликнула леди Гильда и брезгливо отбросила от себя руку невестки.

— Душа моя, что стряслось? — Из дверей выбежал лорд Нортон. — Гильда! — Он бросился к супруге. Та молча вручила ему желтую бумагу, которую перед этим с яростью скомкала в своем кулаке.

— Что за крики посреди белого дня? — с улыбкой спросил появившийся за отцом Филип. Увидев плачущую мать, он подошел к ней и хотел было опуститься рядом, как она вдруг мертвой хваткой вцепилась в его ноги.

— Не отпущу! Хватит с тебя, мой мальчик! Ты остаешься дома! Твое место здесь! — прорыдала несчастная женщина.

— Милостивый Боже... Спаси и сохрани! — простонал лорд Нортон, прочитав бумагу. Его глаза наполнились слезами, руки задрожали.

— Что за рыдания, отец! Вы мужчина или баба какая-то? — грубо спросил Филип, раздраженный непристойным поведением родителей и особенно слезами отца. Он отобрал у родителя бумагу и пробежал взглядом написанные на ней строчки. На его губах появилась кривая усмешка. — Ах, вот оно что. И чего же вы рыдаете, глупцы? — Он поднял взгляд на свою супругу, которая с непониманием наблюдала за происходящим. — Наш король вновь призвал меня на защиту Англии. Завтра утром, ангел мой, твой муж уходит в военный поход.

Глава 13

— Но ты только-только вернулся! Король не может быть так жесток! — возмущенно ахнула Альенора, вскинув руки в стороны.

— Я запрещаю тебе лить слезы, Бригида. Слышишь? С меня хватит и этих двух, — с фальшивым весельем в голосе, чтобы скрыть свое глубокое разочарование приказом короля, сказал Филип своей жене, а затем обернулся к лорду Нортону: — Отец, перестаньте рыдать и соберите на завтра двести копий, как просит того Его Величество.

— Хоть четыреста! Хоть пятьсот! Лишь бы ты вернулся домой живым, сын мой! — обреченно отозвался лорд Нортон. — Все-таки эти прохвосты Болейны уговорили Генриха предпринять новый военный поход! Все советники, кроме них, были против такого опрометчивого шага, но он послушал их, а не нас...

— Куда в этот раз? — покачала головой Альенора. Злость, которую она держала на брата, улетучилась и уступила место глубокому беспокойству, даже горечи. — Куда Его Величество посылает тебя? Он знает о том, что ты женился, и что этой женитьбе всего три дня сроку, а уже забирает тебя от супруги!

— Еще скажи: «забирает из-под юбки матери!» — строго сказал на это Филип: острый язык сестры разгневал его. Да кого они из него делают? Мальчонку! — Я верный рыцарь Его Величества! Мужчина! Война — это то, что мужчине и положено! Вам, женщинам, положено рожать, а нам, мужчинам — защищать свою родную землю и имя нашего короля! Запомни это навсегда, сестра моя, и больше никогда не смей сомневаться ни в мудрости короля, ни в моем благородстве! — Он схватил отца за рукав богато расшитого камзола и потащил его за собой в замок.

— Куда, Филип? Куда он отсылает тебя? — с багровым от ярости лицом повторила вопрос Альенора.

— Не твое бабье дело! — грубо бросил ее брат и вместе с лордом Нортоном скрылся в замке, оставив трех женщин стоять на зеленой траве ухоженной лужайки.

— Это все ты! Ты виновата! — в сердцах вскрикнула леди Гильда, с ненавистью смотря на свою невестку.

— Ни в чем она не виновата! Матушка, кажется, от горя вы лишились разума! — категорично заявила Альянора и, взяв подругу за руку, ласково шепнула ей: — Не принимай ее слова близко к сердцу! Она так любит этого грубияна Филипа! Она рыдала в тот день, когда он ушел на войну в первый раз, а новый приказ короля просто разбил ее сердце! Впрочем, как и мое... И твое? — осторожно добавила она, внимательно глядя в лицо Бригиды.

«Какая чушь... Что за страшный сон? Филипа призвали на войну? Как? Зачем? Он оставляет меня?» — Эти и еще сотни других вопросов кружились в разуме Бригиды, не желающего принять новую реальность и ее новое положение: она вышла замуж всего три ночи назад, и вот, ее супруг покидает ее, и лишь Господу известно, когда она вновь сможет увидеть его. Ведь война длится годы, а войны Генриха Восьмого длятся еще дольше, это знают все, даже такая глупая провинциалка как она, Бригида.

— В чем вы обвиняете меня, леди Нортон? — непонимающе спросила девушка свою свекровь. Ранее леди Нортон обращалась с ней ласковей ее родной матери, а сейчас говорила ужасные несуразные вещи. — Разве это я решаю, забирать мужчин на войну или оставить их дома, в кругу семьи и в постели супруги?

— В постели супруги? Значит, ты ему не супруга! Так! Однодневка! — насмешливо выплюнула леди Гильда. Ненависть к Бригиде, к тому, что невестка не рыдала и не ломала рук от горя, осушила ее слезы. Леди поднялась на ноги, расправила юбку своего платья и направилась в замок, вслед за супругом и сыном.

«Если мой мальчик умрет, не оставив после себя ни одного дитя, ни одной его кровиночки, память о нем исчезнет, когда мы, Нортон, ляжем в могилу! Альянора не будет так уж грустить: она выйдет замуж и станет матерью семейства, у нее будет слишком много собственных хлопот и переживаний, чтобы страдать еще и по брату... Но Бригида... Эта девчонка, которую он взял в жены вопреки разуму, так и не смогла заечь в нем желание и все еще ходит нетронутая моим сыном! От коровы в стойле пользы больше, чем от моей невестки!» — думала леди Нортон, приподняв юбки и поспешно поднимаясь по лестнице в кабинет супруга: она знала, что ее мужчины направились именно туда, ведь именно в этом кабинете, подальше от чужих глаз и ушей, обсуждались важные семейные дела и государственные тайны.

Поднявшись на нужный этаж, леди Нортон подбежала к двери кабинета и с силой рванула ее на себя, однако та не подчинилась: желая избежать женских истерик и слез, лорд Нортон и Филип нарочно заперли дверь.

— Впустите меня! Я должна знать! Должна все знать! — настойчиво постучала в дверь леди Нортон.

— Ступай в опочивальню, душа моя! Ты так взволновалась, что, боюсь, это повредит твоему здоровью! — ответил ей голос супруга, который и не думал впускать ее.

— Не уйду! Буду лежать здесь, под дверью, пока не откроете! Это и мой сын тоже! — Леди Нортон еще несколько раз ударила кулаком в дверь.

— Матушка, не позорьте нас! Как я уже сказал, защищать родную землю — священный долг каждого мужчины! И я горд, что король помнит обо мне, и считаю за честь сражаться за него и интересны Англии! — В этот раз из кабинета раздался голос самого Филипа, и в нем слышались неприкрытые неприязнь и раздражение.

— Ты не только рыцарь, но и сын своей матери! Откройте! Не заставляйте меня кричать на весь замок! Пусть последние гости покинули нас сегодня утром, но в замке все равно остались десятки любопытных ушей и глаз! Если не желаете, чтобы все происходящее сейчас покинуло эти стены, впустите меня! — пригрозила леди Нортон, и правда, готовая на все, лишь бы попасть в кабинет и вразумить своего сына.

— Ради Бога, отец, усмирите уже свою жену! — ледяным тоном воскликнул Филип, и уже через мгновение дверь все же открылась.

— Гильда, любовь моя, не устраивай истерику... — начал было вышедший в коридор лорд Нортон, но его супруга с силой пробила себе дорогу прямо в кабинет, подбежала к сыну и вцепилась в его плечи.

— Ты не можешь идти в военный поход! У тебя нет наследника! И вообще детей! Да что там! Твоя жена все еще нетронута! Филип! Ты понимаешь, что это значит? Что, если ты будешь убит, после тебя никого не останется, а замок перейдет в руки твоего двоюродного дяди! Альенора не сможет унаследовать его! Она женщина! Подумай о вечности!

— Бригида! Альенора! Замок! — насмешливо хохотнул Филип. — Матушка, что вы плетете?

— Если ты уйдешь сейчас, не зачав с Бригидой ребенка, имя Нортонов будет стерто с лица земли! Стерто из истории! — прошипела его мать. — Как ты этого не понимаешь?

— Твоя мать права... Твой брак с Бригидой не комсумирован, наследник не зачат... Господь всегда был милосерден к нашей семье, но... — Лорд Нортон сглотнул. Его глаза вновь наполнились слезами. — Но если ты погибнешь...

— Я не смею просить тебя не ехать! Я знаю, что ты не послушаешь стенаний своей матери! Но умоляю: иди к своей жене! Иди и сделай ей ребенка! Прямо сейчас! — взмолилась леди Нортон и, зарыдав, припала к груди сына. — Ты должен сделать это! Должен оставить нам твоего ребенка!

— Я еще не успел уехать, как вы уже похоронили меня! — вновь хохотнул Филип, но в этот раз это был фальшивый смех: слова матери наконец-то дошли до его разума, и он понял, что в этих ее словах была горькая правда. Если он будет убит, или умрет от болезни, или просто позорно упадет с коня и сломает себе шею, память о нем канет в Лету, а после смерти отца замок Нортонов и их земли будут отданы лорду Хиксли, человеку, которого он, Филип, видел всего раз в жизни и то, когда был совсем маленький. Альенора, несмотря на ее амбиции и волевой характер, никогда не унаследует собственность ее семьи. А Бригида... Что же она? Она останется вдовой, а так, как их брак все еще не комсумирован, его родители могут заявить об этом и лишить ее вдовой доли. Но главное: его наследник, вернее, его отсутствие. Филип всегда представлял себя отцом большого семейства, всегда желал, чтобы Бригида родила ему много детей, но на данный момент у них с супругой даже не случилось интимной близости. И в этом была его вина.

«Черт возьми, матушка, как правдивы ваши стенания! Все эти пять лет в Европе я был удачлив и оставлял смерть в дураках, но кто знает, что уготовил мне Создатель? Мне нужен сын! Если я погибну, он продолжит мой род и унаследует и замок, и наши земли» — решил молодой Нортон, чувствуя, как в его груди разливается могильный холод.

— У меня будет сын. Будет! — воскликнул он и, оттолкнув от себя мать, покинул кабинет отца.

— Слава Богу! Вразумила его! — возведя ладони к небу, радостно вскрикнула леди Гильда, а затем припала к груди своего супруга и тихо запричитала: — Наш сын! Наш мальчик! Как я смогу отпустить его?

— Увы, любовь моя, такова жизнь... Когда Филип родился, вместе с ним к нам пришла и великая радость, но рождение сына означает одно: он не принадлежит своей семье. Жизнь английских сыновей, мужей и отцов принадлежит их королю, — дрогнувшим голосом промолвил лорд Нортон, крепко обнимая свою бедную супругу.

— Несправедливо! Бессердечно! Сколько я мучилась, сколько страдала, рожая его, а не имею на него никаких прав! Как хорошо, что у нас есть и дочь! Она только наша! — всхлипнула леди Гильда. В ее полном боли сердце промелькнула искра радости от мысли, что, если с Филипом все же случится несчастье, у нее останется дочь, живая, резвая, пусть и непослушная, но любимая.

— Да, любовь моя, Всевышний благословил нас, дав нам и сына, и дочь! Будем молить Его, чтобы он дал сына и Филипу! Даже если не сына... Даже если дочь! Мы будем лелеять ее, как самую ценную нашу драгоценность! Помолимся же! — Лорд Нортон залился слезами, и бедные родители упали на колени и возвели Богу горячие молитвы.

— Неужели тебе совсем не грустно? Твой супруг призван в армию! Покидает тебя! — с упреком сказала Альенора, с недовольством в сердце наблюдая за равнодушным выражением лица Бригиды. Ей хотелось, чтобы и Бригида была полна гнева на короля и боли за свою семью, но, кажется, ее дорогая подруга приняла приказ Генриха без колебания и эмоций. — Я понимаю, ты не имеешь чувств к моему брату, но он может уже и не вернуться к тебе! Понимаешь?

— Я прекрасно понимаю это, Альенора, — спокойно промолвила на эту тираду миссис Нортон. Она и правда понимала, и она не плакала лишь потому, что теперь все происходящее не казалось ей таким уж дурным делом. Да, Филип получил приказ отправляться в Европу, а это значит, ей больше не придется проводить с ним ночи и получать одно лишь унижение. Пока он будет воевать, она будет

свободна от его любви, его касаний и поцелуев. Пусть поцелуи супруга были ей по душе, она не будет против избавиться от них.

— Понимаешь и совсем не плачешь! — покачала головой Альенора.

Девушки все еще стояли у высоких дубовых входных дверей замка, на некотором расстоянии друг от друга.

— Ты осуждаешь меня за это? Прости, если этим я причиняю тебе боль, — грустно улыбнулась Бригида и робко подошла к подруге. — Филип обязательно вернется. Твой брат смелый и опытный воин, и я не сомневаюсь в том, что, когда война закончится, он вернется к нам, да еще и с еще более громкой славой, чем прежде. И тогда мы устроим такой пир, что сам король не побрезгует вновь посетить замок Нортонов... Ну же, моя дорогая, имей веру! Вседержитель хранит нашего Филипа и вернет нам его живым и невредимым!

— Ах, да, я и забыла, насколько сильна твоя вера, — ласково улыбнулась Альенора, удовлетворенная словами Бригиды. Она взяла ладонь подруги в свою и крепко сжала ее. — Мы будем молиться за его жизнь вместе. Каждый день.

— Каждое утро и каждый вечер, — предложила Бригида, обрадованная тем, что ей удалось унять обиду Альеноры.

— Да, каждое утро и каждый вечер. Мы будем ходить в церковь в любую погоду, даже в самые лютые стужи или самый сильный ледяной ливень... — пообещала Альенора, но не успела она закончить свою речь, как дубовая дверь открылась, и из-за нее показалась одна из служанок.

— Миссис Нортон! — учтиво обратилась служанка к Бригиде. — Сэр Нортон, ваш супруг, приказал вам прийти в ваши с ним покои и прямо сейчас!

— Должно быть, он желает побеседовать со мной и утешить меня... Я пойду! — поспешно сказала Бригида своей подруге, и, отпустив ладонь Альеноры, зашла в замок и направилась к лестнице, по пути молясь, чтобы Господь сохранил жизнь Филипа и вернул его ей, ведь, несмотря ни на что, супруга лучше и заботливей его ей не получить никогда.

Когда она вошла в покои, Филип уже ждал ее, стоя у окна и вглядываясь в даль, но, едва услышав скрип двери, он резко обернулся и подошел к кровати.

— Ложись, — бросил он супруге, развязывая тесемки на своих штанах.

— Вы желали поговорить со мной? — ласково спросила Бригида, с удивлением наблюдая за действиями Филипа.

— Ложись и подними юбки, — коротко ответил тот и спустил с себя штаны, представив взору Бригиды свое мужское достоинство, все еще спящее.

Не говоря ни слова, Бригида подчинилась. Она прекрасно поняла, чего желал ее супруг. Девушка легла на спину, задрала юбки своего платья, обнажив свою невинную наготу, и молча, полная страха, ждала, что будет дальше.

При одном лишь взгляде на красоту супруги, Филип почувствовал, как закипела его кровь, и, готовый к соитию, он возлег на Бригиду и покрыл ее лицо поцелуями, одновременно лаская пальцами ее промежность. Он был решительно настроен лишиться ее невинности и подарить ему ребенка или же хотя бы комсумировать брак, чтобы, в случае его смерти, Бригиду не оставили ни с чем.

— Ты подаришь мне сына! — между поцелуями, сказал Филип.

— Да... Конечно я подарю вам сына! — прошептала разгоряченная и полная желаний Бригида. Касания супруга нравились ей. Ее дыхание участилось, тело горело огнем.

Они целовались, сладко и страстно, и вскоре Филип раздвинул ноги жены и устроился между ее белых бедер. Но вдруг в его ушах вновь зазвенел его собственный голос, крикнувший: «Да! Хочешь!», а перед глазами встало насмешливое лицо той французской крестьянки, которую он решил взять после долгого упорного боя с французами. Из рта девушки текла кровь от меча, который Филип всадил глубоко в ее тело, прежде чем изнасиловать.

Глава 14

— Прочь! Проклятая тварь! — истошно завопил Филип и крепко вцепился своими сильными пальцами в шею Бригиды, но через миг, поняв, что делает, отпустил ее. — Бригида... Моя Бригида, прости меня! Это все проделки Дьявола! — Он покинул ложе и, отойдя к стене, с силой ударил по ней кулаком.

«Что со мной? Не могу взять собственную жену! А может, оно и к лучшему? Если Бригида забеременеет и родит, наш ребенок унаследует мое проклятие... Нет уж, лучше никаких детей, чем те, что будут расплачиваться за грех и безумие их отца!» — устало подумал Филип. Мысли взяли его в плен, но плач, раздавшийся с кровати, заставил его вернуться в супруге.

Он вновь возлег на Бригиду и нежно поцеловал ее мокрое от слез лицо. Ее прекрасные васильковые глаза были полны непонимания и боли: чем она разозлила его? Чем заслужила эти оскорбления? Возможно, она плохо пахнет? Настолько плохо, что Филип почувствовал к ней омерзение?

— Что... Что я сделала? — плача, простонала Бригида.

Тяжелый испанский чепец, и полные огня волосы девушки рассыпались вокруг ее головы, как нимб, придавая ей лик святой.

— Ничего, любовь моя, ты ничем не провинилась... Это я... Моя вина, — тихо сказал Филип. — Я не могу... Не могу сделать это с тобой, но не спрашивай... Не спрашивай, почему. — Он вновь поднялся на ноги, достал из внутреннего кармана камзола крошечный нож, сделал довольно глубокий порез на внутренней части своего бедра и нанес кровь, которая полилась из раны, между бедер Бригиды. Тонким ручейком эта кровь пробежала вниз по белой коже девушки и впиталась в белую мягкую простынь кровати.

— Зачем это? — пролепетала Бригида, приподнявшись на локтях и хмуро наблюдая за действиями супруга.

— Теперь, если я погибну, мои родители не смогут лишить тебя вдовьей доли. Отныне наш брак официально комсумирован, и все будут ждать, что ты понесешь моего ребенка, — объяснил Филип,

отходя к комоду. Открыв один из ящиков, он достал чистую рубаху и приложил ее к своей ране, желая остановить кровь.

— Но к чему этот обман? Вы ведь прекрасно понимаете, что никакого ребенка не будет, — допытывалась изумленная миссис Нортон.

— Это не имеет значения, главное, наш брак полностью официален... Если я не вернусь с войны... — Филип взглянул на свою красавицу-супругу, и его сердце сжала ледяная ладонь. — Если я не вернусь, — твердо повторил он, — тебя будут уважать и ценить, как одну из Нортонов, и ты снова сможешь выйти замуж... И... — Филип замешкал: то, что он желал сказать, казалось ему ужасно постыдным, но ему удалось перебороть свой стыд, и он продолжил: — И тогда все будут знать, что Филип Нортон был не только смелым воином, но и верным супругом и нежным любовником. Ты ведь скажешь это нашим матерям и Альеноре, любовь моя? Прошу: не покрывай меня позором. Пусть правда о моем преступлении и моей слабости уйдут вместе со мной.

— О каком преступлении вы говорите, супруг мой? Если у вас имеется тайна, вы можете поделиться со мной, и я клянусь, что не расскажу ее никогда и никому, — несмело спросила Бригида, недоумевая, что он имел в виду: его слова звучали так таинственно.

— Ты скажешь им? — вместо ответа услышала она и поняла, что Филип никогда не расскажет ей свою тайну.

— Как вы пожелаете, мой дорогой супруг... Но умоляю вас: вернитесь домой... Вернитесь ко мне, — смиренно промолвила Бригида.

— Моли не меня, ангел мой. Моли Всевышнего. — Филип надел свои штаны, молча подошел к кровати, помог супруге подняться на ноги и опустить ее юбки, а затем взял покрывало с пятном крови на нем и направился к двери. — Пойду предоставлю нашим родителям доказательство того, что наш брак комсумирован. А ты позови служанку и вели обмыть тебя: пусть она будет нашей свидетельницей и расскажет о произошедшем всему замку! — сказал он напоследок, прежде, чем закрыть за собой дверь.

Когда Филип сошел вниз, его родители сидели в гостиной, у зажженного, несмотря на теплый летний день камина, ожидая прихода сына. Это было настолько очевидно, что Филип насмешливо усмехнулся: какое ребячество! Сидят здесь, как две верные собаки в ожидании сладкой кости!

— Все произошло? — тихо спросила леди Нортон, вскочив со своего кресла.

Вместо ответа Филип небрежно отдал матери в руки окровавленную простынь и, чтобы избежать ее эмоциональных восклицаний и бестактных вопросов, поспешно направился в конюшню, проверить состояние своего боевого коня. Молодому Нортону хотелось сбежать от родителей и их чрезвычайной, по его мнению, слишком сильной родительской любви. Пусть радуются комсумации, пусть устраивают пир или торжественную мессу — его это не трогает. Завтра он покинет замок, Бригиду, сестру и родителей, завтра он заново начнет свои героические боевые похождения и борьбу за короля. Только это важно, только это делает честь и может принести славу... Возможно, посмертную, но славу, и никто не забудет имени Филипа Нортон, смелого рыцаря и верного подданного Англии.

— О, слава Всевышнему! Дорогой, кровь! Кровь на простыне! — услышал Филип радостный возглас матери за своей спиной.

— Господь велик! Это случилось! Случилось! — вторил супруге лорд Нортон.

— Я пойду к Бригиде, пусть все расскажет! — решительно заявила леди Гильда, передавая простынь в руки своего супруга.

— Не стоит, ангел мой, не стоит. Дай девочке прийти в себя! — тактично заметил лорд Нортон, улыбаясь во весь рот.

— Ничего такого уж страшного не произошло, дорогой мой: все женщины через это проходят, — отмахнулась леди Нортон: она сгорала от нетерпения и желания допросить невестку о том, как все прошло, что было сделано и как.

— Я настаиваю. Поищи лучше Альенору и расскажи ей. Обрадуй нашу бедную ласточку... Она так любит своего брата, так будет скучать по нему! Пусть возрадуется тому, что скоро у Филипа родится наследник! — поспешил отговорить ее супруг.

— Нашему мальчику следует постараться еще и ночью. Одного раза может не хватить. Пусть возьмет Бригиду еще несколько раз, —

наконец, согласилась леди Нортон. Ее лицо сияло от радости. — Вели приготовить праздничный ужин! Филип покидает нас, но мы проводим его так, как ему этого хочется: песнями и танцами! Пусть знает, что мы верим в него и то, что вскоре он вернется домой!

— Замечательная идея, любовь моя! Просто восхитительная! — Лорд Нортон поцеловал супругу в лоб. — Но поди на кухню сама. Мне необходимо собрать до завтра двести солдат и снарядить каждого доспехами, оружием и, если получится, дать каждому по коню... Это обойдется недешево...

— Это приказ короля! Мы не бедны, так пусть же все знают, что Нортонны ничем не уступают Болейнам и Сеймурам! Наши мужчины будут самыми видными в этой армии, а их доспехи — самыми прочными! — улыбнулась леди Гильда, объятая тщеславием и гордостью.

Когда лорд Нортон покинул гостиную, его супруга тотчас позвала к себе одну из молодых служанок и приказала той идти в покои Бригиды.

— Скажи, это ее вторая матушка прислала тебя, чтобы помочь ей. Иди, а потом доложишь мне обо всем, что видела и слышала. Но держи язык за зубами: узнаю, что ты рассказала другим, выгоню из замка, в чем мать родила! — приказала леди Нортон служанке.

— Как скажете, моя леди! — с готовностью отозвалась девушка и поспешила исполнять приказ. Любопытной крестьянской девушке, которую чудесным образом взяли прислуживать в замок высокородных и богатых дворян, очень хотелось поделиться секретами хозяйки со своими подружками, но она слишком дорожила своим местом, чтобы предпочесть сплетню приказу леди Нортон.

Когда Лили, эта самая служанка, робко постучала в покои миссис Бригиды, та имела беседу со своей матерью.

— Позже! — властно сказала леди Гиз, не желая, чтобы их с дочерью важный разговор прерывали.

— Приказ леди Нортон, моя леди! Она прислала меня, чтобы я помогла миссис Нортон! — пискнула Лили, немного боявшаяся строгой и угрюмой леди Гиз.

— Пусть войдет... Мне действительно нужна помощь, — отозвалась Бригида. — Войди, Лили! — Когда девушка вошла и

сделала глубокий реверанс, Бригида ласково улыбнулась ей и промолвила: — Ступай, принеси ведро теплой воды и чистую тряпку.

— И поторопись! — вставила леди Гиз.

— Конечно, конечно! Как скажете! — Лили бесшумно исчезла в коридоре.

— Нет, это просто невообразимо! Филипа забирают! Нет, я не могу поверить в эгоизм Генриха! — вновь запричитала леди Гиз, сев на кровать рядом с дочерью.

— И я, матушка... Я надеялась, что наш брак будет крепким и полным нежности, — горько улыбнулась Бригида. — Но, видимо, Господь распорядился иначе.

— Мужчины... Они так любят скакать в своих блестящих доспехах! Я уверена, что твой супруг только рад отъезду, — вздохнула леди Джейн, но вдруг нахмурилась: — Что с твоей кроватью? Где простынь?

— Филип забрал ее, чтобы показать родителям, — нехотя ответила Бригида, не желая обсуждать с матерью то, что произошло между ней и ее супругом.

— И к чему это ему понадобилась простынь? Только если... — Леди Гиз осенила догадка, и ее брови поползли вверх. — Брак комсумирован?

Бригида хотела сказать правду, хотела сказать, что все так же остается нетронутой, что Филип все подстроил... Но интуиция подсказывала ей, что ее мать хочет услышать совершенно другие слова.

— Бригида, отвечай на вопрос! — строго бросила леди Гиз. — Он лишил тебя девственности? На простыне, которую Филип пошел показывать своим родителям, твоя кровь?

Не желая, чтобы из ее рта вылетели слова лжи, Бригида кивнула.

Леди Гиз широко улыбнулась и обняла свою дочь. Та, не ожидая такой ласки, прижалась к материнской груди и закрыла глаза, наслаждаясь этим мгновением.

— Как же ты обрадовала свою старую матушку! Наконец-то! Теперь-то он не сможет отослать тебя! Теперь эта ворона Гильда перестанет злиться на тебя, сокровище мое! — Леди Джейн отстранилась от дочери и заглянула в ее глаза. — Скажи мне, дитя, он позволил своему семени разлиться в тебе?

— Что, матушка? — покраснев, как маков цвет, переспросила Бригида.

О таком ей не рассказывали ни мать, ни супруг, никто. Как она могла знать?

— Его мужское семя... Он должен быть излить его в тебя, в конце соития, — подсказала леди Гиз, справедливо решив, что ее дочь не поняла ее вопроса в силу своей невинности и незнания процесса.

— Все... Все прошло, как следовало, матушка, — вновь солгала Бригида, вдруг испугавшись того, что, если ее мать узнает правду, то вновь возненавидит ее. Крохи материнской ласки, которые леди Гиз дарила своей дочери после того, как едва не потеряла ее, были так дороги Бригиде, что она готова была сказать матери любую желанную той ложь.

— Тогда нам остается молить Господа о том, чтобы скоро у вас появился ребенок. Когда Филипу приказано выезжать в армию? — спросила леди Гиз и осторожно погладила Бригиду по щеке. Она была довольна своей дочерью.

— Завтра с рассветом, — вздохнула Бригида и взяла ладонь матери в свою. — Скажите, матушка, что будет, если... — Она хотела сказать: «если ребенка не будет», но вовремя спохватилась. Никто не должен был узнать их с Филипом секрет! — Если он не вернется? Что, если он погибнет? Что будет со мной и ребенком?

— Ты снова выйдешь замуж. Тебе недолго придется ходить вдовой. С твоей красотой и вдовьей долей к тебе будут свататься самые бравые мужчины королевства.

— Но что будет с моим ребенком?

— Он останется с Нортонами, и его воспитают как Нортон... Конечно, если это будет мальчик. Наследник. Девочку тебе разрешат увезти с собой. Девочки не являются ценностью, мальчики же — на вес золота. Так всегда было, есть и будет.

Бригида грустно улыбнулась: только что ее мать, не скрывая, сказала ей, что ценила и любила лишь своего усопшего сына, а ее, Бригиду, она всего лишь принимала как должное. Сын — наследник и гордость рода, дочь — обуза, от которой следует поскорее избавиться.

«Как повезло моей Альеноре! Как любят ее родители! Иногда мне кажется, что она любима ими даже больше Филипа», — с легкой завистью подумала Бригида.

Раздался громкий стук дверь и голос служанки: «Это я, моя леди!».

— Я оставлю вас, — заявила леди Гиз, поднимаясь с постели. — Но этой ночью, Бригида, попытайся снова распалить страсть твоего супруга.

— Я сделаю все возможное, матушка, — пообещала девушка и тихо добавила: — Я очень хочу ребенка... Пусть это будет девочка, не важно. Я буду любить ее, как самое драгоценное существо во всем белом свете.

— Молись, чтобы это был мальчик, — небрежно бросила леди Гиз и направилась к двери. — Нам нужен наследник. А потом можешь рожать хоть с дюжину девочек. — Открыв двери, она вышла в коридор и поспешила в кабинет своего супруга, чтобы поделиться с ним радостной новостью.

Услышав новость, лорд Гиз довольно потер ладонями: наконец-то! Хоть какой-то толк от его глупой дочери! Но, когда он услышал, что Филип вновь будет воевать за короля, да еще и так скоро, он нахмурил свой высокий лоб, сел в кресло и задумался.

— Она должна понести. Должна! — вдруг вскрикнул он и ударил кулаком по столу, а затем тихо процедил сквозь сжатые зубы: — Если она не понесет от Филипа, и этот идиот будет убит, клянусь, я выдам ее замуж за конюха или отошлю в такой отдаленный и темный монастырь, что она пожалеет, что родилась!

В то время, как лорд Гиз напряженно размышлял о том, что будет, если Филип падет в битве, а леди Гиз ласково успокаивала его и уверяла, что Бригида знает свое положение и что Всевышний обязательно подарит ей сына, сам молодой Нортон собственноручно вычищал конюшню, только лишь бы не думать, лишь бы не вспоминать тот холодный мокрый день во Франции, когда он изнасиловал и убил красивую французскую крестьянку, которая оказалась язычницей и ведьмой. В тот день он был слишком опьянен победой над врагом, слишком близко принял к сердцу подначивания своих друзей, не брезгающих насиловать даже старух, слишком понадеялся, что от одного раза с его честью и благородством ничего не станет... И что теперь? Он так и не смог насладиться телом своей супруги и не оставит после себя наследника. Чертова ведьма! Он встретится с ней в Аду и отомстит ей за то, что она сделала с ним!

Что касается Бригиды, та попала под допрос Альеноры, которая узнала обо всем от своей матери.

— Как все было? Приятно? Он ласкал тебя? Скоро у меня будет племянник или племянница? Как думаешь, стоит уже думать о пошиве детской одежды? — тараторила любопытная Альенора.

— Я не хочу лгать тебе! Кому угодно, только не тебе! — с отчаянием воскликнула в ответ Бригида, но видя счастливое лицо подруги, сдалась, не желая разбивать ее сердце. — Было больно. Очень больно. Жду ли я теперь ребенка? Одному Господу это известно.

— Я буду крестной матерью! Я и никто другой! — гордо приподняв подбородок, решительно заявила Альенора.

— Только ты, моя дорогая... Только ты! — шепнула Бригида и отвернула от подруги лицо, чтобы та не увидела слезы горечи в ее глазах.

Утром, едва на горизонте появилась розовая полоска, Филип и двести тяжело вооруженных солдат покинули замок и направились в Лондон. Сэр Нортон оставил спальню своей супруги так бесшумно, что, когда та проснулась, все так же нетронутая, он был уже далеко в пути.

Когда Бригида сошла вниз, ее свекровь, с красным от слез лицом, подбежала к ней, упала перед ней на колени и уткнулась лицом в ее живот.

— Он уехал! Мой мальчик больше не вернется! Материнское сердце всегда предугадывает смерть своего чада! Отныне вся надежда только на тебя, Бригида! Подари мне внука! Подари мне плоть и кровь моего Филипа! Он взял тебя этой ночью?

— Да, моя леди... Два раза, — прошептала изумленная девушка, и эта ложь далась ей так легко!

— Слава Богу! Слава и хвала! — Леди Нортон поцеловала живот невестки. — Мой внук! Сын моего Филипа уже живет в твоём чреве!

Глава 15

Утро Рождества выдалось одним из самых холодных за последнее десятилетие, и Нортон, с головы до ног закутанные в теплые меховые плащи, торопливо шли в замок. Только что завершилась долгая рождественская месса, на которой все присутствующие очень замерзли: несмотря на то, что лорд Нортон приказал не щадить деревья и отапливать костел, огромное каменное здание оставалось все таким же угрюмым и холодным. Стараясь идти как можно быстрее, хозяева замка с благоволением предвкушали, как сядут у поющего свои бодрые песни камина и отогреют замершие пальцы, носы и щеки. Под их ногами хрустел свежесвыпавший снег, пришедший в эти земли так поздно в этом году, но одев все вокруг в белоснежные одеяния.

— Матушка, позвольте мне взять коня и отправиться в деревню. Говорят, там появились щенки, которая одна из собак понесла от волка, — попросила Бригида свою свекровь.

— И что теперь? — холодно ответила на это леди Гильда.

— Я хотела бы посмотреть на этих щенков. Мне очень любопытно, — робко ответила Бригида.

— Нечего тебе ходить смотреть каких-то щенков. Ты ведь не кухонная девка, а одна из Нортонов! — процедила сквозь зубы леди Нортон, не удостоив невестку даже мимолетным взглядом.

— Вы, конечно, правы, матушка... — начала было Бригида.

— Хотя иди, иди! Поучись у этой собаки рожать детей! — вдруг вырвалось из самой глубины сердца леди Нортон, и она все же окинула невестку взглядом, но таким ледяным, что та отшатнулась.

— Вы все злитесь на меня! Но разве виновата я в том, что Всевышний не дал нам с Филипом ребенка? Думаете, я не желаю стать матерью? — не выдержав более, с укором сказала Бригида. Ведь, видит Бог, она слышала эти колкости каждый день! Каждый день ее свекровь упрекала ее в том, что она не подарила ей долгожданного внука! Но разве ее вина в том, что Филип ушел на войну, не оставив после себя даже бастарда?

— Мой сын ничем не провинился перед Господом! Это все ты! Что ты такого натворила, что Он не дал тебе ребенка? — Леди Нортон

раздраженно всплеснула руками. — Ты, верно, околдовала его, моего мальчика!

— Бог вам судья, матушка. Он все видит, все слышит и накажет вас за эти неправдивые и несправедливые слова, — тихо промолвила Бригида.

Всевышний был ее защитником, и она верила в его благодать и справедливость. И пусть она умолчала... Да что уж скрывать, солгала всем вместе с супругом, она знала, что Бог не дал ей дитя не потому, что она прогневала его своей ложью, но потому что Филип совершил что-то ужасное, однако, не сказал ей что. Единственным, что выдало его грех, были лишь два слова, оброненные им: «Мое преступление». Но Бригида дала Филипу обещание молчать и не желала нарушать его. Пусть свекровь обвиняет ее во всех смертных грехах, пусть презирает ее, но имя Филипа навсегда останется незапятнанным.

— Если женщина не может понести, это ее наказание, — угрюмо сказала леди Гильда, не желая признавать правоту Бригиды, но все так же уверенная в том, что это по вине ее невестки в замке Нортонов не появилось младенца, наследника ее сына.

— Я молилась и молюсь об этом каждый день, — отстраненно ответила на это Бригида.

— Значит, плохо молишься, — мрачно изрекла леди Нортон и ускорила шаг. Теперь она почти бежала, оставив ненавистную ей невестку позади.

Хозяйка замка Нортонов не могла понять Бригиду: став матерью Филипа в довольно раннем возрасте и рожая одного ребенка за другим, она гордилась собой и считала деторождение легким делом. Увы, из всех рожденных ею детей выжили только Филип и Альенора, все остальные умирали во младенческом возрасте от болезней. Но пусть живы всего лишь двое! Зато какими они выросли! Лучше и красивее не сыскать во всей Англии! Поэтому с тех пор, как выяснилось, что Бригида не понесла, эта женщина избегала бесед с нею и питала к ней самое настоящее отвращение.

Не только свекровь отравляла молодой миссис Нортон жизнь, но и ее собственные родители: отец отчитал ее, проклиная и сквернословя, а мать презрительно сжимала губы и недовольно качала головой. Гизы настолько разочаровались в своей дочери, что, даже не попрощавшись с ней, покинули замок Нортонов и уехали в свой несмотря на то, что

тот был холодным, мокрым и почти непригодным для проживания. Все лучше, чем смотреть в глаза сватов и краснеть от стыда за неспособность дочери родить наследника. Лишь Альенора и лорд Нортон ни в чем не обвиняли бедную Бригиду и все так же относились к ней ласково, но советник короля уже третий месяц находился в Лондоне, при дворе, а мисс Нортон, хоть и горячо защищала перед матерью честь подруги, ежедневно разъезжала по округе, чтобы ознакомиться с нуждами крестьян, которые арендовали земли Нортонов. Альенора мудро решила, что, пока мужчины отсутствуют, она займется делами замка и крестьян сама, так как от ее матери толку было мало: утопающая в своей печали, страхе за жизнь сына и злости на невестку, та не находила в себе сил принять командование хозяйством на себя.

Бригиду поддерживал лишь ее духовный наставник Отец Марк, которому она каждый день исповедовалась и который вместе с ней читал Священное Писание. И все же бедная девушка чувствовала себя одинокой и всеми покинутой, и молила Господа, чтобы тот как можно скорее вернул ее супруга домой. Только тогда ее жизнь обретет смысл, только тогда она избавится от неприязни свекрови. И, твердо решила для себя Бригида, она заставит Филипа лечь в ее ложе и зачать с ней ребенка. Но никто, даже сам король Генрих не знал, когда Филип вернется домой, и тем, кто любил его, оставалось лишь терпеливо ждать и лелеять надежду.

Вечером после ужина, за которым царило неловкое молчание, так как он прошел без певчей птички Альеноры (она все еще не приехала из деревни), Бригида пожаловалась на головную боль, извинилась и уединилась в своих покоях. Леди Гильда приняла слова извинения невестки без какой-либо реакции, даже сделала вид, что и вовсе не услышала голос Бригиды. Она была лишь рада избавиться от общества неуютной девчонки и желала лишь одного: сесть у камина, взять в руки шитье и расшивать рубашки Филипа. Эти расшитые любящей материнской рукой рубашки должны были стать подарком ее сыну, когда тот вернется домой. Ведь он обязательно вернется, он не покинет ее, свою мать, он знает, что никто в мире не любит его больше, чем она. Он будет носить эти рубашки с гордостью. К тому же, расшитых рубашек от своей собственной супруги ему не дожидаться: она такая неумеха! Ее стежки — кривые и косые, а пальцы, ну, точно

деревянные! Нет, Бригида совершенно не старается порадовать своего мужа, не прилагает никаких усилий, лентяйка эдакая.

— Принеси мне горячего вина с пряностями! И как только мисс Альенора появится дома, направь ее ко мне, — приказала леди Нортон одной из служанок и, сев за пядьцы, принялась за дело, напевая себе под нос католический гимн.

Бригида стояла на коленях у кровати и, перебирая четки, горячо молилась. Она молила Бога вернуть ей расположение свекрови, вновь оказаться в объятиях супруга и принести Нортонам и Гизам долгожданного наследника. Бригида не могла более выносить неприязни и ненависти к ней леди Нортон, не могла делать вид, будто ее не трогает грубость и колкости свекрови. С тех пор, как Филип уехал на войну, Бригида не была счастлива ни минуты и постоянно чувствовала на себе взгляды леди Нортон, такие злые, что девушке казалось, будто та желала испепелить ее, избавиться от нерадивой, по ее мнению, девчонки, недостойной ее сына. Но Бригида свято верила в то, что Филип скоро возвратится и защитит ее от всего плохого.

В комнате было холодно и темно: поленья в камине догорели уже несколько часов назад, а единственная свеча, неприятно пахнущая и едва мерцающая, не могла осветить большую неуютную спальню. Это обстоятельство было делом рук леди Гильды: она приказала слугам не «баловать» ее невестку, так как считала, что та не заслужила хорошего или даже сносного к ней обращения. Бригида, в свою очередь, не желала унижаться и просить смилостивиться над ней, и безропотно переносила холод и темноту. Когда она ложилась спать, ее кровать напоминала ей ледяной сугроб, но она закрывала глаза и молилась, тем самым притупляя чувства своего тела. О такой жестокости со стороны хозяйки к ее невестке знали все до последнего мальчишка на побегушках, но никто не смел укорить леди Нортон. Единственным человеком, кто мог спасти Бригиду от такой незавидной жизни, была Альенора, но она, занятая делами и разъездами, даже не догадывалась о том, какие страдания терпит ее лучшая подруга и сестра, ведь ни леди Гильда, ни Бригида ни разу не обмолвились о существующем порядке вещей, а сама Альенора перестала навещать Бригиду в комнате последней, так как сильно уставала от дел и общения с крестьянами, и проводила время лишь в своих покоях.

— Какой сегодня день! Просто благодать! — вдруг услышала Бригида голос подруги, без приглашения и внезапно появившейся в ее комнате. — Я собрала налог! У всех до единого! Ни одного должника в этом месяце... — Она вошла, окинула покои недовольным взглядом, поморщила носик и сказала: — Ни огня в камине, ни хорошей восковой свечи... Моя дорогая, разве можно так не любить себя?

— Увы не я решаю, когда в моем камине будет огонь и какие свечи я могу использовать, — отвлекшись от молитвы, промолвила Бригида, невероятно обрадованная появлением ее дорогой Альеноры. Наконец-то они поговорят как следует! Как она скучает по своей жизнерадостной подруге!

— Господи, помилуй! Здесь холодно, как на улице! — воскликнула Альенора и, широко раскрыв дверь, громко крикнула в коридор: — Сейчас же принести поленья в покои миссис Нортон! И свечу! Нет, три восковых свечи! Немедленно! — Захлопнув дверь, девушка подошла к Бригиде, села на кровать и заставила подругу подняться с колен и сесть рядом с ней. — Я поговорю с матушкой. Как она может! Ты супруга Филипа! Ты ее дочь, такая же, как и я! Это ее желание обрести внука лишает ее разума! Оставить тебя без поленьев и свечей...

— Не стоит, моя дорогая. Не стоит тебе ругаться с матерью, — ласково остановила ее Бригида, нарочно положив ладони на локоть подруги, чтобы та не могла коснуться ее ледяной кожи. — Я понимаю ее. Она имела такие большие надежды, такую веру в то, что я стану матерью ее внука, что мне даже жаль, что я обманула ее ожидания...

— Какая чушь! Ничего и никого ты не обманула! Один лишь Бог решает, кому рожать, а кому нет! — бросила на это Альенора, недовольная жестоким поведением своей родительницы.

«Если бы ты только знала! Я обманула... Всех обманула! И тебя тоже!» — с отчаянием подумала Бригида, и ее сердце сжалось при этой мысли.

— Я поговорю с ней, — не терпящим возражения тоном сказала Альенора. — Но и тебе, моя дорогая, стоит быть настойчивее и не бояться заявлять о своих правах.

— О каких правах ты говоришь? — улыбнулась Бригида. — Я живу в вашем замке лишь потому, что замужем за твоим братом. Я не выполнила свой долг и не принесла ему наследника...

— Боже мой, что ты, что моя мать, говорите так, словно Филипп уже давно похоронен! — несколько раздраженно воскликнула Альенора. — Мой брат скоро будет здесь! Скажу тебе по секрету... — Ее лицо вдруг засияло от радости. Она наклонилась к уху Бригиды и быстро зашептала: — Отец прислал письмо! В Лондоне происходят грандиозные события, и скоро всех нас ждут великие перемены! Генрих приказал своему войску во Франции отступить, а это значит, что уже через неделю или чуть дольше наш Филипп будет дома!

— О! О, Всевышний! — выдохнула Бригида и положила ладони на сердце, готовое выпрыгнуть из ее груди. Какую радость принесла ей Альенора! Какую новость! Ее супруг возвращается к ней!

— Мама еще не знает... Я не заходила к ней, хотя она попросила навестить ее первой. Она дурно с тобой обращается, и я ей этого не прощу.

— Я не держу на нее зла. И ты не держи. Мой супруг скоро будет дома! Я должна помолиться... Должна поблагодарить Отца Небесного! — Бригида упала на колени, с силой вцепилась в свои четки, крепко зажмурила глаза и быстро зашептала молитву.

— Помолись и за меня, а я пойду к матушке, иначе она заклюет меня, как курица-наседка мелкого хищника, пробравшегося в курятник, — с улыбкой, тихо сказала Альенора и бесшумно покинула покои подруги.

По пути к матери, Альеноре встретился один из слуг, и она приказала доставить миссис Нортон побольше поленьев и восковых свечей. «В покоях супруги моего брата всегда должно быть уютно, тепло и светло, а если моя мать отменит мой приказ и вновь захочет лишить миссис Нортон этой милости, скажите ей, что это приказ моего отца, лорда Нортон. Это он хозяин замка, а моя мать — всего лишь его жена» — предупредила девушка.

Побеседовав с матерью и упрекнув ее в беспричинной жестокости по отношению к бедной Бригиде, Альенора демонстративно покинула мать досиживать вечер одну, поднялась в свою комнату, взяла в руки чистый пергамент и отточенное лебединое перо, и принялась за письмо своему отцу, в котором в который раз умоляла его убедить королеву Екатерину принять ее, Альенору, к ней в фрейлины. Но мисс Нортон не знала того, что гордая испанская принцесса Екатерина уже вдоволь насладились проделками Анны Болейн, своей фрейлины, и не

желала иметь новую соперницу, которая, к тому же, была краше и моложе темноволосой искусительницы Анны.

Начало января не принесло с собой потепления, наоборот, стало еще холоднее, но леди Нортон, вдохновленная новостью о скором возвращении сына, вдруг стала совершать каждодневные прогулки по заснеженному саду, заставляя дочь и невестку сопровождать ее. Впрочем, девушки не возражали: из-за холода Альенора на время оставила свои поездки по окрестностям и проводила все свое время с Бригидой, а та, в свою очередь, была рада наконец заполучить обратно свою дорогую подругу. Теперь комната Бригиды всегда была наполнена потрескиванием ароматных поленьев и ярко освещена дорогими восковыми свечами: леди Нортон, пристыженная дочерью и полная материнской радости, стала относиться к невестке почти так же, как когда та еще не стала выбором сердца ее сына. И все же, несмотря на это обстоятельство, леди Нортон не уставала повторять Бригиде, что она должна подарить ей внука. «Увы, все зависит от самого Филипа. Я готова была родить ему сына после первой же нашей с ним брачной ночи, но он не коснулся меня. Что будет, когда он вернется? Как мне уговорить или заставить его лечь в мою постель?» — невольно размышляла Бригида, молчаливо улыбаясь словам и наставлениям свекрови.

Шестого января, совершив довольно долгую прогулку и промерзнув до самых костей, благородные дамы замка Нортон расположились в гостиной, у камина, чтобы, за беседой, расшивать крошечные рубашонки для будущего маленького Нортон. Все они были уверены в том, что возвращение Филипа станет их благословением, и что желанный ребенок, долгожданный наследник, не заставит ждать своего появления на свет. Смеясь и напевая старинные любовные баллады, дамы наслаждались этим светлым, пусть и бессолнечным днем.

— Прощу прощения, моя леди! Только что приехал посыльный из Лондона! — торопливо подойдя к леди Нортон, доложила пожилая служанка. На серебряном подносе, который она держала в руках, лежало два аккуратно сложенных и скрепленных печатями послания.

Без труда распознав на одном из посланий печать своего отца, Альенора, отложила шитье в корзину, вскочила со своего табурета и

схватила желанную записку.

— Ангел мой, не забывай, что ты леди, — мягко упрекнула ее мать, грациозно положив пальцы себе на колени и протянув руку служанке. Та быстро вложила записку в ладонь хозяйки, сделала глубокий, до самого пола реверанс и вышла вон из гостиной.

— Ангелы услышали меня! Это случилось! — быстро прочитав записку отца, воскликнула ошеломленная Альенора и повторно перечитала написанное. — Генрих и Анна Болейн тайно обручились! Еще первого января! Она добилась своего! Невероятная женщина! Уж она-то точно сделает меня своей фрейлиной! Скоро я поеду в королевский дворец! — Девушка прижала записку к груди и радостно рассмеялась.

«Как радуется она этой трагедии! Бедная Екатерина! Что за судьба ей досталась! Но нет, Папа никогда не даст Генриху развода! Что бы ни случилось, кто бы ни кружил ему голову, наша королева — единственная его законная супруга!» — с сожалением подумала Бригида, склонив голову на грудь.

— Подумать только... Какой дурак... — Леди Нортон поднялась со своего кресла. Пальцы упали на пол, но она словно не заметила этого. — Какой дурак! — со смешком повторила она, подошла к окну и распахнула его. И, пока Альенора танцевала и радостно смеялась, а Бригида не поднимала полные слез глаза от своей работы, леди Гильда поднялась на широкий карниз, раскинула руки и молча сделала шаг вниз.

Глава 16

«Такая молодая, а уже вдова! Видать уж очень она прогневила Создателя!». «Бедная леди Гильда! Так и не увидела своего внука!», «К чему этому бедному мальчику нужно было жениться на этой пустой чаше? Любая другая понесла бы после первой ночи! Нет, не зря ее отца отослали прочь из королевского дворца! Эта семейка имеет договор с демонами, поэтому эта девчонка оказалась непригодной для продолжения рода!» Эти и другие колкие фразы, оброненные знатными дамами и мужами, были сказаны вполголоса, но они не причиняли Бригиде боль.

Глухая и немая, миссис Нортон, восемнадцатилетняя вдова, облаченная во все черное, стояла у могилы своего супруга и, с мокрым от слез лицом, беззвучно шептала молитву за молитвой. Пальцы девушки судорожно сжимали четки, глаза, устремленные на высеченное на каменном кресте имя, были пусты и безжизненны. Несмотря на жуткий холод и падающий с неба снег, Бригида настолько ушла в себя и свои молитвы, что попытки января превратить ее в ледяную статую не увенчались успехом. Все чувства и эмоции покинули ее в тот самый момент, когда, очнувшись от падения, леди Нортон отдала ей записку, которую крепко держала в своей ладони. Быстро пробежав глазами черные, написанные красивым размашистым почерком строчки, Бригида поняла, что отныне осталась совсем одна, а жизнь потеряла всякий смысл. Она потеряла супруга и стала вдовой.

«...истребил множество врагов Англии, но пал в бою. Его Высочество выражает Вам и Вашей семье глубокие соболезнования. Примите в дар чистокровного арабского скакуна, в память о Вашем верном сыне, любящем супруге и великом защитнике английского престола...» гласила записка.

Тонконогий арабский красавец, подаренный королем, мирно спал в стойле, леди Нортон лежала в своей постели со сломанной ногой и разбитой головой, Альенора, похожая на мрачного призрака в черных одеждах, стояла рядом с Бригидой и молча плакала, Филип спал вечным сном глубоко в земле маленькой французской деревни, и все

собравшиеся сегодня провести павшего воина в последний путь, взирали на большой каменный крест, поставленный на пустой могиле. Так как Филипп был убит еще неделю назад, и его тело начало разлагаться, его невозможно было доставить в родительский замок, поэтому мистера Нортон, со всеми почестями, похоронили на отвоеванном Англией кладбище.

«Что мне делать? Кто я теперь? Что со мной будет?» — пронеслось в разуме молодой вдовы. Лишь сейчас она поняла, что с момента смерти Филиппа, ее и Нортон ничего больше не связывает, и что она все еще живет в их замке лишь по доброте лорда Нортон и Альеноры.

Лорд Нортон не приехал на похороны сына: он не смог покинуть Лондон, и, несмотря на страшную потерю, вынужден был выполнять свою работу. Король Генрих выразил верному советнику соболезнования, но решительно заявил, что не дает ему разрешения на поездку домой. «Дома, в окружении ревуших дам, вам легче не будет. Оставайтесь здесь, со мной, выполняйте свою работу, и, увидите, как скоро мрачные мысли покинут вашу голову и печаль покинет ваше сердце. Я сам отец и терял сыновей, и пусть все они умерли младенцами, наше горе, друг мой, равноценно. Вам, как и мне, нужно идти дальше. Я помню, что у вас осталась прекрасная дочь, так займитесь поисками достойного супруга для вашей нежной розы» — так сказал Его Величество безутешному отцу, а тот, не смея нарушить приказ, лишь отправил дочери короткое письмо, в котором передавал ей и ее матери свою любовь и приказал им молиться за упокой души Филиппа. О своей невестке Бригиде он позабыл напрочь, однако письмо сэра Гиза, полного слов сожаления и сочувствия, напомнили ему о ней, и он послал домой второе письмо, лично Бригиде, в котором заверил ее в том, что она может жить в его замке до тех пор, пока повторно не выйдет замуж. Конечно, доброта супруга не нашла отклика в окаменелом сердце леди Нортон, и один лишь вид Бригиды раздражал ее так сильно, что она запретила бывшей невестке навещать ее и заговаривать с ней.

— Пойдем в замок, моя дорогая. Я ужасно замерзла. — Альенора тронула Бригиду за руку, и та, вздрогнув, оглянулась и с удивлением обнаружила, что у могилы остались они вдвоем. Все остальные давно разошлись.

— Ты иди. Я еще постою, помолюсь, — тихо сказала Бригида.

У нее не было никакого желания возвращаться туда, где для нее не было места. Альенора была ласкова с ней и не изменила своего отношения и после смерти брата, но Бригида понимала, что стала для Нортонов обузой, что они больше не были обязаны заботиться о ней. Жить в замке родителей она тоже не хотела: это была бы пытка еще страшнее и мучительнее, чем выносить неприкрытую ненависть бывшей свекрови.

Куда ей идти? Какую судьбу уготовил ей Господь?

— Я не оставлю тебя. Если не хочешь идти со мной, я останусь с тобой здесь, — мягко улыбнулась Альенора. Ее сердце кровоточило, но она знала, что стенаниями Филипа к жизни не вернуть. Да и сам он не раз говорил, что не переносит женских слез и страданий.

— Альенора... Может, ты знаешь... Остался ли у Филипа незаконнорожденный ребенок? Сын или дочь? Я хотела бы взять его на воспитание, чтобы окружить заботой и любовью, — с надеждой в душе спросила Бригида.

— У него был ребенок... От местной крестьянки, — неохотно призналась Альенора. Эту тайну она хранила в себе много лет, и об этом не было известно больше никому, даже ее матери. Да что там! Сам Филип так и не узнал о том, что все же был отцом. — Но он умер сразу после рождения. Только молчи об этом: мой брат уехал на войну прежде, чем она обнаружила, что забеременела. Бедная дурочка боялась признаться моим родителям, поэтому пришла ко мне, и я убедила ее в том, что буду помогать ей, но взяла с нее слово, что о происхождении своего сына она забудет. — Девушка усмехнулась, увидев непонимание в глазах подруги. — Ты считаешь меня жестокой, но я глубоко уверена, что поступила правильно. К тому же младенец умер после рождения. Так к чему было беспокоить этой правдой моих родителей и самого Филипа? Ребенок был, но ребенка не стало.

— Возможно, если бы леди Нортон узнала о том, что какая-то девушка ждет ее внука, пусть и бастарда, этот младенец остался бы жив. — Бригида не знала, что более сказать: поступок Альеноры казался ей отвратительным и невероятно циничным, но она не могла сердиться на свою дорогую подругу. — Я не обвиняю тебя... Нет. Более того, ты призналась мне в своем грехе, и я признаюсь тебе в своем.

Альенора вперила в лицо Бригиды внимательный взгляд, не веря в то, что все это время та скрывала от нее что-то.

— Филип взял с меня клятву, что никто и никогда не узнает об этом, но я... — Бригида поморщилась. — Прости меня, Филип! Я не могу больше обманывать! Альенора! Мой брак с твоим братом не был комсумирован! Ничего не было! Мы были женаты лишь на словах... Именно поэтому не было ребенка, и не могло быть. — Из ее глаз потекли слезы.

— Что ты такое говоришь? Он так и не взял тебя? — покачала головой Альенора. Она была удивлена этой новостью, но этот факт не показался ей таким уж страшным.

— Нет... Ни разу. Мы солгали твоим родителям и дали им напрасную надежду.

— Почему ты молчала?

— Твой брат, он... Я не знаю, что с ним произошло, но он не смог сделать меня своей, хотя я желала этого и ждала. Но мне нет оправдания. Мне не стоило лгать вам. Я сегодня же признаюсь твоей матери и покину замок, — решительно объявила Бригида.

— Брак не был комсумирован, и что? Моя милая Бригида, это ничего не меняет! Филип женился на тебе потому, что любил тебя! Больше всего на свете! Ты была и все еще остаешься его супругой и моей дорогой сестрой! — с чувством сказала на признание подруги Альенора, и тотчас подумала: говорить ли Бригиде о том, что ее руки искал Вильям Тьюри, но она умолчала об этом?

Нет. К чему расстраивать бедную Бригиду еще больше? Она только что потеряла мужа, зачем прокалывать ее сердечко еще одной тупой иглой?

— Не рассказывай об этом. Никому! Ни отцу, ни матери, ни моим родителям! — Альенора схватила ладони подруги и поцеловала их. — Ты мне как сестра! Была, есть и будешь!

Вместо ответа Бригида бросилась на шею Альеноры и громко разрыдалась от разрывающих ее грудь невыносимых чувств. В молодой вдове смешались и благодарность, и отчаяние, и боль, и разочарование Создателем, который оказался таким жестоким и несправедливым! Но она прогоняла эти грязные мысли и убеждала себя в том, что Господь посылает ей страдания не просто так. Должно быть, забрав у нее супруга, Он испытывает ее веру, и она должна

смирению склонить голову и принять свою судьбу. Она постарается. Она смирится, ведь ничего другого ей не остается.

В этот вечер Бригида написала своему двоюродному дяде, мелкому дворянину, живущему в Кале, оплоту Англии на европейском материке. Она никогда не встречалась с ним, но знала о нем от своей матери, которая тепло отзывалась о своем кузене и называла его «мой дорогой Себастиан». Этот человек был единственным, кому Бригида смогла поведать о своих чувствах, ведь признаться почти незнакомцу ей было намного проще и легче, чем тем, кого она любила и кто любил ее. Бригида нашла в себе силы и избавилась от камня на душе, когда рассказала Альеноре о своей лжи насчет комсумации брака с Филипом, но никогда не собиралась расстраивать ее правдой о том, что замок Нортонов душил и медленно сводит ее с ума: свекровь, не дающая ей покоя и каждодневно наносящая ей раны, ясно дала понять, что не желает видеть Бригиду в своем доме. Пусть лорд Нортон был так добр и любезен, что разрешил ей остаться, Бригида желала сбежать. Ей некуда было идти, не у кого было искать приюта и понимания, и она написала дяде Себастиану с просьбой помочь ей стать монахиней в монастыре Кале. Только там, вдалеке от родных и любимых, она сможет найти в себе силы отречься от светских радостей и соблазнов, и посвятить свою жизнь служению Богу.

Ответ из Кале пришел быстро: не прошло и трех недель, как Бригида написала прощальное письмо родителям, а затем решительно объявила Альеноре, что навсегда покидает ее и Англию для жизни монахини в женском монастыре Кале.

— Как это покидаешь? Бригида, что ты такое говоришь! — со слезами на глазах, воскликнула Альенора и, подойдя к подруге, крепко обняла ее. — А как же я? Сестра моя, ты желаешь покинуть меня? Чем я провинилась перед тобой? Чем обидела?

— О, Альенора, только о тебе и плачет мое сердце, и будет рыдать до конца моей жизни! Но я все решила и не отступлюсь! Господь призывает меня, и я с радостью посвящу ему всю свою любовь и мою жизнь! — горячо прошептала Бригида, крепко сжав подругу в ответ.

— Монастырь? Тебе там не место! Твое место здесь, со мной!

— Ты знаешь, что это не так... Ты знаешь, что, с того дня, как наш Филип погиб, меня с этим замком связывала лишь одна любовь к тебе. Но мне пора найти свое место... Я уже нашла его... Только отпусти

меня, моя дорогая Альенора! Только дай мне свое благословение, и я ступлю на путь служения Господу с улыбкой на устах! — взмолилась Бригида.

Как трудно ей было так ранить подругу! Как больно было видеть слезы и слышать рыдания Альеноры! Но душа ее стремилась к покою, и она знала, что покой она обретет лишь в Кале, среди холодных монастырских стен, черных ряс и долгих молитв. Она будет помогать нищим и больным, что придут к ней искать спасения и доброты, и это будет именно тем, чего она искала после смерти Филипа — смыслом ее жизни. Если ей не суждено было быть женой и матерью, значит, ее предназначением было стать невестой Христовой.

«Пускай! Все равно от нее никакого толку! Мой Филип дал ей все, чего только может пожелать женщина, а она не удостоилась принести ему дитя!» — сказала леди Нортон, когда услышала от дочери новость об отъезде ненавистной ей бывшей невестки. Лорд Нортон же, получив от Альеноры письмо, глубоко расстроился и настоял на том, чтобы Бригида, как вдова его сына, взяла с собой причитающуюся ей вдовью долю. «Если ты желаешь идти в монахини, по своему желанию, раздай эти деньги бедным или передай их на нужды монастыря. Но ты должна забрать их с собой. Ты вдова моего Филипа, и он любил тебя. Они твои по закону, дитя мое. Я целую тебя в лоб и даю тебе свое благословение. Да исцелит твою душу Господь. Я буду надеяться, что Он исцелит души и сердца всех нас» — написал лорд Нортон Бригиде.

В день середины февраля, ветренный и хмурый, миссис Бригида Нортон, вдова и будущая монахиня вступила на борт корабля, следующего в порт Кале. Сопровождающая подругу мисс Альенора Нортон плакала, но не смела останавливать ее, лишь взяла с нее клятву писать ей. Корабль отчалил, но Альенора все смотрела ему вслед и вытирала слезы, струящиеся по ее щекам. Она была одна: ни Гизы, ни леди Нортон не пожелали быть здесь. Для этих каменных сердец Бригида была мертва.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

Альенора задумчиво напевала себе под нос и машинально водила щеткой по атласной, черной, как смоль, шее Тени, арабского коня, которого прислал Его Величество король Генрих пять месяцев назад, как компенсацию за утраченную Нортонами жизнь наследника рода Филипа. Конь, спокойный и даже ласковый, уже успел привязаться к Альеноре, своей новой хозяйке, ведь она приходила к нему каждый день, собственноручно до блеска начищала его бока и лебединую шею, а также расчесывала и заплетала его длинную гриву и хвост. Также Тени каждый день доставались вкусные яблоки, которые богатые Нортонеры в досталь имели в погребах своего замка. Альенора так заботилась о своем четвероногом друге, что в конце концов он признавал и не подпускал к себе никого, кроме своей молодой хозяйки и конюха. Впрочем, леди Гильда Нортон не имела никакого желания ухаживать за животным, которого ей «прислали заменить ее дорогого Филипа». Альенора же нежно любила этого коня и не желала продавать его, хотя ее мать без устали настаивала на этом.

— Мне невыносимо знать, что это животное находится в стойле моего замка! Если ты любишь свою мать, ангел мой, ты продашь его, и как можно скорее, — постоянно говорила леди Нортон дочери, когда та в очередной раз выводила Тень на длинную прогулку по саду.

— Вы забываете, матушка, что Тень был подарен нам самим королем. Что подумает Его Величество, когда узнает о том, что его подарок был так грубо нами отброшен, продан другим людям? — мудро отвечала Альенора. — Вы уже изгнали из замка мою бедную Бригиду и лишили меня лучшей подруги, но лишить меня еще и Тени я вам не позволю.

Решительность дочери, или «упрямство», как считала хозяйка замка Нортонов, печалила ее, но она не смела даже думать о том, чтобы воспользоваться отсутствием дочери, когда та объезжала окрестности, и продать Тень. Теперь, когда у нее остался лишь один ребенок, лишь ее Альенора, леди Нортон готова была терпеть даже самые дерзкие ее выходки и колкости.

— Моей вины в том, что Бригида покинула нас, нет. Это было ее решение, и со мной она совета не держала, — говорила в свою защиту леди Гильда. Однако в душе она знала, что именно она выжила бывшую невестку из дома ее покойного супруга. Но горевать о потере леди Нортон не находила нужным: отъезд Бригиды принес ей некоторый покой и смирение. Боль в ее душе притупилась, когда она не видела ту, что должна была произвести на свет дитя Филипа, но так и не сделала этого. В душе матери, потерявшей сына и не ставшей бабушкой, не было прощения ни для Бригиды, ни для ее родителей, которые навсегда потеряли ее дружбу и уважение, как те, кто родили на свет эту неблагодарную, ни к чему неспособную Бригиду.

— Порой вы слишком жестоки, матушка. Но я прощаю вам. Надеюсь, Бригида нашла в монастыре Кале то, что искала, — пожимала плечами Альенора.

На это леди Нортон никогда не находила ответа, а сразу вспоминала о важных делах и исчезала. Отношения между ней и дочерью стали холодными: смерть Филипа открыла Альеноре глаза на то, каким страшным тираном могла быть ее мать, а та обижалась на дочь за то, что она не поддержала ее ненависть к Бригиде. И все же, каждое воскресение, после мессы, они вместе подолгу стояли на могиле Филипа, уже успевшей зарости майскими полевыми цветами. Леди Нортон, сломавшая ногу при падении из окна, сильно хромала. Кости срослись неправильно, и бедная женщина испытала боль при каждом движении, но, гордая и величественная, она никогда не жаловалась на эту боль, никому, даже Альеноре. К тому же леди Нортон чувствовала перед дочерью вину: когда она так внезапно поддалась чувствам и сбросилась с окна, она совсем позабыла о том, что таким образом лишает свою дочь матери. Леди Гильда укоряла себя за то, что в тот злосчастный миг она решила добровольно уйти из жизни, совершить грех самоубийства... Что было бы, разmozжи она голову о камни? Альенора в один миг лишилась бы и брата, и матери! Видимо, сам Господь уберег ее и не принял ее решения, и, к счастью, пострадала лишь нога. К счастью, не был сломлен позвоночник, что приковало бы несчастную, тронувшуюся умом от горя женщину к постели, что, в свою очередь, заставило бы Альенору всю жизнь досматривать неходячую мать, жертвуя своей молодостью и красотой.

Бывало, мать и дочь целыми днями не говорили друг другу ни слова, и эта нездоровая атмосфера и недосказанность удивляла верных слуг замка: что произошло? Всегда такие дружные, леди и мисс ведут себя так холодно и черство по отношению друг к другу! Что стало причиной этому? Разве смерть господина Филипа не должна была сплотить их и связать еще крепче? Да и ведь миссис Нортон, молодая вдова, уже давно не живет в замке! Здесь остались лишь эти двое!

Замок наполнился шепотом, однако леди Нортон и Альенора мало обращали внимания на сплетни слуг. К тому же, к чему оправдываться перед простолюдинами? Не господское это дело.

С тех пор, как Нортон узнали о смерти Филипа, замок больше никогда не слышал пения струн, а огромные залы больше никогда не видели танцев и гостей, но кухонные радовались этим переменам, ведь отсутствие гостей приносило им меньше хлопот. Так как леди Нортон потеряла всякое желание руководить челядью и заботиться о замке, а Альенора предпочитала объезжать земли и собирать налоги, слуги обленились, и замок, медленно, но верно, потерял свой былой блеск и в некоторых местах даже покрылся паутиной и слоем пыли. Благо, благородные леди были слишком заняты своими делами, чтобы проверять чистоту и ругать нерадивых слуг-лентяев. Лишь садовник, без памяти влюбленный в белокурую мисс Альенору, усердно работал в саду, зная о том, что та имела обыкновение совершать в нем утренние прогулки.

Как прекрасен был майский сад! Как любила Альенора ранний подъем и эти долгие, молчаливые прогулки среди молодой зелени и свежих, разноцветных цветов! Она останавливалась у небольшого озера, кормила рыб, обитающих к нем, крошками хлеба, угощала зерном птиц, а затем скрывалась в самой гуще сада, садилась на свою любимую, скрытую от чужих глаз скамью, доставала из рукава своего платья записки, которые каждодневно получала от отца, и с предвкушением быстро пробежала глазами строчки. Но чаще всего, после прочтения тайных посланий девушка хмурилась, раздраженно прятала записки обратно в свой широкий рукав и быстрым шагом покидала сад: то, на что она так надеялась, так и не произошло, и путь в Лондон ей был закрыт. Генрих тайно помолвился с Анной Болейн еще в январе, но дальше этой помолвки дело не шло: королева Екатерина все так же сидела на английском троне, а Анне приходилось

довольствоваться титулом тайной невесты короля. Альенора каждое утро спешила в сад с улыбкой, но возвращалась в замок недовольная и озлобленная.

Бригида, как и обещала писала подруге письма, и в те дни, когда из Кале приходила почта, Альенора была счастлива и полна радости. Но вскоре Бригида предупредила, что начала долгий пост, после которого она может быть подстрижена в монахини, и дала знать, что какое-то время будет лишена возможности писать. В чем именно была трудность, миссис Нортон не объяснила, но призывала подругу довериться Господу и молиться за нее, как она, Бригида, молиться за свою названную сестру каждое утро и каждый вечер. Эта новость огорчила Альенору, но она отнеслась к ней с пониманием: должно быть, стать монахиней было делом непростым, и, возможно, прежде, чем новая невеста Христова войдет в святые стены монастыря, от нее требуется очиститься от грехов и соблазнов. И все же, посмеивалась Альенора, Бригиде этот пост не требуется — она уже свята, как сама Дева Мария.

Однажды утром, когда мисс Нортон спустилась к раннему завтраку, который она обычно проводила в одиночестве, ведь ее мать все еще спала, одна из служанок сообщила Альеноре о том, что ее аудиенции просит один молодой господин.

— Молодой, это хорошо, — добродушно усмехнулась Альенора, ничуть не удивившись неожиданной вести. — Но, Молли, хорош ли он собой? Если нет, то я не желаю видеть его.

— Хорош, мисс! Даже очень! — воскликнула Молли, уже успевшая отдать этому незнакомцу свое сердце. Ах, как бы она хотела поменяться с мисс местами! Увы, она всего лишь служанка! И почему такие красавцы достаются лишь благородным леди?

— Что ж, скажи ему, что я занята утренней трапезой, — улыбнулась Альенора и пригубила глоток воды.

— Позвать его сюда, мисс? Пригласить к столу? — воодушевилась Молли. — Мне кажется, он очень голоден!

— Приличия не позволяют благородной девушке оставаться наедине с незнакомым мужчиной, — преспокойно бросила на это Альенора. — Позавтракает после того, как я уеду в деревню. Но вынеси ему вина, пусть наслаждается его вкусом, потому что я не собираюсь спешить.

— Как скажете, мисс! — Молли поспешила в погреб, по пути думая о том, что, предложи ей этот таинственный красавец уехать с ним, она, не раздумывая и даже не меняя платья, помчится с ним хоть на край света.

Бедной служанке, в отличие от ее молодой хозяйки, доставалось так мало мужского внимания, что она, уже будучи старой девы, готова была убежать с любимым, кто позовет ее, или пойти под венец с первым, кто предложит ей брак. Несколько дней назад, краснея и покрываясь потом от стыда, Молли попросила мисс Нортон подыскать ей супруга, и та, понимающе улыбнувшись, убедила служанку в том, что вскоре найдет ей надежного и верного мужа, и что их первый ребенок получит от нее, Альеноры, в подарок на крещение серебряную ложку.

Исполнив приказ, Молли поспешила на кухню: нельзя было упустить такую вкусную сплетню! К мисс Альеноре приехал ухажер! А та носом крутит! И даже к завтраку его не пригласила! Какая черствая красавица!

Сама Альенора, как и сказала, позавтракала медленно, смакуя блюда, наблюдая за птицами и слушая их пение, через раскрытое настежь окно. Она не боялась холода и даже любила свежий прохладный воздух, который, как утверждал ее отец, также был весьма полезен для здоровья. Девушке было безразлично, что гость, томясь от скуки ожидания, сидел в гостиной, пил вино и, должно быть, считал мисс Нортон мучительницей. Но, если таковы были его мысли, он горько ошибался: Альенора не имела намерения ни мучить его, ни флиртовать с ним, ни вести с ним долгую беседу. Ей не терпелось вывести из стойла свою верную рыжую лошадку Пиги и поехать общаться со своими крестьянами.

Закончив трапезу, Альенора приказала принести ей ее любимый, подбитый горностаем темно-зеленый плащ, а, когда Молли вернулась с плащом, девушки прошли в гостиную, где юную мисс Нортон ждал непрошенный гость.

Глава 2

— Мисс Нортон. — Гость принес молодой хозяйке замка низкий поклон.

Альенора поприветствовала его реверансом, не особо утруждаясь сильно сгибать колени: кто бы ни был этот мужчина, он появился совершенно не вовремя, и она не желала тратить на него свое драгоценное время. Молли осталась стоять у дверей и во все глаза наблюдала за беседой благородных господ.

— Могу ли я узнать ваше имя, сэръ? — равнодушно бросила Альенора, подходя к гостю.

— Сэр Леонард Уолш, моя леди, — вновь принесся поклон, ответил мужчина.

Несмотря на некую насмешку в душе, Альенора не могла не заметить, каким красавцем являлся мистер Уолш: густые темные волосы, спускавшиеся до плеч, аккуратные темные короткие усы и борода, чувственные губы, прямой нос. Но самым примечательным во внешности этого мужчины были глаза: большие, серые, как серебряные монеты, немного холодные, но притягивающие к себе взгляд. На левой щеке виднелась довольно свежая глубокая царапина, а на правой были заметны маленькие, уже давно затянувшиеся шрамы. Мужчина был высоким и обладал мужественной фигурой. Он был одет в роскошный расшитый темный костюм, а поверх костюма был небрежно перевязан через плечо алый внутри и черный снаружи бархатный плащ. Богатство одежды и благородный облик гостя словно кричали: «Я удивительно богат!».

«Любопытно, сколько ему лет? Он кажется молодым, но в то же время выражение его лица и этот пронзительный взгляд принадлежат человеку, повидавшему в своей жизни многое» — невольно подумала Альенора, украдкой, как и положено леди, разглядывая своего гостя.

Мисс Нортон была права: внешность сэра Уолша была настолько загадочной, что о его возрасте можно было лишь догадываться. Возможно, ему тридцать? А может, больше? А может меньше?

Этот вопрос заинтересовал Альенору, и, склонив голову на бок, она сказала:

— Добро пожаловать в замок Нортонов, сэр. К сожалению, мой отец отсутствует, а мать еще не встала... Позвольте задать вам вопрос... Это невежливо с моей стороны, но, умоляю вас, скажите, сколько зим вы уже прожили в мире Господа нашего Иисуса Христа?

Сэр Леонард, также незаметно рассматривая облик мисс Нортон и полный восхищения ее красотой и грациозностью, был приятно удивлен вопросом о своем возрасте, так как это, в свою очередь, могло значить, что эта голубоглазая дева, равной по красоте которой нет ни одной девушки в мире, была явно заинтересована им.

— Я имел беседу с вашим отцом несколько дней назад, в Лондоне. Он велел передавать вам и вашей матушке свои искренние приветствия. И лично вам, мисс Нортон, он попросил меня передать вот это послание, — ответил сэр Леонард и, вынув из неглубокого кармана аккуратно сложенный листок пергамента, скрепленный печатью, протянул его девушке, надеясь, что она коснется его пальцев своими. Но его надежде не суждено было сбыться: мисс Нортон осторожно взяла у него записку, так и не подарив посланнику радости ощутить мягкость своей кожи. — Надеюсь, ваша матушка в добром здравии, мисс, — продолжил гость, любуясь белым лицом Альеноры Нортон, о красоте которой он был много наслышан. — Что до прожитых мною зим, мисс: с тех пор, как я имел честь появиться на свет Божий, их прошло двадцать пять.

— Так же, как было моему брату, когда Господь призвал его в свое Небесное царство, — тихо промолвила Альенора, и невольно опустила взгляд на пол.

— Ваш брат Филип был одним из лучших рыцарей Его Величества. Увы, его жизнь забрал меч врага, но, даю вам слово, мисс Нортон, что искуснее воина было не сыскать во всей Европе, — мягко сказал на это сэр Леонард.

— Будь он искусным воином, сэр, он не лежал бы сейчас где-то там, в земле, вдали от дома, и не оставил бы вдовой свою молодую супругу. — Альенора вновь взглянула на гостя, и черты ее лица заострились. — Мой брат... — Она тяжело вздохнула. Она уже пережила эту потерю, и рана в ее душе затянулась, но ею вдруг завладело непреодолимое желание побеседовать о Филипе с кем-то, кроме ее матери. — Филип оставил нас слишком рано. Но были ли вы знакомы с ним, сэр?

— Был, — улыбнулся сэра Леонард. — Ваш брат и я служили вместе и бок о бок сражались с проклятыми французами. — Улыбка на его губах вдруг померкла. — Но я не сумел спасти его от смерти... Это была моя обязанность, как соратника, как друга. Но я не смог... Простите мне это, дорогая мисс.

— Вам не следует просить прощения за то, что было не в ваших силах, сэра Филип знал, что ждет его на войне, и жизнь его была лишь в руках Создателя, — мягко промолвила Альенора: несмотря на некоторые поступки, сделанные ею в прошлом, она была справедлива и трезво оценивала события. Ей почему-то не хотелось, чтобы этот статный соратник ее брата считал себя виновным в его смерти. Да и ведь он не имел власти над жизнью и смертью. — Но чем мы обязаны вашему приезду? Признаться, я уже имею планы на сегодняшний день и уделить вам время не имею возможности. Однако вы можете позавтракать и дождаться пробуждения моей матери. Уверяю вас, она будет невероятно счастлива услышать от вас рассказы о ее любимом покойном сыне.

Сэр Леонард едва заметно усмехнулся: какая девушка! Не только красива, но и умеет говорить прямо, без загадок. А ведь она могла бы продолжать томить его своей красотой и жеманиться, как делают многие другие леди ее возраста. Он знал, что Альеноре Нортон было семнадцать лет: об этом ему поведал Филип, уверяя своего друга в том, что, как только кончится война и они оба вернуться домой, тот представит Леонарда своей прекрасной сестре. Увы, этому не суждено было сбыться: Филип вернулся в Англию и женился, а Леонард остался во Франции, защищать завоеванные Генрихом земли. А когда друзья встретились вновь, уже через несколько месяцев их разлучила смерть. И все же сэра Леонард не позабыл о рассказах Филипа, и, получив у короля разрешение вернуться в Англию, дал себе обещание познакомиться с очаровательной мисс Альенорой. Он сошел с корабля лишь неделю назад, но уже успел подстричься, привести в порядок усы и бороду, облачиться в нарядный богатый костюм и отправился в довольно долгое путешествие, чтобы посетить замок Нортонов.

Девушка, стоящая перед сэром Леонардом, одетая в дорожное синее платье, с тяжелым испанским чепцом на голове была настолько красива, что при первом взгляде на нее, сердце рыцаря дрогнуло, и все его существо наполнилось волнением. Но откуда взялось это

волнение? Он уже давно не юнец! Он уже успел побывать во многих битвах, убить десятки врагов, быть раненым и любимым многими женщинами. Нет, должно быть, мисс Альенора Нортон обладала магическим даром, раз сумела завладеть его сердцем с первой секунды знакомства с ним.

Альенора же не почувствовала ни волнения, ни нежности, ничего. Скорее, она была рада тому, что вдруг объявился друг ее брата, который, к тому же, привез ей послание от ее отца. Но, не желая оставлять задуманное на потом, девушка откровенно заявила гостю о том, что оставляет его. Несмотря на то, что она предложила ему завтрак и беседу с ее матушкой, Альенора не руководствовалась ничем другим, кроме как вежливостью и этикетом.

«А если сэра Уолш подумал, будто я прошу его остаться, пусть лжет сам себе, и я не буду убеждать его в обратном. Мне нет до него никакого дела, — равнодушно подумала мисс Нортон, привыкшая к обожанию мужчин. Ей не терпелось прочитать послание отца, и этот вдруг затянувшийся разговор, да еще и остановившийся на такой драматичной ноте, стал ей в тягость. — Как жаль, что матушка еще спит! Она бы заставила его рассказать ей все, что он знает о Филипе!»

— Не смею задерживать вас, мисс, — с легким поклоном произнес сэра Леонард. Он прекрасно понял, что юная красавица не желает более беседовать с ним. — Но позвольте поинтересоваться, мисс, куда вы так спешите?

«На тайное свидание? Должно быть, так и есть. Иначе, для чего бы ей, знатной девушке вставать так рано? К тому же эта ослепительная красавица просто не может оставаться без сердечной привязанности. Девушки ее возраста не представляют свою жизнь без надуманной романтики, сонетов, слагаемых в их честь, и любовных клятв» — пронеслось в разуме сэра Уолша, и эти мысли заставили его почувствовать некую зависть к тому мужчине, которому посчастливилось заполучить любовь мисс Нортон.

— О, это никакой не секрет, сэра. Каждый день я объезжаю наши семейные владения, выслушиваю жалобы и сетования крестьян, беседую с ними о будущем урожае и Господе, а также собираю налоги, — пожав плечами, ответила Альенора. — Я начинаю свое небольшое путешествие сразу после утренней трапезы, сэра.

— Вы собираете налоги, мисс? — не скрывая своего удивления, улыбнулся гость.

Удивление в голосе собеседника, а также звучавшее в нем недоверие задела гордую мисс Нортон за живое. Ах, а как же! Этот мужлан, без сомнений, уверен в том, что женский пол создан лишь для рождения детей и ублажения супруга!

Кровь девушки вскипела, щеки порозовели, глаза заблестели. Она желала уколоть, оскорбить нахального гостя, дать ему понять, что она в состоянии собирать налоги со своих крестьян, но доказывать или разъяснять сэру Уолшу его ошибку она не считала возможным: все-таки, она была высокородной леди, а не торговкой лесными ягодами.

— Я очень спешу, сэр. Доброго вам дня, сэр, — сухо бросила Альенора, молча сделала реверанс и, грациозно укутавшись в свой плащ, направилась к дверям.

Однако перемена в настроении прекрасной мисс и презрение, блеснувшее в ее небесно-голубых глазах, не укрылись от сэра Уолша, и он, полный злости на себя и свою невежливость, поспешил исправиться:

— Я обидел вас, мисс. Умоляю, простите мне мое невежество, — сказал он вслед Альеноре. — И прошу, позвольте мне сопроводить вас до деревни. Кто знает, какие опасности ждут на пути благородных кровей девушку, путешествующую без мужской защиты.

— Премного благодарна вам, сэр, но, увы, я должна отклонить ваше предложение, — не оборачиваясь, бросила Альенора, продолжая путь. Ей меньше всего хотелось общаться с этим человеком. Пусть он был другом ее покойного брата, пусть мог много ей рассказать о Филипе, но его глупые фразы отталкивали ее. И, хотя в этих фразах не было ничего противоестественного, ведь, и правда, знатной девушке не положено разгуливать среди крестьян и собирать с них налоги, но ведь она не была просто какой-то домашней трусихой! Она была мисс Нортон! Альенора Нортон! Да и к тому же, к чему ей бояться совершать прогулки по собственным владениям? Она совершает их почти каждый день уже столько месяцев подряд и ни разу не видела ни разбойников, ни даже попрошайек. Крестьяне любили ее и были ей надежной защитой от каждого, кто имел бы наглость даже прикоснуться к подолу ее платья.

— Что сказал бы ваш многоуважаемый отец, узнав о том, что вы разъезжаете по окрестностям без спутника? — нахмурившись, произнес сэр Уолш и пошел вслед за упрямой девушкой. Ее отказ уязвил его гордость, но он, как персона старше в летах и как мужчина, должен был поставить глупую девицу на место. Как бы прекрасна она ни была, как бы часто ни билось его сердце рядом с ней, она была всего лишь женщиной, и подчиняться мудрым мужским наставлениям было ее обязанностью.

— Мой отец знает, что я могу постоять за себя, сэр! — не выдержав такого глупейшего укора со стороны гостя, все же обернулась к нему Альенора и, гордо приподняв подбородок, добавила: — Прошу вас, сэр, не беспокойтесь о моей сохранности: я недурно стреляю из лука! Молли! — приказала она. — Принеси мне мой лук и стрелы!

— Стрелы не спасут вас, если вы встретите на пути шайку грабителей, мисс, — усмехнулся на это сэр Леонард, но бесстрашие и уверенность в себе этой хрупкой на вид красавицы, заставило его почувствовать восхищение, которое, однако, через миг сменилось раздражением: до чего упряма! Должно быть, лорду Нортону эта девица приносит массу хлопот и душевных страданий!

Молли, вдруг появившаяся с луком и стрелами своей госпожи, принесла Альеноре возможность взять свое оружие, сухо пожелать гостю доброго дня и, не дожидаясь ответа, покинуть замок.

«Ну и езжай, глупая!» — в сердцах подумал сэр Леонард и уселся было в кресло у камина, но через четверть часа вскочил на ноги, и вскоре смирную рыжую лошадку мисс Нортон Пиги догнал большой серый, в яблоках, конь и его хмурый всадник.

Глава 3

— И все же, я не могу отпустить вас одну, мисс! — сообщил сэр Уолш Альеноре, но в его голосе слышалась не только решительность, но и раздражение.

Несмотря на то, что лошадь мисс Нортон была смирной и не любила быстрого галопа, она смогла увезти свою хозяйку достаточно далеко от дома, и сэру Уолшу пришлось прищипорить своего коня, чтобы нагнать упрямицу-сестру Филипа. Он был невероятно голоден, так как рассчитывал на то, что Нортонны пригласят его к утренней трапезе, однако этого не произошло. Вместо того, чтобы быть хозяйкой, эта красавица Альенора невежливо оставила его в замке, дожидаться пробуждения ее матери! Нет, эта девица уж точно никогда не найдет себе супруга! Кому нужна такая эгоистичная жена, не желающая брать на себя обязанности гостеприимства?

Но, каким бы пустым ни был его желудок, сэр Леонард понимал, что, отпустив мисс Нортон без охраны, он поступил не так, как подобает благородному вельможе. Пусть она упрямиться, пусть не желает его компании. Он старше и мудрее, и ему не чужды правила приличия и этикет.

— Ах, сэр Уолш, вам не следовало... — недовольно начала было Альенора, когда его конь поравнялся с ее лошастью и также, как и Пиги, был пущен бодрым шагом.

— Не стоит благодарности, мисс, — сухо перебил девушку сэр Уолш.

— Я не просила вас...

— Не просили, но я, в отличие от вас, придерживаюсь правил и обязанностей моего пола.

— Вашего пола! — Альенора издала смешок. — И что же это за правила и обязанности, сэр?

— Защищать женщин от их собственной глупости, — уже не скрывая своей неприязни, бросил сэр Леонард. В данный момент эта гордая мисс так раздражала его нервы, что он не желал глядеть на нее.

— И в чем же тогда мои обязанности, сэр? — насмешливо уточнила девушка.

— Быть слабой и подчиняться мужчине.

— Ах, вот оно что! — сладким голосом сказала на это Альтенора. Ей было ясно, что данный сэръ никогда ранее не имел дела с девушкой, которая знает себе цену, и была уверена в том, что, нарочно отрицая способность слабого пола постоять за себя, он подпитывал свои патриархальные взгляды на жизнь и устройство мира.

— Вы, мисс, кажется, позабыли Божьи заповеди. Женщина слабее мужчины и обязана...

— Следовать его мудрым решениям и подчиняться ему!

— Именно. Будьте уверены, я обязательно побеседую с вашим отцом. Лорд Нортон должен знать, чем вы занимаетесь, пока он находится в Лондоне и верно служит королю!

— В отличие от вас, мой отец понимает, что женщина — не вещь и вполне обладает своей собственной волей и своими желаниями!

Спорщики не заметили, как тропа свернула в едва-едва проснувшийся от зимы лес. Тропа, по которой Альтенора проезжала каждый Божий день, размякла от вчерашнего дождя, и лошади, хлюпая по вязкой грязи, послушно увозили своих всадников в самое сердце леса. Ни один из них не желал уступать в горячей дискуссии, и каждый стоял на своем. Обычно Альтенора не вступала в такие жаркие споры, но этот мужчина вывел ее из себя, и она не жалела невидимых стрел, которые посылала в него вместе со своими словами, желая ранить его, и как можно глубже. Сэръ Уолш, в свою очередь, осознавал, что ругается с юной девушкой, плохо разбирающейся в мире, но ее запал передался и ему, и, не желая, но невольно продолжая, он стыдил мисс Нортон и всячески указывал ей ее место. Выросший в строгости и посланный на военную службу в пятнадцать лет, он не имел других представлений о слабом поле кроме тех, что вбил в его разум его отец, держащий всю семью в строгости и послушании.

Не замечая ничего вокруг, всадники с упоением продолжали спорить, как вдруг их лошади громко заржали и встали на дыбы, едва не скинув своих хозяев. Те, к счастью, вовремя вцепились в поводья и пригнулись, однако Альтеноре, сидящей в женском седле, пришлось несладко: она едва не рухнула наземь и, лишь благодаря чуду, осталась в седле.

— Так, так, и кто здесь у нас? — Посреди дороги стоял высокий дюжий оборванец, с зажженным факелом в руке. Было светлое

солнечное утро, но именно этот огонь помог незнакомцу остановить лошадей, идущих прямо на него. — Смазливая знатная девчонка и ее женишок!

— Поди прочь, пес! — мрачно бросил незнакомцу сэр Уолш.

— Пес, говоришь? — захохотал оборванец и нарочно помахал факелом перед мордой коня сэра Леонарда, отчего жеребец в очередной раз громко заржал и испуганно отпрянул назад. — Отдайте мне свои кошельки и драгоценности, и, обещаю, я отпущу вас с миром!

— Мужчина, которого ты видишь перед собой, пощадит тебя, если ты немедленно уступишь нам дорогу и пойдешь своим путем! — уверенно заявила Альенора грабителю и взглянула на сэра Уолша. — Ведь так, сэр? Вы готовы разрубить на куски этого оборванца, посмевшегося угрожать вашему кошельку и вашей невесте? — ухмыльнулась она, нарочно назвав сэра Леонарда своим «женихом», чтобы задеть его за живое.

Тот ответил девушке мрачным взглядом.

— На куски не обещаю, моя дорогая невеста, — в свою очередь, насмешливо сказал он, заставив Альенору звонко рассмеяться. — Но проучить этого невежду стоит.

Сложившаяся ситуация не только не напугала мисс Нортон, но и рассмешила ее. Нет, какое невероятное событие для этой милой глуши! Какой-то мужлан желает ограбить ее! Да она справилась бы с ним сама, без помощи этого мрачного рыцаря сэра Уолша!

Альенора хотела было припугнуть грабителя пернатой стрелой, но вдруг, к своему неудовольствию, осознала, что забыла лук и стрелы в конюшне. Ах, какая жалость! Она бы показала этим невеждам, что несмотря на то, что она была женщиной, «слабой и упрямой», как назвал ее сэр Уолш, она смогла бы защитить себя! Но забытое в конюшне оружие лишило ее этого удовольствия.

— Кажется, этот богач не хочет отдавать нам свои деньжата, парни! — Тряхнул оборванец грязными длинными волосами, и вдруг всадники обнаружили себя окруженными. Двое грабителей, с мечами наперевес, вышли из-за могучих дубов и встали рядом с их товарищем спереди, и еще двое, с длинными острыми ножами, встали позади лошадей.

Только сейчас мисс Нортон осознала, в какой опасности они находились. Ведь что может сделать сэра Уолш, когда его противниками были сразу пятеро верзил? Ее ладони вмиг вспотели, лицо побледнело. Она взглянула на сэра Леонарда: тот был спокоен и даже бровью не повел. Его хладнокровность немного успокоила девушку, и она попыталась скрыть свое волнение, но эмоции выдавали ее.

Заметив перемену в своей упрямой собеседнице, сэра Леонард накрыл ее ладонь своей и тихо сказал ей: «Не стоит так волноваться, мисс. Просто сделайте, что вам скажут».

— Слезайте с лошадей! Они нам тоже пригодятся! — скомандовал главарь воровской шайки, тот самый, что держал зажженный факел. — Эй, живо! А то пырнем каждого в живот, чтоб неповадно было!

Сэра Леонард спустился со своего коня первым, а затем помог сойти на землю мисс Нортон. Коней отвели в сторону и привязали к низко спускающейся ветви одного из дубов. И только сейчас Альенора заметила широкие длинные ножны, привязанные к седлу коня сэра Уолша, и виднеющуюся из них рукоять меча.

«Это конец... Без меча! Один против целой шайки! Он не справится... Нас убьют, а надо мной, должно быть, еще и надругаются! Бедные мои родители... Они сойдут с ума от горя!» — с отчаянием подумала Альенора, едва ли не прижимаясь к сэру Уолшу.

Рыцарь бросил на мисс Нортон теплый взгляд и даже улыбнулся, но та смотрела лишь на главаря грабителей и не заметила этого его взгляда. Девушка мысленно прощалась с жизнью и молила Господа как можно скорее залечить душевные раны ее матери и отца, которые лишаться обоих своих детей.

— Деньги! Драгоценности! Живо! — Один из верзил толкнул своих жертв в спины.

Альенора дрожащими руками отвязала от пояса небольшую бархатную сумочку с серебром и отдала ее главному грабителю. Сэра Уолш, не колеблясь, также отдал все свои деньги, серебряные с дорогими камнями кольца и золотую брошь.

— Драгоценности, милочка! — ухмыльнулся грабитель с факелом.

— Клянусь, на мне нет ни единой... — начала было Альенора.

— Эй, Одноглазый! А ну-ка обыщи эту богатую суку! — приказал главарь, и к девушке тотчас подошел косматый заросший детина, с

мечом наперевес. Довольно ухмыляясь, он протянул к Альеноре руку, как вдруг сэр Леонард ловким движением выбил из его руки меч, тут же поймал его и распорол им живот грабителя.

— Убить! — истошно завопил главарь шайки, и оставшиеся четверо оборванцев ринулись на сэра Уолша.

Рыцарь и воин, ловкий и искусный, успел оттолкнуть мисс Нортон наземь, чтобы ее, не дай Бог, не зацепило острое лезвие, и девушка лишь молча, с широко раскрытыми от испуга и удивления глазами, наблюдала за тем, как, крича от боли и забрызгивая все вокруг своей кровью, один за другим грабители были убиты. Девушкам из знатных лондонских семей и фрейлинам королевы подобные зрелища не были в диковинку: рыцарские турниры, устраиваемые королем, проходили каждую неделю, но для Альеноры, никогда в жизни, не покидающей отдаленных владений отца и замка Нортон, представшее перед ее глазами было невероятно жестоким и отталкивающим. Однако, при всем при этом, она не закрыла глаз и не отвернула лица: сила и ловкость сэра Уолша изумили ее до глубины души.

— Прошу простите меня, мисс. Из-за меня вы выпачкали в грязи свое красивое платье, — тяжело дыша, обратился сэр Уолш к Альеноре. Он отбросил от себя меч, протянул девушке руку, помог ей подняться на ноги, а затем нашел отброшенные главарем шайки драгоценности и мешочки с монетами, и отдал мисс Нортон то, что принадлежало ей.

— Они... Они мертвы? Вы убили их? — все еще со страхом поглядывая на окровавленные тела грабителей, тихо спросила девушка. Ошеломленная событиями, особенно быстрой их сменой, Альенора все еще не могла прийти в себя, и ее голос и руки дрожали.

Что произошло лишь несколько секунд назад? Как сэр Уолш справился со всеми этими негодяями? А вдруг они всего лишь притворяются мертвыми и вот-вот накинутся на них и зарежут исподтишка? Сэр Леонард убил их... Спас их... А что было бы, не поскочи он за ней вдогонку? Она была бы обесчещена и мертва.

Мисс Нортон, в волнении, встала так близко к своему спасителю, что тот невольно улыбнулся, но не сделал ей замечания, не желая смущать девушку.

— Эти псы больше не будут угрожать вам, мисс. Их души уже прибыли в Чистилище и ждут своего справедливого суда, — мягко

ответил сэр Уолш. Ему вдруг захотелось прикоснуться к белому лицу Альеноры... Просто коснуться кончиками пальцев ее мягкой чистой кожи. Однако, помня о приличиях и не желая пользоваться случаем и состоянием девушки, лишь добавил: — Но нам лучше вернуться в замок. Вам следует принять ванную и сменить наряд.

— Только не говорите.... Не говорите моей матери! — умоляюще прошептала Альенора, вдруг схватив своего собеседника за рукав, который тотчас покрылся грязью, ведь ладони мисс Нортон были покрыты ею. — О, ради Бога, простите меня! — тотчас воскликнула она, поняв свою оплошность и резко отнимая ладонь.

— Я испортил ваше платье, мисс, поэтому вам также позволено испортить мой костюм, — улыбнулся сэр Уолш. Но, затем, осознав, что эта фраза прозвучала довольно интимно, поспешно произнес: — К тому же я уже забрызган кровью этих мерзавцев. Я не скажу ни слова вашей матушке о случившемся, если вы пообещаете мне больше никогда не совершать прогулки без надежной охраны, мисс Нортон.

— И отцу... Никому!

— И вашему отцу. Но дайте мне свое слово, мисс, слово благородной леди.

— Даю вам слово... Но и мне нужно ваше.

— Обещаю вам, мисс, что не обмолвлюсь о случившемся ни слова. Клянусь своей честью.

Они молча смотрели друг на друга, и каждый из них вдруг подумал: теперь их связывает секрет. Словно они совершили что-то неслыханное, скверное, порочное. Словно они только-только предались плотской страсти и теперь желали держать это в строгой тайне. Лишь они двое знали эту тайну. И эта тайна связала их, как любовников, как влюбленных, хотя ни теми, ни другими они не являлись. И все же этот секрет показался обоим сладким, игривым, ужасным и прекрасным одновременно.

— Наши бедные лошади... Должно быть, они напуганы также, как и я, — нарушила эту интимную тишину Альенора и, уже не стараясь приподнять подол своего платья, ведь он уже был покрыт грязью, подошла к привязанным к ветви лошадям и отвязала свою верную Пигги, которая даже заржала от радости.

Последовав примеру мисс Нортон, сэр Уолш отвязал своего серого жеребца, помог Альеноре взобраться на ее лошадь, затем

оседлал своего коня, и они направились обратно в замок, пустив лошадей бодрой рысцой. По дороге Альенора показала своему спасителю неглубокий быстрый ручей, в котором тот смыл кровь со своего лица и ладоней. Однако с каплями крови, впитавшимися в ткань его костюма, сэр Уолш ничего сделать не смог, но Альенора уверила его в том, что ее мать подслеповата и даже не заметит этого.

— Вы спасли меня, но я, кажется, забыла поблагодарить вас за это, сэр. Если бы не вы, моя жизнь была бы грубо и бесчестно оборвана. Те негодяи не пощадили бы меня, — тихо сказала девушка, когда они добрались до замка и готовы были спешиться.

— Не стоит благодарности, мисс. Я всего лишь исполнял свой долг, — учтиво кивнул головой сэр Уолш, однако весьма довольный тем, что эта гордая красавица признала его правоту.

Альенора смущенно улыбнулась и, не дожидаясь помощи, спешила, отвела Пигги в конюшню, а затем вошла в холл замка, где, как она обнаружила, ее прихода дожидался ее спаситель.

— Надеюсь, моя матушка еще не появлялась? Если она увидит меня в таком виде, у нее разорвется сердце! — весело промолвила девушка, шагая по каменному полу в сторону лестницы. Ей не терпелось отмыть от грязи свое тело и надеть свежее, чистое платье. И это платье должно было быть одним из самых красивых, что имелись в ее собственности: ведь замок посетил гость! И не просто гость, а мужчина, спавший ее честь и жизнь! Она была от всего сердца благодарна ему за это.

— Нет, мисс, леди Нортон, кажется, все еще не покинула своих покоев, — с улыбкой ответил сэр Уолш. — Но ваше послание от лорда Нортон, мисс... Оно лежало на полу, мисс, вероятно, оно незаметно выпало из ваших рук, когда вы покидали замок.

— Ах, да! Вы правы! Я совсем позабыла о нем! — спохватилась девушка и, подойдя к гостю, вновь приняла из его рук записку. — Но мне нужно освежиться... Прошу, пройдите в обеденный зал. Я прикажу подать вам обильный и вкусный завтрак. Я спущусь так скоро, как только это возможно, и покажу вам наш прекрасный сад.

— Это будет честь для меня, мисс. — Серые глаза рыцаря вдруг засияли, а сердце забилось быстрее: он проведет этот день здесь, в замке, рядом с этой красавицей!

Альенора невольно улыбнулась: перемена в облике сэра Уолша, ранее такого серьезного и холодного, не укрылась от ее глаз, и, чтобы не думать о том, как красив и силен был этот мужчина, она сломала печать, раскрыла записку и, медленно поднимаясь по лестнице, быстро прочла ее содержимое.

— Мистер Уолш! — вдруг каким-то странным тоном позвала она, вдруг остановившись на полпути.

— Да, мисс Нортон?

— Вы говорили, что встречались с моим отцом.

— Так оно и есть, мисс. При дворе.

— Значит, вы обитатель дворца Его Величества?

— С некоторых пор, мисс.

Девушка вперила в сэра Уолша пристальный взгляд, в котором легко читалось торжество.

— В таком случае, сэр, вы будете видеть меня каждый день, и для этого вам не придется приезжать в нашу глушь, — победно улыбнулась она. — Ведь вы намерены были навещать меня и мою матушку?

— С превеликим удовольствием, мисс, — прямо ответил сэр Леонард, вдруг поняв, что, сам того не осознавая, полюбил эту дерзкую упрямыцу всем своим сердцем и готов был следовать за ней и в Рай, и в Ад.

Она флиртowała с ним, давала ему надежду, такая опасная и притягивающая одновременно.

— Он разводиться с ней! — торжественно сказала Альенора.

— Разводиться? Кто? — переспросил сэр Уолш, не понимая, о чем говорит девушка.

— Король разводится с королевой Екатериной, сэр. Официально. И это значит, что уже совсем скоро вы увидите меня в свите новой королевы Анны Болейн.

Глава 4

Альенора рассчитывала увидеть на лице сэра Уолша радость, ведь совсем скоро он будет иметь честь созерцать ее красоту каждый Божий день. Это ли не подарок Судьбы? Однако сэр Леонард лишь помрачнел, и во взгляде его стальных серых глаз читалось неверие.

— Король не может развестись с Екатериной. Они обручены и связаны семейными узами перед Святой Церковью, перед лицом Господа, — уверенно заявил гость. — Должно быть, ваш отец ошибся, написав вам эти строки.

— О, нет, сэр. Мой отец является одним из приближенных к королю и знает обо всем, что происходит во дворце и в королевстве, — холодно ответила на это девушка: его неверие задело ее. — Брак Генриха и Екатерины Арагонской был заключен ими по ошибке, по незнанию. Стало известно, что брак королевы и ее первого супруга принца Артура был комсумирован, но все эти годы она лгала Генриху и всем о том, что невинна, как агнец Божий...

— Какая чушь! — насмешливо бросил сэр Уолш.

— Вам следует подбирать слова, сэр. Вы не на поле брани, а на шахматной доске, и любой сделанный вами неверный шаг может привести вас и вашу семью к большой беде! — невольно повысив голос и смотря на гостя свысока своего положения, предостерегла недовольная Альенора.

— Что ж, напишите о моих словах вашему отцу и попросите его передать их королю. Возможно, за мной придут и меня даже казнят, но я официально и торжественно заявляю еще раз: какая чушь! — также не сдержал своего тона сэр Уолш. Он вдруг так разгневался, что его белое лицо приняло цвет красных бутонов роз, которые так любила мисс Нортон.

— Если вы думаете, что я напишу отцу о ваших неразумных словах, сэр, то вы оскорбляете меня до глубины души! Я не считаю нужным жаловаться и использовать мое высокое положение и положение моего отца! Но запомните: если ваше оскорбление дойдет до ушей короля или нашей новой королевы Анны Болейн...

— Вашей новой королевы, мисс!

— Пускай! Эта женщина владеет сердцем нашего властителя, и ради нее он готов на все! Как видите, даже на развод! Думаю, вам простительны грубые слова в адрес великолепнейшей из женщин и мудрейшей из политических игроков мисс Болейн, ведь вы только-только прибыли с поля боя...

— Значит, вы, мисс Нортон, восхищаетесь этой женщиной? — криво усмехнувшись, перебил сэра Уолш, и в его глазах блеснула насмешка.

— Восхищаюсь? Даже больше: боготворю! — гордо и не таясь, ответила Альенора.

Сэр Уолш не спускал с девушки насмешливого взгляда, но затем он сменился искренним сожалением. Его плечи поникли, пальцы с силой вцепились в кожаный черный пояс, губы тронула печальная улыбка.

— Увы, мисс, наши взгляды на данную особу сильно различаются. Прошу прощения, что потревожил ваш покой. Обещаю: больше я никогда не встречусь на вашем пути, и вы больше никогда не услышите моего голоса, — тихо, но решительно произнес сэра Уолш, а на его лице легко можно было прочесть отвращение.

— Благодарю вас за мое спасение, сэра, и сейчас вы можете с легким сердцем покинуть этот замок. Но вы дали мне свое обещание не говорить моему отцу... — начала было Альенора.

— Ни слова, мисс, — перебил ее сэра Уолш и, принеся девушке вежливый поклон, молча покинул замок.

Не веря в произошедшее, Альенора смотрела вслед мужчине, спасшему ее жизнь, с надеждой на то, что он вернется, что он принесет свои извинения, что он образумится. Но гордый рыцарь даже не обернулся: его сердце, полное любви и горечи, было разбито, и по дороге он корил себя за то, что посмел обмануть себя мыслью, будто мисс Нортон обладает ясным умом. Вместо этого она восхищается змеей в женском облике и радуется позору законной королевы Екатерины. С такой девушкой он не желает иметь ничего общего!

— Глупец! — не сдержавшись, тихо воскликнула мисс Нортон, когда дверь за спиной сэра Уолша закрылась. Девушка была так раздражена поведением и словами друга Филипа, что силой ударила кулаком по каменным перилам, отчего его тотчас пронзила острая

боль. Как в этот миг была похожа Альенора на своего усопшего брата! Тот обладал вспыльчивым характером и не боялся показывать его, а его сестра несмотря на то, что всегда помнила о своем высоком положении, иногда срывалась и совершала некрасивые, недостойные знатной благородной особы жесты.

«Пусть уезжает! Не желаю его больше видеть! Его и его наглые, глупые, как у курицы, глаза! Ему бы жениться, спрятаться в глуши и больше никогда не показываться при дворе! Уверена: ему недолго ходить на свободе! Его грязный рот и скудоумие приведут его напрямик в Тауэр! И там ему и место!» — лихорадочно размышляла девушка, поднимаясь в свои покои.

— Молли! Иди сюда! Немедленно! — громко крикнула Альенора, быстро шагая по длинному каменному коридору и наполняя его своды стуком своих каблуков и эхом ее красивого голоса. — Принеси мне лохань и горячую воду! И не мешкай!

«О, этот наглец и Бригида были бы рады побеседовать и очернить имя Анны! Она тоже не любит ее, тоже презирает и молиться на свою святую Екатерину! — пронеслось в разуме Альеноры, и ее губы скривились в усмешке, но затем она осенила себя крестом и поспешила выбросить эти мысли из своей головы: — Что я такое говорю? Обвиняю мою Бригиду! Она никогда не скрывала своего недовольства Анной, всегда была честна со мной... Боже, как хорошо, что она уехала! Эта новость причинит ей ужасную боль! Но эту боль она излечит в стенах монастыря... Я должна написать отцу! Нет, нет, знаю, что он ответит! Еще слишком рано! Опасно! Сиди дома! Я напишу самой Анне, и она примет меня в свою свиту с распростертыми объятьями!»

Девушке так не терпелось сесть за письмо, что она, не дожидаясь прислуги, сама сняла с себя чепец, верхнее платье и киртл. Оставшись в нижнем платье, Альенора села за свой большой резной дубовый столик, выхватила из ящика чистый лист пергамента и остро заточенное лебединое перо, обмакнула перо в серебряную чернильницу и, полная вдохновения, принялась писать. Грабители, сэр Уолш, его отношение к мисс Болейн... Все было забыто. Едва Альенора написала первые строки, тщательно и изящно прописывая каждую букву, ее охватила такая радость, что она не в силах была сдержать восторженный смех: это случилось! Она знала! Знала, что

рано или поздно Екатерину устроят, и прекрасная Анна станет новой королевой Англии! Начнется новая эпоха! Эпоха процветания, любви и страсти! Как весело станет при дворе! Мисс Болейн славится своим искусством придумывать развлечения и доставлять себе и своим приближенным удовольствие!

— Прощай, жизнь в провинции! Прощай, моя милая глушь! Меня ждут Лондон, королевские балы и дворцы! — вслух воскликнула Альенора, написав в конце письма: «Бесконечно верная Вам и восхищенная Вами, мисс Альенора Нортон».

Дав письму просохнуть, а затем аккуратно сложив послание и запечатав его воском и печатью с гербом Нортон, девушка вскочила с места, бросилась к двери и громко крикнула:

— Молли! Ступай сюда! Ну, сколько мне тебя звать?

Вновь позвав прислугу, Альенора с любовью положила письмо на кровать, а сама открыла двери своего огромного платяного шкафа и принялась фантазировать о том, как она будет расхаживать по великолепному королевскому дворцу в этих красивых дорогих платьях и привлекать к себе внимание всех живущих там мужчин. О, у нее будет много кавалеров. Она будет давать надежду и разбивать сердца. Не будет жалеть никого!

«Но эти платья не подходят фрейлине королевы! Слишком старые, слишком тусклые! Нужны новые! Отдам приказ доставить мне самые роскошные и самой новой лондонской моды! И, конечно, к Дьяволу испанский чепец! Нужно закупить французских, таких, какие носит Анна!» — решила Альенора и с силой захлопнула дверцы шкафа.

— Музыку! — мягко произнесла девушка и, представляя себя на королевском балу, грациозно затанцевала по своей большой светлой комнате. — Но любопытно... Уехал ли этот глупец? — вдруг почему-то вспомнила она и, подойдя к окну, выглянула во двор. Она нарочно вытребовала себе эти покои, чтобы иметь возможность наблюдать за всеми, кто приезжает и покидает замок. Альенора внимательно обвела взглядом широкий ухоженный двор, но не увидела ни сэра Уолша, ни его серого коня. А ведь в глубине души она надеялась, что он решил остаться. — Хм! Пускай скачет к своей испанке Екатерине и вместе с ней разбивает лоб в молитвах! — насмешливо бросила она, пытаясь уверить саму себя в том, что сэр Уолш ей вовсе неинтересен.

— Вы звали меня, мисс Нортон? Прошу, не гневайтесь: меня послали помогать на прачечную! — вдруг послышался за дверью громкий, немного напуганный голос Молли.

— А вот и ты! Входи! — приказала Альенора, не оборачиваясь. Когда служанка вошла в покои, мисс Нортон спросила ее равнодушным тоном: — Что наш гость?

— Говорят, вскочил на своего коня, как ужаленный, и вон со двора галопом! Даже хлестанул бедное животное! — вскинув свои темные брови, доложила Молли. — Что прикажете, мисс Нортон? Боже, да вы вся в грязи!

— Неси лохань и горячую воду. В лесу такая ужасная грязь, что я поскользнулась и упала, — бросила Альенора. — Иди же, Молли!

— Как скажете, мисс! — с воодушевлением воскликнула служанка и юркнула за дверь. Ей ужасно хотелось узнать, что произошло между мисс Нортон и красавцем-гостем. А может, они любовники? Поскользнулась и упала в грязь... А как же! Держи карман шире! Сперва уехала мисс, чтобы не вызывать подозрений, а затем гость... И вернулись они вместе, да еще в таком неприглядном виде! Ах, леди Нортон будет рвать и метать! Ведь она обязательно узнает о грешках своей дочери! Сплетни не щадят никого: ни простых крестьянок, ни знатных леди.

Несмотря на ошибочные домыслы Молли, мисс Нортон и сама осознавала, что ее поведение и даже сам визит сэра Уолша вызовет среди обитателей замка живой интерес, и, без сомнений, на нее повесят грехи, которых она не совершала. Альенора никогда не заботилась тем, что говорят и думают слуги, однако девушка с опаской размышляла о том, что будет, если эти дурные слухи распространятся на владения Нортонов и достигнут Лондона. Крестьяне будут насмехаться над ней, а отец, если услышит эту позорную ложь, точно заставит ее выйти за этого нахала, поклонника старой испанской уродины Екатерины! Но, нет, недаром ее зовут Альенора Нортон! Никому и никогда не удастся загнать ее в клетку!

— Любовь моя, что произошло? — вдруг услышала Альенора удивленный голос матери за своей спиной. Девушка успела так крепко задуматься, что даже вздрогнула от неожиданности.

— Всего лишь моя неловкость, матушка, ничего больше, — равнодушно ответила Альенора, даже и не думая взглянуть на мать.

— Тебе следует быть осторожней... — начала было леди Нортон, с сожалением глядя на покрытое уже засохшей грязью верхнее платье дочери, лежащее на полу. Ведь оно стоило немало золотых монет!

— Мне нужны новые платья, — перебила ее Альянора. — Самые красивые, по самой последней лондонской моде. Прикажите снять с меня мерки и показать мне самые богатые и благородные ткани, украшения и французские чепцы.

— К чему тебе французские чепцы, мой ангел? — приподняла брови леди Нортон. Она никогда не обсуждала с супругом политику, и не владела знанием того, что творилось в королевском дворце.

— Они идут мне больше испанских, а также они намного легче, — ушла от ответа Альянора. Она не желала делиться с матерью своей радостной вестью, потому что знала: узнай леди Нортон о том, что ее дочь покидает ее, она картинно упадет в обморок или бросится на колени и станет умолять Альянору остаться с ней. Нет, твердо решила мисс Нортон, она поставит свою мать перед фактом и не поддастся ни уговорам, ни слезам, ни мольбам.

— Новые платья будут стоить нам целого состояния, — неуверенно произнесла леди Нортон, все так же стоя у двери и не смея подойти к дочери.

— Прошу вас, матушка, сделайте это для меня, — вполборота улыбнулась Альянора матери. — К тому же через неделю наступит день, когда вы дали мне жизнь, и мне исполнится восемнадцать лет. Сделайте мне этот подарок, матушка. Не пожалейте денег на вашу любимую дочь.

Мягкие слова, улыбка и нежный тон голоса сделали свое дело: леди Нортон приложила руки к сердцу, и ее усталое лицо украсила полная радости улыбка.

— Конечно, ангел мой! Нам с отцом ничего для тебя не жаль! Я прикажу доставить образцы тканей, украшения и швей сегодня же! — решительно сказала хозяйка замка.

— И туфли, матушка, и сапожки, — довольно добавила Альянора.

— И туфли, и сапожки! — торжественно повторила леди Нортон. — Но, любовь моя, прислуга сообщила мне о том, что наш замок посетил гость...

— Он уже покинул нас, матушка.

— И кто это был? Кто-то из наших знакомых?

— Друг Филипа. Вы незнакомы с ним, но я успела с ним побеседовать...

— Нужно было приказать разбудить меня! Друг Филипа! — Леди Нортон с сожалением взмахнула руками. — Ты провела его на могилу брата?

— Увы, матушка. Он так быстро уехал, — мрачно усмехнулась Альенора, вспомнив, какое неприятное выражение застыло на лице сэра Уолша в финале их горячего спора.

— Как жаль! Но приедет ли он к нам вновь? — с надеждой спросила леди Нортон.

— Возможно, — уклончиво ответила ей дочь. — Но вы немного потеряли, матушка. Это дурной человек, недостойный знакомства с вами.

— О? — непонимающе произнесла леди Нортон.

— Поверьте мне, матушка. Вы же знаете, что я прекрасно распознаю людские души... — сказала Альенора, как вдруг раздался громкий стук в дверь и голос за нею: «Это Молли, мисс Нортон!». — Заходи, Молли! Ну и долго же ты ходишь!

— Прошу прощения, мисс! Вода поставлена на огонь! Лохань несут! Ах, и вот вам привезли послание! — Молли, зашедшая в комнату, прошла к мисс Нортон и отдала ей в руки красиво запечатанное и украшенное алой шелковой лентой письмо.

— Иди пока на прачечную и передай прачкам вон то платье, — кивнула Альенора в сторону своего забрызганного грязью наряда и с любопытством внимательно рассмотрела письмо.

Послание... От кого? Этого герба она еще не видела. Возможно, это сэр Уолш велел передать его ей? Остыл, образумился... Да, должно быть, он!

«Чего и следовало ожидать! Но чего вы желаете, сэр? Просите прощения? Вновь упрекаете? Или решили дать мне мудрый мужской совет?» — с насмешкой подумала девушка, разворачивая алую ленту, а затем, сломив печать, все так же стоя лицом к окну, принялась за чтение. Едва ее глаза прочли короткий первый абзац, из ее груди вырвался короткий вздох неверия.

— Что там, любовь моя? — поинтересовалась леди Нортон.

— Ничего, матушка, — плохо скрывая свои чувства, бросила объятая радостью Альенора, чем посеяла в душе матери семена

подозрения.

Материнское сердце не обманешь: леди Нортон почувствовала, что в этом письме таится ее судьба, и, быстро преодолев комнату, она вырвала из рук дочери таинственное послание.

— Как вы смеете! Это письмо написано мне и мне одной! — возмущенно воскликнула Альенора, пытаясь вернуть себе свою драгоценность.

— Хватит! Я твоя мать и имею полное право! — как раненый зверь прокричала леди Нортон и, оттолкнув дочь на кровать, бросила взгляд на печать. — Нет... — тихо промолвила она, наполняясь яростью и гневом. — Нет! Эту печать я узнаю из всех печатей мира! Болейны! И что же им от тебя потребовалось? — Она принялась лихорадочно, но плохо различая вычурный почерк, читать строки.

— Я скажу вам, что в письме, матушка! — гордо приподняла подбородок Альенора. — Леди Анна Болейн, будущая королева Англии, пригласила меня ко двору занять место фрейлины в ее свите!

— Не пущу! Запрещаю тебе! Посажу на замок! — прорычала леди Нортон, дрожащими руками разрывая письмо на куски. — Ты слышишь меня, Альенора? Ты останешься здесь! Иначе я вновь выброшусь в окно! И в этот раз ты точно лишишься матери!

— Если я не поеду, матушка, если вы заточите меня здесь, как пленницу, клянусь, из окна выброшусь я! — тихо ответила на эту угрозу Альенора. На ее лице была написана такая решительность, что леди Нортон тотчас осознала, что та исполнит свою угрозу.

— Ангел мой... Любовь всей моей жизни! А как же я? Неужели ты хочешь оставить свою матушку? Променять ту, что подарила тебе жизнь, на эту бессердечную женщину? — упав на колени, заплакала бедная мать.

— Я буду навещать вас так часто, как смогу, — холодным тоном сказала Альенора: слезы матери не растрогали ее, скорее, раздражали, как когда-то Филипа. — Вы купите для меня новые платья, обувь и украшения, и я стану самой прекрасной жемчужиной в короне Английского двора!

Глава 5

К счастью, новых платьев, туфель, сапожек, накидок, плащей, перчаток и всего остального долго ждать не пришлось, и уже через месяц Альенора Нортон, горделиво сидящая в своем дамском седле и окруженная надежной охраной, следовала в Лондон. Позади девушки, тихо поскрипывая, ехала большая колымага, заставленная сундуками, в которых хранились драгоценные новые наряды будущей фрейлины при леди Анне Болейн. День был теплым, солнце ярко светило, что усложняло долгое путешествие.

Альенора, одетая по последней моде английского двора и щеголявшая в синем шелковом платье с сильно расширяющимися книзу рукавами, обливалась потом, но и виду не показывала, что утомилась. «Еще немного, и мы набредем на придорожный трактир, где я прикажу принести мне прохладной чистой воды и смогу смыть с себя пыль, грязь и пот» — утешала себя девушка, пытаясь не думать ни о матери, оставшейся в замке, ни о реакции отца, когда тот неожиданно-негаданно увидит дочь в стенах дворца, ни о том грубиян-рыцаре сэре Уолше, который не выходил из ее мыслей с той самой неловкой первой встречи. Альенора не желала думать о нем и насмехалась над собой и своей слабостью, однако красавец-друг ее погибшего брата стоял перед ее взором в свете дня и не покидал ее сны. Но это была лишь девичья влюбленность, лишь баловство, потому что при одной лишь мысли о том, что она могла бы стать супругой этого невежды, девушка брезгливо морщилась от знания того, что он поучал бы ее всю жизнь, заставлял сидеть дома, в четырех стенах, и относился бы к ней как к собственности. Боже, какое наказание было бы стать его пленницей! Его и его унижающих женское достоинство жизненных устоев!

«Моим супругом станет лишь тот, кто будет уважать меня и ценить, как равную себе. Пусть это сложно, пусть большинство мужчин подобны сэру Уолшу и Филипу, среди них найдется и тот, кто будет относиться к нам, женщинам, с пониманием и чуткостью. Кто будет видеть во мне не слабость, а мою силу» — мрачно думала в эти

моменты гордая мисс Нортон, и прекрасный образ тотчас мрачнел и расплывался.

Несмотря на множество трактиров, встречающихся на пути мисс Нортон, она велела не останавливаться до тех пор, пока они не встретят «достойную высокородной гостии обитель покоя и отдыха». Ночевать в грязном, полном оборванцев и пьяниц трактире Альеноре претило, и она готова была терпеть жару и неудобство, лишь бы не оказаться в дурной компании. Недовольные упрямством хозяйской дочери, сопровождающие ее слуги все же не сказали ей ни слова и лишь, уныло повесив головы, ехали вперед. Достойный, по мнению Альеноры, трактир встретился им только вечером, когда солнце медленно заходило за горизонт, что было очень кстати: в сумерках и темноте ночи ехать опасно даже в компании дюжих слуг.

Щедро заплатив за лучшую в наличии комнату, мисс Нортон также ссудила серебряной монетой своих охранников, чтобы те могли сытно поужинать и выпить по кружке эля. Благодарные слуги поклонились девушке до самого пола, но, также получив приказ не напиваться до беспамятства, приуныли. Однако делать было нечего: напейся они и заставь мисс Нортон сердиться, и узнай об этом ее отец, каждый из них будет выгнан в шею, а терять хорошо оплачиваемую должность при богаче никому не хотелось.

Наконец-то имея возможность прилечь, Альенора сняла с себя французский чепец, отбросила его в сторону, легла на довольно широкую чистую кровать и тихо застонала: ее спина, ноги, ягодицы и шея ныли, причиняя девушке тупую боль при каждом движении. Она уже была не рада тому, что ее пригласили во дворец: кто бы знал, что до этого проклятого Лондона так далеко и долго ехать! Должно быть, она пребудет во дворец невероятно уставшей и загоревшей, как крестьянская дочка, а не дочь самого королевского советника лорда Нортон...

«Нет, я справляюсь. Никто и ничто не заставит меня повернуть обратно. Подумаешь, устала! Подумаешь, загорела и натерла ягодицы! Эти жертвы стоят того, чтобы вскоре меня называли «мисс Нортон, прекрасная фрейлина королевы Анны». Вернуться в замок меня заставит лишь изгнание! — недовольная своей слабостью, раздраженно подумала девушка, и ее лицо вдруг осветилось мягкой улыбкой: — Бригида, сестра моя! Мы и подумать не могли, насколько

различны наши судьбы! Тебе предстоит монашеский подстриг, а мне носить подол платья королевы Англии!»

Но этот длинный день повлиял не только на тело, но и на желудок девушки: не желая останавливаться даже на трапезу, сейчас Альянора ощущала ужасный голод, сводивший ее живот. Однако усталость взяла верх над голодом, и через несколько минут после того, как голова девушки коснулась мягкой подушки, она улетела в объятия Морфея. Когда Альянора проснулась, был уже полдень, и она, разозлившись этому, вычитала своих нерадивых слуг. «Почему не разбудили меня? Мы должны были двинуться в путь с рассветом! Так мы никогда не доберемся до Лондона!» — услышали ни в чем не повинные слуги. Но им не впервой приходилось выслушивать беспричинные упреки знати, поэтому они лишь потупили взгляды и молча приносили поклон за другим.

На пути к своей цели мисс Нортон провела много дней, и много дней ее волос и тела не касались ни капля воды и ни кусочка мыла — такой уставшей она была. Но, если тело отказывалось служить, разум девушки оставался все таким же острым, и, полагаясь на свою мудрость, Альянора устроила все так, чтобы прибыть во дворец невидимой, в поздний ночной час, когда уже отыграли пиры и музыка. Никем незамеченная, Альянора проскользнула во дворец, преподнесла письмо от Анны Болейн первой попавшейся служанке, приказала найти ей комнату для ночлега, а также принести ей лохань, воду, мыло и какого-нибудь душистого масла. Удивленная старая служанка, не умеющая ни читать, ни писать, поверила молодой богатой девице на слово и побежала выполнять ее поручение, а серебряная монета, спрятанная глубоко в ее лифе, придавала старушке прыть юной кухонной девочки. Вскоре новоприбывшая мисс Нортон удобно устроилась в маленьких, но чистых отдельных покоях, где смогла смыть с себя пыль и грязь, а затем, переодевшись в ночное платье, легла на узкую твердую кровать и уснула, объятая триумфом.

Утром Альянора была разбужена незнакомой девушкой, одетой в дорогое розовое платье, и та, ледяным голосом и без тени улыбки на лице, сообщила, что после королевского завтрака леди Анна Болейн ждет новоприбывшую в своих покоях. Когда Альянора робко попросила прислать ей служанку, чтобы та помогла ей одеться, фрейлина Анны, которая даже не назвала свое имя, насмешливо

улыбнулась и сказала, что попробует исполнить эту «несуразную просьбу», и покинула покои. Едва дверь за незнакомкой закрылась, Альенора вскочила с кровати, подбежала к небольшому окну и, пригнувшись, чтобы ее не заметили там в одной ночной рубашке, обвела взглядом огромную площадь и с восторгом поняла, что все это было не сном, а прекрасной явью.

Она во дворце Его Величества короля Генриха Восьмого, самого великого из королей всей Европы! Только посмотрите на этих прекрасных разряженных придворных, снующих по площади! Сколько разных цветов, дорогих тканей, драгоценных камней и улыбок! И чепцы... Эти французские чепцы на дамах! Символ Анны Болейн! Скоро и она, Альенора, будет прохаживаться по этой самой площади в толпе поклонников или в щебечущей, как стая птиц, свите будущей королевы... Но, милостивый Господь, на ней все еще это ночное платье! А ведь Анна ждет ее к себе после завтрака! Нужно надеть самое красивое, самое богатое из новых платьев, оплаченных убитой горем матушкой леди Нортон!

Но где же эта служанка? Ведь ее обещали прислать!

Альенора бросилась к своим сундукам и дрожащими от волнения и радости руками стала перебирать платья.

— Это... Нет, нет, слишком тусклое! Вот это! Ах, нет, слишком яркое! А вдруг оно затмит своей роскошью платье Анны? Она возненавидит меня... — громко шептала девушка. — А вот это... Нет, слишком мрачное! Его буду надевать лишь в хмурые дождливые дни, скажу: «Ах, мое настроение подобно тучам за окнами». Ах, вот это! Да, именно оно! — довольно воскликнула Альенора и вытащила спрятанное на самом дне большого сундука великолепное, цвета изумруда платье, расшитое серебряными нитями. — Ты сможешь мне вызвать любовь королевы! Она увидит, что одна из самых богатых девушек королевства желает служить ей верой и правдой! А если другие девушки позавидуют мне, что ж! Им следует завидовать!

Несмотря на прилив гордости и тщеславия, Альенора отнюдь не отличалась наивностью и знала, что, в борьбе за внимание Анны Болейн, столкнется с другими гордыми и хитрыми девушками, которые, к тому же, пребывали при будущей королеве уже долгие месяцы. Все молодые фрейлины Анны, знала мисс Нортон от своего отца, преданы ей и готовы идти за ней на плаху, но при этом каждая

считает себя самой достойной, самой верной и заслуживающей любви будущей королевы. И именно в этот пруд, с этими вероломными русалками бросилась с головой приехавшая из глуши Альенора. Но ни капли страха, ни смятения не было в ее душе: она знала, на что шла, и не сомневалась в том, что, сделав самую высокую ставку, одержит победу, пусть даже эта ее победа причинит другим страдания и слезы.

— Где же чертова служанка? — пробормотала девушка, аккуратно положив платье на расстеленную кровать. — Сколько у меня имеется времени на сборы? А вдруг уже совсем скоро вернется эта безвкусно одетая девица и потребует следовать за ней к Анне?

И почему только будущая королева, в своем письме к новой фрейлине, строго-настрого запретила той взять верную ей служанку из замка Нортон? Ведь здесь, во дворце, Альенора попала в неопровержимую зависимость от прыткости и услужливости прислуги. Ах, как ей не хватало ее верной Молли! Пусть та и болтлива, но всегда прибегает по первому же призыву своей юной госпожи.

Но Альеноре недолго пришлось предаваться тоскливым мыслям: уже через несколько минут в комнату зашла полная, одетая в чистое платье служанки темноволосая девушка.

— Меня зовут Мэри, мисс. Леди Болейн послала меня прислуживать вам, — сделав неуважительно короткий реверанс, заявила незнакомка. Она смотрела на новоприбывшую фрейлину с некоторой насмешкой в глазах, словно оценивая ее взглядом.

Несмотря на то, что она проработала при леди Анне всего год, Мэри успела увидеть и прислужить многим знатным гордячкам, которых леди Болейн милостиво приглашала в свою свиту. И все эти девицы выглядели точно так же, как эта блондинка: стройные, с белой кожей, горделивой осанкой и сияющим от предвкушения взглядом. Ха! Эта девчонка может думать о ней, Мэри, все, что угодно! Возможно, уже через пару дней ее сошлют вон из дворца туда, откуда она приехала! И не таких видали!

Но как ошибалась эта насмешливая служанка! Красавица, стоящая перед ней, была не одной «из», она была единственной. Альенора знала, что самое первое, что ей нужно было осуществить, — прикормить союзников, а кто больше подходит на эту роль, кроме как приставленная к свите Анны и к ней самой прислуга?

— Как я рада, что ты здесь, милая. Без тебя мне не справиться! — мягко улыбнулась Альенора и тут же довольно отметила про себя, как вытянулось от удивления лицо грубой служанки.

Мисс Нортон не ошиблась: привыкшая к надменности и презрению богатых девиц, Мэри была изумлена мягким тоном и дружелюбными словами новоприбывшей.

— Меня прислала леди Болейн, — не зная, что ответить, вновь сказала Мэри.

— О, я так благодарна ей! Я уверена в том, что она прислала мне самую умную и ловкую из всех своих служанок, — продолжала Альенора, опутывая бедную, наивную девушку воздушной легкой паутиной. — Леди Болейн умеет читать в душах, и твоя душа, дорогая Мэри, уступает в своей чистоте лишь душе нашей прекрасной будущей королевы.

Не зная, что ответить, покрасневшая до самых ушей, Мэри хмыкнула себе под нос, подумав, что эта девица или святая, или безумно наивная и глупая, раз не понимает, зачем к ней послали ее, Мэри.

«Дурочка думает, что ее тут примут с раскрытыми объятьями и с ног будут сбиваться, лишь бы ей помочь! Нет, недолго ей здесь быть! Бедная глупышка, с ее мягким сердцем ее заключают в первый же вечер» — подумала служанка, почувствовав к незнакомой мисс жалость. Ведь она так отличалась от других девиц! От них слова хорошего не дождешься, как и просто короткого «спасибо», а тут эта красотка с ее похвалами!

— Давайте приоденем вас, мисс... Простите, не знаю, как к вам обращаться, — сказала Мэри, желая как можно скорее одеть эту бедняжку и идти дальше по своим делам.

— Мисс Нортон, милая. Леди Болейн пригласила меня ко двору, в свою свиту, и я ужасно волнуюсь! — с широкой улыбкой ответила Альенора. — Как тебе нравится это платье? Я желаю надеть его для первого приема у леди Болейн. — Она взяла с кровати платье и продемонстрировала его Мэри.

— Красивое. Пойдет для приема. А что с волосами, мисс? Как мне вас причесать-то?

— Как причесывала сегодня других фрейлин... Увы, я приехала из тихого уютного уголка и не знаю, какие прически сейчас в моде у

дворцовой знати, — нахмурилась девушка и беспомощно пожала плечами, а затем, широко раскрыв свои голубые глаза, коснулась ладонью ладонь служанки. — Прошу тебя, помоги мне! Я умру от стыда и горя, если не понравлюсь нашей прекрасной леди!

— Я причешу вас, мисс, по последней моде, — пообещала служанка. — Но давайте уже начнем: леди Болейн завтракает недолго, и у нас мало времени.

— Как скажешь! — прошептала Альенора.

Мэри, получающая удовольствие от того, что девицы-фрейлины находятся в ее руках, нарочно чесала их волосы так, словно желала выдрать их с корнями. Но, если другие гордячки ругались на нее за это, белокурый ангел мисс Нортон даже не пикнула, а с милой улыбкой рассказывала о своих родных краях, «чтобы бедной Мэри не было скучно причесывать ее». Сама того не замечая, Мэри заглатывала одну наживку за другой, и к тому моменту, как мисс Нортон встала перед ней, полностью готовая к приему у будущей королевы, пала под ее чарами и искренне желала помочь ей удержаться во дворце.

— Мой вам совет, мисс: не доверяйте никому и надейтесь только на себя. Наша леди Болейн — светлое солнышко, и все, кто окружает ее, хотят оторвать от нее кусочек для себя, — тихо промолвила Мэри, а затем вдруг наклонилась к самому уху девушки и прошептала: — И никогда, слышите, никогда не переходите ей дорогу! Не смейте бросать на короля даже самый короткий нежный взгляд! Она все увидит! И тогда вас вышвырнут из дворца! Леди выгнала уже четырех таких наглых дур!

— О, милая, я приехала лишь затем, что желаю служить нашей леди верой и правдой! Разрази меня гром, если я хоть когда-нибудь подумаю о Его Величестве как о мужчине! — Альенора осенила себя крестом, а затем нашла свой мешочек с деньгами и протянула Мэри серебряную монету. — Возьми, Мэри. В знак моей благодарности за твои мудрые советы и помощь.

— Помните мои слова, мисс. Это место кишит змеями, и для того, чтобы выжить здесь, вам нужно стать одной из них. — Мэри приняла дар и тут же спрятала его в карман своего белого фартука. — Доброго дня, мисс. Посылайте за мной, если я буду нужна вам. — Она присела в коротком реверансе, а затем покинула комнату.

Но не успела Альянора обдумать услышанное, как двери комнаты вновь открылись, и в них появилась все та же невежливая фрейлина, разбудившая ее сегодня.

Незнакомка окинула мисс Нортон оценивающим взглядом и с неудовольствием признала, что таких красавиц она при дворе еще не видела, и что это изумрудное платье было просто прелестным. Но, подумала фрейлина, скоро эту нежную улыбку с лица провинциалки сотрут навсегда, уж она-то постарается!

— Следуйте за мной, мисс, — коротко бросила она Альяноре, и та, с замиранием сердца, послушно направилась за ней в королевские покои, где ожидала ее леди Болейн.

Глава 6

Королевский дворец был прекрасен, внушительен и так богато украшен, что у Альеноры захватило дух. Несмотря на то, что ее отец был очень богат и не жалел золота на украшение замка Нортонов, ему так и не удалось уподобить его любимому дворцу короля Генриха Восьмого. Золотые и серебряные подсвечники, великолепные большие гобелены, вышитые золотой нитью, невероятно высокие своды, длинные веранды для прогулок, величественные высокие колонны... Это место было сосредоточием самых богатых людей королевства, их жен, сыновей и дочерей. И с сегодняшнего дня Альенора стала одной из жительниц этого строгого, но роскошного дворца, в котором расположись Его Величество и его возлюбленная мисс Анна Болейн.

Лорд Нортон был откровенен со своей дочерью и, в письмах, рассказывал ей обо всем, что видел. Его меткий орлиный взор подмечал все: настроение Генриха, все его новые причуды, малейшие эмоции на лицах придворных. Как и у всемогущего кардинала Вулси, на службе у него имелось множество шпионов, которые были его ушами и докладывали все последние сплетни, действия и даже оброненные украдкой слова. С тех пор, как прежний кардинал, Вулси, когда-то любимый и высоко ценимый Генрихом, впал в немилость Анны Болейн и самого короля, его место мечтали занять многие другие, но не мудрый лорд Нортон: он прекрасно знал, как изменчив Генрих и как влияет на него сладостный женский шепот, поэтому держался в стороне, довольствуясь своим насиженным местом королевского советника. Иногда Альенора мягко упрекала отца в том, насколько он неамбициозен, но тот лишь хладнокровно поглаживал свою бороду и повторял, что порой амбиции приводят к плахе. И он был прав: сколько неугодных несчастных успели лишиться головы за довольно короткое правление Генриха? Этому его дочь не знала, ведь отец тщательно скрывал от нее эту правду. К чему наносить вред хрупкой девичьей душе? Пусть тешиться пустыми мечтами под защитой замка Нортонов!

Но как ошибался лорд Нортон, считая, что его дорогая Альенора никогда не попадет в опасный мир соблазна и интриг, царствующих в

этом огромном дворце! Он был уверен в том, что его дочь все так же объезжает крестьянские угодья и собирает налоги! А в это время его любимый ангел и единственное дитя Альенора мягко, но решительно ступала по каменным полам совсем недалеко от него.

«Ах, как удивится отец, встретив меня здесь! И ведь это случится уже сегодня за обедом! Он слишком рьяно оберегает меня. Как бы ни стал отгонять от меня моих поклонников... А их у меня будут с десяток. Бедный отец! Возможно, я разобью ему сердце, но ему пора выпустить меня из-под своего теплого крыла!» — вдруг подумала Альенора и улыбнулась этой мысли. Благо, ее горделивая проводница не видела этой улыбки, иначе подумала бы: «И чему эта девица так глупо улыбается? Расточает свои ужимки попусту!».

Девушки минули большой зал и теперь шли по широкому коридору, наполненному жителями дворца. Все эти люди, питавшиеся за счет короля и считающие себя избранными, смотрели на незнакомую им девушку с любопытством, однако были и те, кто закатывал глаза или тихо посмеивался: ха! Еще одна добыча Генриха! Уж он-то ее уложит в свою постель! И даже его распрекрасная Анна не помешает ему соблазнить эту прелестную и, должно быть, наивную девушку! Кто она? Одна из многих. Лишь немногие вспомнили, что встречали эту девушку ранее, в замке Нортон, остальные же не желали обременять себя воспоминаниями.

Когда девушки проходили мимо небольшой компании молодых красавцев с аккуратно подстриженными, по последней моде, бородками, и одетых в дорогие расшитые костюмы для верховой езды, Альенора с удовольствием заметила, что привлекла к себе взгляды всех этих щеголей, которые тотчас принялись громко шептаться и сетовать, что теперь придется сочинять новые сонеты, ведь во дворце появилась такая яркая новая птичка!

«О, вы будете писать мне сонеты! Я буду заставлять вас писать мне сонеты каждый день! А если мое требование не будет выполнено, я измучаю вас холодом и равнодушием!» — коварно усмехнулась про себя Альенора, но не опустила взгляд наземь: пусть видят, что она не нежный скромный цветок, а раскрывшаяся белая роза с длинными острыми шипами. Пусть знают, что, если они желают ее благосклонности, им придется заслужить ее потом и кровью.

Нет, она не будет играть в невинную овечку и примерять образ провинциальной простушки, благодарной за любой восхищенный взгляд, короткий сонет или красивое слово. Скоро весь дворец узнает, что не только леди Анна Болейн обладает талантом очаровывать и влюблять в себя кавалеров. Конечно, с будущей королевой ей в этом искусстве не сравниться, но совсем скоро она научится всем придворным тайнам...

— Леди Болейн сама заговорит с тобой. Сама же не смей говорить ей ни слова, — вдруг услышала Альенора холодный голос своей проводницы, который вырвал ее из тумана мечтаний о славе и власти над мужскими сердцами.

«Что? Уже? Неужели сейчас я увижу Анну? — с восторгом и вдруг ниоткуда взявшейся робостью подумала мисс Нортон. — Но я не готова... Господь Всемогуший, я не готова!»

Однако выбора у Альеноры не было: фрейлина Анны постучала в тяжелые украшенные замысловатой резьбой двери, и они тут же широко открылись, представляя взору большой уютный зал, полный дорого одетых красавиц фрейлин и леди Анну Болейн, сидящую на невысоком помосте в похожем на трон кресле.

— А вот и мисс Нортон! — послышался красивый голос Анны, и она поманила Альенору своим длинным точеным пальцем, а сама обратилась к своим фрейлинам, которые даже не удосужились поприветствовать новоприбывшую взглядами: — Мисс Нортон является дочерью советника Его Величества. Я пригласила ее в наш тесный кружок и надеюсь, что вы примите ее с таким же теплом и любовью, как я.

На мгновение Альенора растерялась: тот миг, о котором она мечтала, настал... Анна ждала ее! Она сидит там, так близко! О, волшебный миг! Но как же избавиться от мысли, что все это не сон?

— Иди! — вдруг тихо прошипела ей на ухо ее проводница и, окинув Альенору насмешливым взглядом, сделала низкий реверанс Анне и прошла к свободной, стоящей у окна низкой скамейке, одной из тех, на которых располагались другие фрейлины, собравшиеся полукругом у ног своей Леди.

«Все верно: королева всегда должна оставаться выше своих подданных. Когда все сидят на скамейках, Анна занимает свой заслуженный трон!» — пронеслось в разуме Альеноры, и, усилием

воли отбросив робость, она грациозно прошла к леди Болейн, присела в очаровательном, до самого пола, реверансе, без труда поднялась из него и, устремив на Анну смелый взгляд, промолвила:

— Леди Болейн! Самая прекрасная из земных женщин! Вы послали за мной, и я примчалась на крыльях ветра по первому вашему зову! — Она вновь опустилась в реверансе, но в это раз застыла, словно не желая подниматься без разрешения будущей королевы.

Польщенная Анна удивленно улыбнулась: какова девица! Ее речи сладки, как мед! Ее повиновение схоже с поклонением! Значит ли это, что мисс Нортон готова стать шпионкой или пожертвовать своей жизнью, если это потребуется?

Одна из фрейлин вдруг насмешливо хихикнула, но Анна тотчас метнула в нее такой убийственный взгляд, что та сжалась, закрыла рот и устремила взор на свое шитье.

— Не обращай внимания на Бетси, милое дитя, — ласково сказала Анна, подойдя к Альеноре и подняв ее из реверанса. — Порой она ведет себя как крестьянская девка, и тогда я задумываюсь, а не отослать ли мне ее домой?

Бетси побледнела, сглотнула и часто заморгала, пытаясь скрыть слезы обиды. Но она не сказала Анне ни слова в свою защиту. Да и имела ли она возможность?

Все фрейлины леди Болейн знали одну истину: Анна резка и иногда может оскорбить так, словно кинжал в сердце воткнет, но следует лишь молча проглотить обиду, скрыть ее за любящей улыбкой и надеяться, что своенравная возлюбленная Его Величества не осуществит свои постоянные угрозы, которые она бросала с такой легкостью, будто ее голову уже покрывала тяжелая золотая корона королевы Англии.

Некоторые из фрейлин Анны ранее входили в свиту неугодной супруги короля Екатерины Арагонской. Кто-то из девушек посчитал верным предать свою прежнюю королеву и перейти на сторону Анны, а для кого-то это был вынужденный шаг, продиктованный авторитетом отцов или даже всего своего рода. Но лишь немногие из них мучились совестью и своим предательством Екатерины. Большинство девушек поменяли испанский чепец на французский без колебаний и сомнений: хочешь быть в милости короля — значит, будь в милости той, что завладела его сердцем.

И все же, несмотря на грубость Анны, ее козни и оскорбления, почти все ее фрейлины служили ей верно и предано, как собаки. Для нее они шпионили, сеяли раздор, покоряли сердца нужных Анне мужчин, и готовы были упасть к ее ногам и целовать ее туфли, если она прикажет им это.

— Я несколько не обижена, моя леди! — спокойно улынулась Альенора, глядя в черные, как омут, глаза Анны. — Все собравшиеся в этом зале девушки желают вашей милости и любят вас, и немудрено, что каждая из них ревнует ваше внимание.

Анна лукаво прищурилась и склонила голову на бок: эта птица прелестно поет! Но заслуживает ли она чести быть посаженной в ее, Анны, золотую клетку? А вдруг она окажется бесполезной? А вдруг Анна ошиблась, когда думала, что, заполучив себе мисс Нортон, также заполучит дружбу и преданность ее отца? Ведь, прикрываясь красивыми строками письма и высокими похвалами девушке, леди Болейн стремилась лишь к одному: распространить свое влияние на всех приближенных Генриха. Эта девчонка должна уговорить своего отца поклясться Анне в верности и докладывать ей обо всем, что доносили его собственные шпионы. Пригласив в свою свиту Альенору Нортон, мисс Болейн всего-навсего сделала очередной шаг конем на опасной шахматной доске большой политики, и не более. Сама мисс Нортон была ей неинтересна. Но эта девушка оказалась слишком красивой, и это обстоятельство доставляло возлюбленной короля неудовольствие.

Анна внимательно всмотрелась в каждую черточку лица своей новой фрейлины.

«Прелестница... Молода и свежа. Эти красивые глубокие голубые глаза принесут немало страданий придворным красавцам. И Генрих ведь тоже не сможет не заметить это милое лицо и эту чистую белую кожу. Что, если он заинтересуется ею, как заинтересовался когда-то мной, когда я была фрейлиной его старой жены-испанки? — невольно подумала всесильная мисс Болейн, рассматривая юную светлую красоту своей новой фрейлины. Смотря на Альенору, она осознала, что сделала ошибку, пригласив во дворец этот невинный великолепный цветок. — Но, если я отошлю ее домой, все поймут, что я побоялась соперничества... Нет. Ни одна женщина, пусть и сама Афродита, никогда не сможет стать мне достойной соперницей за сердце Генриха!

Он мой! И корона Англии тоже моя! Пусть остается и служит мне. Ее глаза блестят таким восхищением мною, что, уверена, я вышколю эту собачонку себе во благо!»

— Будешь ли ты верна мне, Альянора? — не желая более церемониться, прямо спросила Анна, приподняв подбородок девушки своим тонким указательным пальцем. — Я пригласила тебя в свою свиту, буду кормить тебя со своего стола, как и всех моих фрейлин, но взамен требую преданности и услужливости. Да, и еще: сплетен обо мне, моем положении и моей семье я не потерплю.

— Моя леди, ваше приглашение ввергло меня в великую радость, а возможность служить вам я почту за великую честь. Мой отец еще не знает, что я нахожусь здесь, но, даже если он будет против, я останусь с вами и сделаю все, о чем вы меня попросите, — едва слышно, чтобы услышала одна лишь Анна, сказала Альянора. — Поверьте мне с тех пор, как я увидела вас в замке моего отца, я пала к вашим ногам и мечтала попасть в круг ваших приближенных. Вы мой кумир, леди Болейн, и никто и ничто не заставит меня предать вас, даже муки и пытки.

— Твои речи услаждают мой слух, милое дитя, — улыбнулась Анна: она не до конца поверила в искренность мисс Нортон, но поняла, что, с помощью ласки и подарков, сможет взрастить себе верную помощницу. Эту девушку легко можно будет использовать в любых ее целях, посчитала леди Болейн. — Но где ты ночевала? А впрочем, не важно. Как дочери одного из самых мудрых советников моего будущего супруга, я предоставлю тебе отдельные покои. Они не будут ни роскошными, ни большими, но тебе не придется делить их с другой девушкой.

— О, моя леди, вы бесконечно добры! — не смогла не улыбнуться в ответ Альянора.

В одно мгновение дверь покоев Анны отворилась, фрейлины вскочили на ноги и присели в глубоком реверансе.

— Мой будущий супруг пришел навестить даму своего сердца, — кокетливо объяснила Анна удивленной провинциалке.

— О, простите, моя леди! — громко шепнула мисс Нортон, обернулась к дверям и застыла в реверансе.

Глава 7

Поздним вечером того же дня, уже готовая отойти ко сну, Альенора получила записку от своего отца, в которой тот в строгом приказном тоне попросил ее тотчас прийти в его покои. Но строки отца ничуть не испугали опьяненную успехом девушку, и она лишь иронично усмехнулась, закуталась в свой широкий бархатный плащ и направилась за слугой лорда Нортон, через которого тот послал дочери записку. Вскоре, пройдя извилистые тайные коридоры, Альенора предстала перед очами своего родителя, хмурого, как осеннее небо.

— Ах, отец, только умоляю, не тратьте на меня свои нравоучения! — было первым, что услышал из уст дочери лорд Нортон.

Альенора ворвалась в покои отца смело и гордо. Она не имела намерений ничего объяснять и уж точно не собиралась искать себе оправданий. Пусть отец говорит, что только пожелает, пусть упрасивает или умоляет ее вернуться под защиту родного замка и крыло матери, пусть грозиться выдать ее замуж, в случае ее непослушания! Никакая сила на свете, даже сам Господь Бог не сумеет изгнать ее из стен дворца и общества прекрасной и неповторимой леди Болейн!

Пройдя в покои, девушка вольготно устроилась в кресле у зажженного камина и протянула ноги к огню, чтобы согреть их: несмотря на последний весенний месяц, царствующий за окном, во дворце было холодно, и требовалось немало поленьев, чтобы обогреть его высокие своды и огромные залы. Как кстати, что в покоях лорда Нортон можно было погреться! Ведь, кажется, покои, которые получила от Анны Альенора, долгое время стояли пустыми, а оттого воздух в них был ледяным и пропитанным сыростью, большой же камин, украшающий покои, должно быть, просто или нарочно затопить забыли.

— Дочь моя, увидеть тебя здесь было самым последним, на что я когда-либо надеялся, — устало сказал лорд Нортон, плотно закрыв двери. Затем, подойдя к дочери, он встал у камина, чтобы смотреть в

лицо Альеноры, и тихо добавил: — Зачем ты здесь? Неужели тебе мало той власти, которой ты обладаешь в нашем замке?

— О какой власти вы говорите, отец? Я не ищу здесь ни власти, ни признания, ни повода для гордости, — пожала плечами ничуть не смущенная Альенора. — Я всего лишь исполнила свою мечту. Мечту, о которой ни вы, ни матушка никогда не спрашивали меня.

— И в чем же твоя мечта? — покачал головой ее отец. — Мне доложили о том, как ты увиваешься за вниманием и милостью Анны Болейн. Это ли твоя мечта, ангел мой? Быть прислужницей этой искусительницы? Наглой соблазнительницы, ради которой наш король впал в море греха?

— Думаю, Анне было бы в радость услышать, как вы отзываетесь от ней, отец. Именно такой она и желает быть в глазах своих поданных: распутницей и коварной нимфой, — усмехнулась Альенора, но улыбка на ее лице тотчас сменилась серьезностью. — На вашем месте, дорогой отец, я помнила бы о том, что стало с вашим другом сэром Гизом...

— Всевышний, как я дожил до этого горького дня? Моя собственная дочь угрожает мне! — вскинул руки к небу лорд Нортон и устало опустил на стоящий рядом стул.

Выражение страдания и мук на лице отца заставили Альенору смягчиться, и, чтобы дать ему понять, что она не гневается, девушка подошла к лорду Нортону, опустилась перед ним на колени и взяла его ладонь в свою.

— Ах, ну, что вы себе придумали! Угрожаю! Полно вам, отец! — Она поцеловала ладонь родителя и заглянула в его полные тоски и боли глаза. — Никогда и ни за что я не брошу вам ни одной угрозы! Я просто напоминаю вам о том, что с именем Анны лучше не играть, ведь одно лишь ее слово заставит Генриха перевернуть целый мир, вам ведь и самому это известно.

— Ты не должна быть здесь... Альенора, моя птичка, тебе нужно вернуться к матери. Что она будет делать без тебя? — грустно улыбнулся лорд Нортон, потрепав дочь по щеке. — Теперь, когда Филип ждет нас всех в Царстве Небесном, а Бригида собирается принять подстриг, у твоей матери не осталось никого, кроме тебя. Что, если она вновь поддастся уловкам Дьявола и пожелает лишиться себя жизни?

— Прошу, не пытайтесь призвать меня к ответу за ее грехи. Я вольная птица, отец, у меня имеются свои мечты и цели. Я не желаю всю жизнь прозябать там, где для меня нет ни радости, ни отрады, — недовольно сказала на это Альенора.

— Что ж, свою мечту ты осуществила. Но теперь поведай мне: какова твоя цель? Только не лги мне, дитя мое, это страшный грех, — вкрадчивым тоном спросил лорд Нортона. Он прекрасно знал свою дочь и о том, каким честолюбием она отличалась с самого детства, и ему необходимо было узнать о планах Альеноры, чтобы вовремя остановить ее глупости или помочь ей не попасть в искусную ловушку.

— Цель? Вы, правда, хотите знать? — На губах Альеноры появилась загадочная улыбка. — Так вот, мой дорогой отец, знайте же, что ваша дочь стремиться разбивать мужские сердца!

— Ах, ангел мой, ну и к чему тебе это? Неужели тебе не хватает того поклонения, которым ты уже владеешь?

— Разве восхищение глупцов и бедняков стоит принимать во внимание? Провинциальные холостяки? Женатые толстые соседи? Вот нашли же достойных поклонников! — залилась смехом девушка.

— Лишь один мужчина достоин твоего внимания, и этот мужчина — ни больше, ни меньше сам король Англии, не правда ли? — прищурился лорд Нортона, и все его существо пронзил холод.

— Король? Бросьте, отец, я ведь не настолько глупа, чтобы идти против Анны и всего ее семейства, — посерьезнела Альенора. — К тому же, он даже не взглянул на меня. Ни когда я прибыла, ни когда я танцевала, ни когда смеялась.

— А если так случится, что он проявит к тебе не только внимание, но и вдруг вспыхнет к тебе чувствами, как он когда-то вспыхнул к Анне Болейн? — допытывался ее отец. — Будешь ты противиться? Скроешься? Или же возьмешь в свои ладони огонь и будешь пытаться приручить его? Позволь дать тебе мудрый совет, моя птичка: Генрих и есть огонь, но огонь дикий и яростный, и никто и никогда не приручит его.

— У Анны это уже получилось, отец. Разве вы не заметили, каким взглядом он смотрит на нее? Разве не... — начала было девушка.

— Альенора! — вдруг строго перебил ее лорд Нортона и с силой сжал ее ладонь. — Даже не вздумай играть с ним! Не вздумай мнить себя лихой наездницей, которая с легкостью объедет строптивного

жеребца! Генрих своенравен, а смена его настроения опасна! Сегодня он улыбается и светится счастьем, а завтра без колебаний приказывает пытаться негодных ему людей! Ты еще юна и мало что понимаешь, но я прожил в этом проклятом дворце немало лет, и говорю тебе, дочь моя: берегись своих желаний!

Строгий тон отца и его вдруг побледневшее лицо заставили Альтенору нахмуриться: таким она видела его впервые, и то, что она сейчас видела, было ей не по нраву. Она гордо приподняла подбородок и взглянула прямо в глаза своего отца.

— Мне жаль, что вы считаете меня подобной Анне. Анна прекрасна, и я боготворю ее, но быть содержанкой короля, держать его на привязи и охранять от других волчиц — не для меня. Моя цель, отец, упиваться страданиями мужчин. И, не бойтесь, я знаю свое место! Я наиграюсь вволю и найду себе постоянную гавань в виде необычайно богатого молодого и красивого лорда с высоким титулом, — ледяным тоном сказала девушка.

— Игры с сердцами опасны, моя дорогая. Порой они приводят к позору и гибели всего рода, — заметил лорд Нортон. Холодность дочери расстроила его, но он не желал поддаваться своим чувствам. Он желал защитить свое единственное дитя любой ценой, пусть сама Альтенора не понимала и не желала принять эту его защиту. И в этот самый миг лорд Нортон осознал, что сам взрастил в дочери непослушание и чрезмерную гордость. Альтенора всегда была его любимицей, никогда не слышала от него слова: «нет» и получала все самое лучшее, дорогое и роскошное. Лорд Нортон никогда не задумывался о том, куда приведет их такое положение дел, и сейчас пожинал то, что посеял: его дочь, не спросив его разрешения, своевольно покинула отцовский замок, прибыла в королевский дворец и наивно рассуждала о вещах, недоступных ее женскому молодому избалованному разуму.

— Доверьтесь мне, отец. Разве я хоть когда-нибудь позорила ваше имя? — примиряющим тоном сказала Альтенора, вдруг осознав правоту отца. Ведь, что она знает о дворе? Письма отца были достоверной информацией, но девушка понимала, что есть вещи, о которых он писать был не вправе, о которых даже упоминать было опасно. Должно быть, ненарасно он так взволнован и огорчен ее появлением.

— Никогда, душа моя. Ты моя радость и моя жизнь. — Голос лорда Нортон дрогнул, а на глаза навернулись слезы. — Если с тобой что-то случится... Я не переживу... И твоя мать не переживет... Я умоляю тебя, мой ангел, моя любовь: принеси Анне свои извинения и поезжай домой. Только там ты будешь в безопасности.

— Мне жаль расстраивать вас, отец, но я никуда не поеду. Мое место здесь. И, раз вы так беспокоитесь за мою жизнь, прошу, будьте моим союзником и защитником. Здесь, во дворце. Даже если мое присутствие здесь причиняет вам боль, — тихо попросила девушка и вновь поцеловала ладонь отца. Но на лице лорда Нортон появилось даже намека на улыбку, и Альенора продолжила: — Король, его внимание, его любовь и богатство мне не нужны, клянусь вам чистотой Девы Марии. Она свидетельница того, что я не ношу в своем сердце планов соблазнить Генриха и отобрать его у Анны. Честно вам признаюсь, что для меня Анна выше даже самого короля, она подобна ангелу, до которого не дотянуться. Я не могу и не желаю причинить ей или вам боль.

— Даже если ты захочешь это сделать, дочь моя, она не допустит этого. Ее когти и когти всех Болейнов сидят глубоко в теле Генриха, и они не потерпят конкуренции. Пока Анна затуманивает разум нашего короля своей терпкой сладостью, ее брат Джордж нашептывает ему на ухо то, что выгодно Болейнам. Они настолько всемогущи, что даже я боюсь перейти им дорогу. Мне приходится улыбаться им, хоть в душе я молюсь, чтобы Отец наш Всевышний исцелил нашего короля от их темных чар, и надеюсь, что в Аду для них уже приготовлен котел, полный огня.

— Отец, неужели вы так верны тому, кто не пощадил ваших чувств и не отпустил вас на похороны единственного сына? — тихо спросила Альенора. В этот момент она чувствовала к королю отвращение. И как только леди Болейн могла любить такого жестокого и самовлюбленного мужчину?

— Дела королевства важнее наших личных потерь... Так он сказал. И я с ним согласен, — ответил на это лорд Нортон, и это напоминание, словно ледяная ладонь, сжало его отцовское сердце. Он смахнул с ресниц слезы, потрепал дочь по щеке и, наклонившись к ее уху, едва слышно сказал: — Хорошо, ангел мой. Я подчинюсь твоей воле. Только помни о том, что Болейны — наши враги. Не только

наши, но и всей Англии. Они думают, что держат Генриха в своих руках, но все это может измениться в один миг. Вот увидишь, дочь моя, придет тот день, когда Болейны падут. Твое восхищение Анной мне понятно: она умеет очаровывать. Но, Альенора, пока она командует сердцем короля, не смей пробовать на нем свои чары... Пообещай мне это, ангел мой, и я буду самым близким твоим союзником и самой надежной твоей защитой.

— Отец, мой дорогой добрый отец! Обещаю, что всегда буду помнить свое место и что ни один красавец не сможет заставить меня опозорить вас! Анной я восхищаюсь, но никогда не забуду того, на что она способна! — с чувством прошептала Альенора и обняла отца за шею. Ее душа ликовала: ей удалось сломить сопротивление отца! Он более не сердится и даже готов поддерживать ее! Какое счастье!

Альенора возвращалась в свои покои с довольной улыбкой на лице. Она уже предвкушала завтрашний день: Анна затеяла бал-маскарад! А ее маскарады славятся роскошью и веселием! Будут танцы, музыка, несметное количество гостей, вкусные угощения и много вина!

«Но, Боже, как же я устала! Уверена: я засну тотчас, как только моя голова коснется подушки» — подумала девушка, но, зайдя в свою комнату, вдруг с удивлением обнаружила что холод в ней уступил место приятному теплу и треску горящих в камине поленьев.

— А вот и вы, мисс Нортон. — Послышался тихий вкрадчивый голос, заставивший Альенору вздрогнуть от неожиданности, и лишь тогда девушка увидела незваную гостью, вольготно расположившуюся в мягком кресле у камина, с кубком в руках. — Не нужно реверанса. Подойдите и присядьте рядом со мной. — Анна мило улыбнулась своей фрейлине и указала своей тонкой изящной ладонью на соседнее пустующее кресло. — Знаю, час поздний, и нам следует отдыхать, но я не сомкну глаз до тех пор, пока не побеседую с вами.

Глава 8

Альенора на миг застыла, не зная, что ответить. Она была наслышана о непростом характере Анны и уже успела увидеть, как та обращается со своими фрейлинами, поэтому неожиданное появление леди несколько напугало ее.

О чем Анне требуется побеседовать с ней? Что такого занятного она, провинциальная мисс Нортон, может поведать той, что столько времени провела при дворе и владела сердцем самого Его Величества? А вдруг она явилась угрожать? Вдруг лорд Нортон прав, и Анна видит в ней соперницу?

— Не робейте так, дитя мое, — тепло улыбнулась Анна девушке, видя, что та колеблется. — Знаю, о моей особе ходят разные слухи, но большинство из них — грязная ложь, созданная с целью очернить мое имя и нашу с Его Величеством светлую и чистую любовь. Садитесь же, мисс Нортон, и мы обговорим завтрашний бал-маскарад. Мне интересно будет узнать ваше мнение о моих маленьких затеях.

«Ах, маскарад! Всего-то! Но какая честь!» — с облегчением в душе, подумала Альенора и села рядом с Анной, как та и велела. На девушке все еще был плащ, а под ним ночное платье. Леди Болейн окинула Альенору пристальным взглядом, но вновь улыбнулась.

— Должно быть, вы навещали вашего отца? — ласковым тоном спросила Анна и пригубила кубок с вином.

— Так и есть, моя леди, — стараясь не выдавать голосом свое волнение, ответила Альенора.

И откуда только Анне было известно о том, где она только что была? Неужели леди уже начала за ней слежку?

— И что же ваш отец? Предупреждал вас обо мне, жестокой и злой? — Анна поднялась с кресла, взяла стоящий на камине серебряный кубок, который, поняла Альенора, был принесен самой леди, и щедро наполнила его красным вином, также стоявшем на камине в большом серебряном кувшине, украшенном гербом Тюдоров.

— О, нет, моя леди, о вас он не сказал ни слова, — солгала мисс Нортон, вдруг наполнившись страхом за жизнь и благосостояние

своего отца. — Он всего лишь предупредил меня о соблазнах дворца и дал мудрый совет не играть с мужскими сердцами.

— Но ведь это так занятно! Ваша жизнь без этого будет скучна! — тихо рассмеялась Анна. Ее смех напоминал звон колокольчиков и был приятен слуху, а ее красивая стройная фигура и грациозные движения заставляли Альенору не отрывать от нее восхищенного взгляда.

Именно такой должна быть настоящая леди! Стройная, как тростинка, озорная, как ветер, и мудрая, как сова. И пусть лицо леди Болейн не было таким уж красивым, в глазах Альеноры она была самой прекрасной женщиной в мире, и даже Бригида померкла в ее глазах, ибо блеск и роскошь Анны ослепляли. К тому же теперь Бригида была навсегда потеряна: приняв подстриг и посвятив себя служению Господу, жизнь вне монастыря для нее умерла, но ей, Альеноре, нужно было жить дальше. Жить и наслаждаться этой жизнью, что она и была намерена делать, полная девичьей энергии, молодой горячей крови и грандиозных стремлений.

— Надеюсь, вы дали вашему строгому отцу отпор и сказали, что он не может лишить вас такого наслаждения, как слезы и стенания влюбленных поклонников? — Анна протянула кубок с вином Альеноре и та, покрывшись румянцем от такой чести, с благодарностью приняла его.

Анна вела себя так непринужденно, так приветливо, словно они были давними подругами.

— Увы, мне пришлось дать отцу слово, что я буду осторожна в этой игре, — усмехнулась Альенора. — Видите ли, он весьма дорожит своей репутацией.

— Но разве существует при дворе хоть кто-то, кто ей не дорожит? — пожала плечами Анна и, широко улыбнувшись, подняла свой кубок. — За вас, мисс Нортон! За вашу новую, полную веселья и флирта жизнь при самом богатом и великом дворе во всей Европе!

Девушки сделали по глотку. Горло Альеноры прожгла горечь: вино было очень крепким, намного крепче того, что подавали к столу в замке Нортонов. Ей хотелось раскашляться, но она помнила о том, что это было бы весьма оскорбительно для Анны. Поэтому Альенора подавила в себе кашель и лишь слегка прочистила горло.

— Какое великолепное вино, моя леди. Я никогда не пробовала такого вкусного, — фальшиво улыбнулась Альенора.

— Отныне вы будете пить его каждый день, мисс Нортон, — улыбнулась ей в ответ леди Болейн. — А как помогает оно в азартном флирте!

— Боюсь, обещание, данное мною моему отцу, связывает меня по рукам и ногам, — вздохнула мисс Нортон и вновь сделала глоток вина, правда, совсем маленький.

— Как жаль, потому что я желала попросить вас об одной крошечной услуге, — невинным тоном бросила Анна, и сердце Альеноры тотчас забилося, как дикая птица в клетке.

— О, моя леди... Я обещала быть верной вашей слугой, и я выполню любую вашу просьбу, даже, если она огорчит моего бедного отца, — мягко сказала Альенора, боясь, что Анна разозлилась на ее глупые обещания отцу.

— В моей просьбе не будет ничего такого, за что бы вашему отцу пришлось краснеть. Ничего такого, что могло бы смутить его. Флирт, но совершенно невинный, — ангельским голосом сказала леди Болейн и устремила на свою фрейлину пронзительный цепкий взгляд, ожидая ее реакции.

— Флирт, моя леди? — удивленно переспросила Альенора.

— Флирт, — склонив голову на бок, повторила Анна. — С испанским посланцем.

— Но разве испанцы не разгневаны на Англию? Их испанская принцесса оказалась лгуньей, но они все же рьяно защищают ее и утверждают, что английский престол принадлежит ей! И один из них приглашен в ваш дворец? — недоумевала мисс Нортон.

— Конечно, приглашен. И, конечно, вы очаруете и влюбите его в себя, — улыбнулась Анна, довольная истинным возмущением в голосе юной фрейлины. — Вы заставите его рассказывать вас обо всем, что задумывает эта испанская самозванка-королева, а затем будете докладывать мне. Вы поклялись мне в верности, и я приняла вашу клятву очень близко к сердцу.... Не разочаруйте меня, мисс Нортон, — И, словно поняв, что зашла слишком далеко, мисс Болейн мягко добавила: — У меня много врагов, и, без верных союзников, мне с ними не справиться. Если они погубят меня, Англия вернется под влияние Испании и Папы Римского, этого ложного посредника между Господом и людьми.

— Я сделаю все, что вы прикажете мне, леди Болейн, — вновь пообещала Альенора и, не понимая, что делает, протянула руку и накрыла смуглую ладонь своего идола своей. — Этот испанец падет к моим ногам уже завтра, и уже к полуночи я смогу рассказать о том, что выведу у него.

— Вы прелестная девушка, мисс Нортон... Альенора... Могу я называть вас так? — Анна судорожно сжала ладонь фрейлины своей. В этот момент она чувствовала себя одинокой и ранимой, затравленным в угол зверем, но эта юная красавица и ее преданность стали той искрой, что вновь зажгли в возлюбленной короля костер самоуверенности и гордости. А эта маленькая блондинка с голубыми глазами не отличается робостью! Напротив! Смелая и готовая на все ради своей будущей королевы! Именно в такой помощнице Анна и нуждалась. И завтра, если Альенора докажет свою преданность и смекалку, решила леди Болейн, эта фрейлина станет одной из самых близких ее приближенных.

— Вы можете называть меня, как вам угодно, моя леди, — улыбнулась Альенора, польщенная просьбой самой леди Болейн. — Проживая свои дни вдали от Лондона и вас, я существовала лишь мечтами о том, что когда-нибудь вы подарите мне честь служить вам. И вот, я здесь, в вашем распоряжении. Пусть я всего лишь провинциальная девушка и не ровня другим вашим фрейлинам, но, что такое флирт, мне известно.

— Другие мои фрейлины, моя дорогая Альенора, всего лишь дурочки, от которых трудно чего-либо добиться... Но я все равно люблю их. Они мои преданные кошечки, любящие ластиться у ног хозяйки, — довольно произнесла Анна и ласково похлопала Альенору по щеке. — Когда я услышала о вашем рвении служить мне, я тотчас написала вам письмо, и, Господь да будет мне свидетелем, я рада, что вы прибыли.

— Вам рассказали обо мне, моя леди? Кто? — Лишь сейчас Альенора задалась этим вопросом. Кого она должна поблагодарить за протекцию?

— Вам важно знать, моя дорогая? — Анна пригубила вино, но, видя нетерпение на лице фрейлины, тихо рассмеялась и добавила: — Вам стоит поблагодарить вашего отца. На одном из пиров он слишком увлекся вином и, в нашей с ней недолгой, но приятной беседе

похвалился вами. О, сколько прекрасных слов я услышала о вас, Альенора! Вы прекрасна, как весеннее солнце, весела, как радуга, и добра, как пчела, приносящая людям мед. Таких фрейлин мне как раз и не хватало. К тому же лорд Нортон уверил меня в том, что вы презираете старую испанку и открыто симпатизируете моей скромной особе.

Конечно, Анна не сказала мисс Нортон о том, что пригласила ее в свою свиту для того, чтобы держать приручить и держать в узде лорда Нортонна, советника своего возлюбленного короля Генриха. Теперь-то этот старый лис склонится перед Болейнами, как хилая сосна под зимним ураганом. Однако, несмотря на свои замыслы и первое недоверие, леди Болейн поняла, что Альенора ей нравится. В этой юной беловолосой красавице леди Болейн видела себя. Отныне она не имела намерения сделать мисс Нортон своей собачонкой, но желала ее искренней и верной дружбы. Окруженная льстецами и поклонниками, Анна чувствовала себя уязвленной, но, сидя здесь, в этих довольно тесных покоях новоприбывшей провинциальной фрейлины, она вдруг ощутила себя дома, а это теплое волшебное чувство она не испытывала уже очень давно. Даже ее старшая сестра Мэри перестала радовать и поддерживать ее из любви, но делала это лишь потому, что так было выгодно Болейнам, и по приказу их властного дяди, толкнувшего обеих сестер в объятия короля.

«Мой отец? Нет, не буду говорить ему об этом, ведь он вырвет все волосы на своей голове!» — улыбнувшись, решила для себя Альенора и, вдруг заметив, как фамиллярно ее ладонь находится в ладони леди Болейн, поспешно принесла свои извинения и покраснела, как яблоко на солнце.

Однако Анна лишь очаровательно улыбнулась, допила свое вино, поднялась с кресла и, направившись к двери, жизнерадостно сказала мисс Нортон:

— Завтра, на маскарад, наденьте лучшее ваше платье. У вас прелестный вкус, и я не сомневаюсь в том, что ваша небольшая игра с испанским послом принесет нам плоды. Но знайте же, что этот мужчина женат, и в Испании его ждут супруга и трое детей... — Анна потянула на себя дверь, но затем бросила на Альенору озорной взгляд. — Но говорят, он не прочь побегать за юбками английских

дам. — Ее лицо вдруг стало серьезным. — Мне нужна эта информация, Альенора. Прошу, не подведите меня.

— Вы можете рассчитывать на меня, моя леди. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы принести вам эти желанные фрукты, — пообещала Альенора, встав с кресла и присев в глубоком реверансе.

— Доброй ночи, Альенора.

— Доброй ночи, моя леди!

Когда дверь за Анной закрылась, мисс Нортон, не верящая своему счастью, прикрыла рот ладонью и тихо закричала от радости.

Разве это возможно? Анна была в ее покоях! Держала ее руку! Попросила о просьбе! Анна доверяет ей!

Альенора и не мечтала о таком скором сближении со своим идолом. Завтра она покажет, на что способна. У нее нет права оконфузиться и не сдержать своего слова, данное леди Болейн.

«Испанский посол! Сударь, вы падете к моим ногам! Вы влюбитесь в меня так сильно, что ни ваша супруга, ни ваши дети, ни ваша распрекрасная Екатерина не смогут удержать вас от предательства!» — злорадно подумала Альенора, укладываясь в постель.

Несмотря на волнения и передраги первого дня пребывания при дворе, мисс Нортон спала глубоким спокойным сном, и служанке Мэри даже пришлось похлопать ее по щекам, чтобы та покинула плен Морфея.

— Скоро завтрак! Чего разлеглись тут? — грубовато проворчала Мэри, резким движением отбросив от заспанной мисс ее толстое мягкое одеяло.

— Еще рано, Молли... Скажи моей матери, чтобы завтракала без меня, — не раскрывая глаз, тихо сказала Альенора. В своих снах она видела свой дом и свой любимый сад, и сейчас, сонная, посчитала, что дворец, Анна и задание с испанским послом были всего лишь прекрасными ночными мечтаниями.

— Ага, а как же! — прыснула от смеха Мэри. — Как только леди Болейн не называли, но «матерью» впервые!

— Леди Болейн? Боже мой... Боже мой! — тотчас встрепенулась Альенора и вскочила с кровати. — Я проспала! Она рассердится! Молли... Мэри! Неси воду! Мне нужно умыться!

— Да вы не бегайте так, мисс. Леди все еще в своих покоях, одевается. Вам повезло, что вас не обязали одевать нашу леди. Она встает рано, а фрейлины, которые ее одевают, еще раньше.

— Но эта такая честь! Я не отказалась бы от нее! — Альенора не знала, что делать и за что хвататься. Времени на сборы было мало. К тому же она должна блистать! Мэри нужно из кожи вон вылезти, но нарядить ее раньше того, как леди Анна спуститься к завтраку! — И кто же те счастливицы, что имеют радость помогать нашей леди с утренним туалетом?

— Мисс Дэшвуд, мисс Тумбри и мисс Клер, — бросила Мэри. — Вода вон там, стоит уже. Умывайтесь побыстрее, да я вас причешу.

Ловкие руки Мэри дали Аленоре возможность выйти из своих покоев уже совсем скоро. Одета в прекрасное василькового цвета платье, украшенное богатой вышивкой и серебром, мисс Нортон осторожно поправляла на голове прелестный французский чепец и молилась, чтобы Анна не узнала о том, что ее новая фрейлина едва не проспала такое важное событие, как королевский завтрак.

Приподняв юбки, Аленора быстро преодолевала один пролет широкой лестницы за другим, а затем почти бегом направилась по широкому светлому коридору в обеденный зал. Она не обращала внимания ни на кого и ни на что. Вслед ей летели шутки и комплименты, но она оставалась глуха к ним.

— Мне очень жаль видеть вас здесь, мисс Нортон. Очень жаль.

Этот знакомый голос был единственным, что заставило Аленору остановиться. И, обернувшись, она насмешливо улыбнулась, сделала глубокий реверанс и сладким голосом ответила:

— А мне жаль видеть здесь вас, сэр. Ведь вам здесь уж точно не место.

Глава 9

Сэр Уолш, одетый в нарядный серый костюм, выглядел еще краше, чем в тот день, когда Альенора увидела его впервые. Но на лице темноволосого красавца читалось неодобрение, а глаза горели презрением. Он желал бы позабыть эту наивную неразумную девушку, так открыто боготворящую леди Болейн, которая изгнала из дворца законную королеву, но ее прелестное белое лицо не покидало его снов, а ее голубые глаза преследовали его повсюду, куда бы он ни шел. С тех пор, как он познакомился с сестрой своего погибшего друга Филипа, ни одна придворная красавица не привлекала его, ни одна женщина, в его глазах, не могла сравниться с дерзкой мисс Нортон.

И почему именно эта неразумная девица так запала в его память? Что в ней такого? Красота? Красивых дам много. Строптивость? Кому нравятся строптивые женщины? Разве что глупцу Генриху, который повелся за «недоступной юбкой» искусницы Анны Болейн. Говорят, мужчины любят азарт и опасные игры с противоположным полом, но сэр Уолш не был одним из них, и поэтому недоумевал, что такого было в мисс Нортон, чем она смогла так увлечь его.

Сэр Уолш был неприятно удивлен, когда, неторопливо направляясь к завтраку, увидел мисс Нортон, торопливо прошедшую мимо него и даже не одарившую его взглядом. Но, Господь свидетель, как интригует эта девушка! Как удачно подчеркивает это платье ее глаза! И все же, пусть бы она оставалась в отцовском замке и не рисковала своим душевным покоем... И не смущала покой сэра Уолша.

— Я советник короля, мисс, и это моя обязанность и честь служить королю, — холодно бросил сэр Уолш, смотря на мисс Нортон с высока своего роста. Ее острый язычок заставил его пожалеть о том, что он заговорил с ней. Но отступить было поздно. В следующий раз он будет мудрее и не скажет девице ни слова, как бы сильно ему не хотелось услышать ее голос.

— А я фрейлина леди Болейн, сэр, и мое место рядом с ней, — гордо приподняла подбородок Альенора. Несмотря на то, что она не могла позабыть его лицо, в данный момент этот мужчина отталкивал ее, как никогда. Посмел обратиться к ней на глазах у десятков

придворных сплетников! Ему жаль видеть ее во дворце! Ха! Жалкий ничтожный человек! Каким бы богатым ни был его костюм, и каким бы героическим прошлым ни обладал этот воин Англии, душа его была мелкой и темной, считала Альенора. Нужно раз и навсегда дать ему понять, что у нее нет никакого желания беседовать с ним. Он просто-напросто не достоин беседовать с ней, этот узколобый сноб и поклонник изгнанной из сердца Генриха Екатерины Арагонской. И как только он смеет находиться в этом дворце и смотреть в глаза короля? А может, королю не известны истинные мысли своего молодого советника насчет его возлюбленной невесты леди Болейн? Должно быть, он льстит Его Величеству, а за его спиной распускает ложные грязные слухи об Анне! Если это так, пусть побережется, ведь, узнай об этом король, сэр Уолш будет наказан: возможно, не только ссылкой, но и лишением головы.

— Я помню о том, насколько вы восхищены леди Болейн, мисс... — начал было сэр Уолш, желая намекнуть девушке о том, что она прибыла не в самый подходящий момент, но мисс Нортон решительно оборвала его.

— Именно, сэр. Поэтому вы будете видеть меня здесь каждый день. Хорошего вам дня, сэр! — Альенора сделала едва заметный реверанс и, насмешливо усмехаясь, довольная собой, направилась дальше.

«Сэр Нортон лишился разума! Не он ли уверял меня в том, что не желает того, чтобы его дочь прислуживала Анне? Нужно встретиться с ним... Эта ледяная снежинка не создана для пламени придворных интриг, и, боюсь, совсем скоро она пожалеет о том, что ввязалась во всю эту грязь» — с неприязнью подумал сэр Уолш, провожая мисс Нортон пристальным взглядом, и, не желая терять времени, решил тотчас найти лорда Нортон.

Лорд Нортон имел привычку опаздывать к завтраку, однако король милостиво прощал ему эту небольшую наглость, зная, что его верный слуга с самого рассвета занимается деловыми бумагами и не может остановиться, пока не изучит каждую. Этим обстоятельством сэр Уолш и воспользовался, даже зная, что, возможно, Его Величество поинтересуется причиной его опоздания к столу. То, что было позволительно лорду Нортону, не было позволительно другим

советникам престола, однако сэр Уолш готов был рискнуть и, вместо трапезной, направился в кабинет сэра Нортон.

Как обычно, лорд Нортон был на месте и скрупулезно изучал одно из писем из Европы, но он был не против приятной беседы, поэтому, отложив бумагу, приветливо улыбнулся и указал гостю на пустой стул. Сэр Уолш посчитал невежливым начать разговор о мисс Нортон так сразу, поэтому сперва завел беседу о последних событиях при французском дворе (одна из любовниц французского короля родила ему двойню, которую он не признал, что привело к большому скандалу) и лишь потом осторожно сказал:

— Я только что встретил вашу дочь. Кажется, она направлялась к завтраку. Не знал, что вы все-таки разрешили ей приехать.

— Если бы! Эта бунтарка явилась без моего ведома. Ее пригласила леди Болейн, а моя дочь весьма очарована этой особой, — так же осторожно ответил лорд Нортон. Лишь при одном упоминании об Альеноре улыбка на его лице исчезла.

Он был мудрым человеком и взвешивал каждое слово. Ведь кто знает, какие умыслы таит его собеседник? Сэр Уолш весьма твердо заявлял, что не одобряет отношения леди Болейн и Его Величества, но что, если все это было лишь игрой, ширмой? При дворе можно доверять лишь одному человеку — самому себе.

— И когда прибыла мисс Нортон? — вновь задал вопрос сэр Уолш.

— Вчера, сэр. Разве вы не видели ее в свите леди Болейн? — удивленно поднял брови лорд Нортон. И почему Леонард спрашивает об Альеноре? Он ведь почти не знаком с ней.

— Весь вчерашний день меня не было в Лондоне. Я отсутствовал по поручению короля, — ответил сэр Уолш и, понимая скептицизм собеседника, мягко улыбнулся и добавил: — Знаю, мой интерес к вашей дочери, должно быть, вызывает у вас недоумение. Однако, должен сказать, пусть я имел честь побывать в обществе мисс Нортон лишь однажды и совсем недолго, я интересуюсь ее судьбой потому, что она дорога мне, как сестра моего хорошего друга Филипа.

Леонард слукавил: то, что Альенора не покидала его мыслей, он утаил, чтобы лорд Нортон не придумал себе что-нибудь неверное.

— Моя дочь всегда добивается своего... Она умоляла меня похлопотать за нее перед леди Болейн, но я отказывал ей в этом,

надеялся, что рано или поздно она поймет, что здесь ее не ждет ничего хорошего. Тайны, интриги, чужие замыслы, заточенные и спрятанные за спиной ножи... Я не желал, чтобы мое дитя окружал этот мрак. Ее приезд стал для меня... — Сэр Нортон глубоко вздохнул и не закончил фразы. — Но она умная девушка, моя Альенора. Она дала мне обещание быть осторожной. К тому же она находится под моей протекцией. И вы, сэр, если увидите, что ей грозит опасность или злостная сплетня, прошу вас, вмешайтесь... Как вы знаете, я почти не выхожу из своего кабинета и не могу наблюдать за действиями моей дочери...

— Даю вам мое обещание, сэр, что также беру мисс Нортон под свою протекцию, — мягко перебил его сэр Леонард. — Упрямство вашей прекрасной дочери мне знакомо.

— Не только упрямство, сэр, но и гордость.

— На вашем месте, сэр Нортон, я задумался бы над тем, чтобы подыскать вашей дочери надежного супруга. Брак еще никому не вредил, а рождение детей обычно отбивает у женщин охоту жить среди змей и волков.

— Интересное предложение, сэр, — склонил на бок голову лорд Нортон, и в его разуме зародилось подозрение. — Не желаете ли вы сами жениться на ней? Если это так, я, не мешкая, дам вам мое благословение.

— Стать супругом вашей дочери и породниться с вами, сэр, было бы для меня огромной честью, но, боюсь, ваша дочь слишком своенравна и непослушна, — тихо рассмеялся сэр Уолш. Ну, Нортон! Что придумал! Уже и дочь свою пытается за него выдать! — Моей супругой станет девушка добрая и ласковая, которой будут чужды дворец, интриги и чрезмерная гордость.

— Супруга моего сына была именно такой девушкой, сэр... — вдруг вспомнил лорд Нортон, и его сердце наполнилось грустью и болью отца, утратившего сына, первенца. — Она осталась вдовой в таком юном возрасте! И, что еще печальнее, она не понесла от Филипа ребенка... Но она прелестная девушка, как жаль, что вы не успели увидеть ее до того, как она отбыла в Кале. Уверен, познакомившись с ней, вы пожелали бы взять ее в жены. И я был бы не против.

— Но она была супругой вашего сына, — тихо произнес Леонард, удивленный тем, как круто повернула свое русло их занятная беседа.

Он не раз слышал от Филипа о том, какой красавицей и умницей была его жена, но никогда не задумывался об этой особе. Однако в этот раз похвала лорда Нортонна заставила сэра Уолша и правда почувствовать сожаление о том, что он так и не встретился с прекрасной миссис Бригидой Нортон, дочерью сэра Гиза.

— Это не был брак по любви. Я и ее отец принудили ее к брату с Филипом, — честно признался лорд Нортон. — Но Бригида заслуживает любви, как ни одна другая девушка в мире.

— Вернется ли она в Англию, сэр? — любопытно спросил Леонард, заинтригованный этой таинственной девушкой.

— Увы, сэр, после смерти моего сына она решила принять подстриг и стать Невестой Христовой, — тихо промолвил лорд Нортон, но теперь он чувствовал такую сильную душевную боль, что фальшиво улыбнулся и бодро сказал: — Но что-то я отвлекся. Это важный документ, сэр, чрезвычайно важный. Поторопитесь же к завтраку, а если Его Величество спросит, скажите, что это я задержал вас.

Поняв намек, сэр Уолш поднялся со стула, пожелал собеседнику доброго дня и покинул кабинет. Как только звук каблуков сэра Уолша в коридоре затих, лорд Нортон уронил голову на руки и беззвучно зарыдал, шепотом повторяя: «Мой сын! Мой сын!»

Как изменился дворец при леди Болейн! Еще больше света, роскоши, музыкантов и лакомств! Балы ночь напролет, где сама Анна, в отличие от Екатерины Арагонской, покидающей веселье не позднее полуночи, танцевала без усталости и заставляла танцевать своего венценосного возлюбленного. Никто из фрейлин леди Болейн не смел сидеть у стола и наслаждаться многочисленными роскошными яствами: все должны были танцевать, веселиться и радоваться жизни! Танцевать танец за танцем! Король не должен скучать! А когда устраивались маскарады, придворные из кожи вон лезли, чтобы выделиться своим нарядом или найти самую вычурную маску, но, безусловно, Его Величество и леди Болейн всегда единодушно признавались Королем и Королевой бала. Ведь как иначе?

«Я попала в Рай! Именно так и выглядит это место! Ни за что не поверю, что ангелы не веселятся и не танцуют, развлекаая Господа!» — подумала Альенора, в очередной приглашенная на танец довольно

красивым стройным юношей, одним из приближенных Его Величества. Глаза счастливица светились, как золотые монеты на солнце: красота новой фрейлины леди Болейн очаровала многих мужчин, и Альенора безжалостно флиртовала с ними всеми, нарочно не отдавая предпочтение ни одному из них. Пусть ревнуют! Пусть сражаются за ее внимание! Такова уж судьба мужчин — падать к ногам красавиц!

Однако мужчина, которого мисс Нортон получила задание влюбить в себя, так и не появился: оказалось, он был так разгневан на отлучение Екатерины от двора и замене ее Анной, что в последний момент отклонил королевское приглашение на бал-маскарад и отбыл к своей «законной королеве Англии», что весьма разозлило и Анну, и Генриха. Анну — потому что ей необходимы были новые сведения, Генриха — потому что ему так открыто бросили в лицо презрение и неуважение. Этот факт избавил Альенору от обязанности флирта с испанским послом, однако сама девушка даже расстроилась, ведь теперь не могла испробовать на этом гордом испанце свои чары. Когда леди Болейн шепнула ей: «Он не явился. Развлекайтесь, моя дорогая, только, прошу, пощадите моего брата, иначе его женушка устроит ему очередной утомительный скандал», Альенора направилась прямо к одному из придворных красавцев и заявила ему, что он должен повести ее танцевать, что тот, с превеликим удовольствием, сделал.

Мисс Нортон пряталась за изящной позолоченной совиной маской, которую получила в подарок от своей дорогой леди, однако сэр Уолш без труда распознал ее прелестный голосок и неповторимые, полные грации манеры. Он наблюдал за этой девушкой издали, не спуская с нее взгляда, однако она не обращала на него никакого внимания, словно он и вовсе не присутствовал в этом богато украшенном праздничном зале. Несмотря на негативные чувства, которые сэр Уолш испытывал к мисс Нортон, он был восхищен ею и даже желал пригласить ее на танец. Он долго набирался смелости, а когда наконец подошел к девушке и протянул ей ладонь, та кокетливо оттолкнула ее от себя и ласковым тоном заявила, что устала и пока не желает танцевать. Однако уже через мгновение Леонард увидел ее среди танцующих в паре с сэром Джорджем Болейном. Такое открытое пренебрежение вызвало в душе сэра Уолша раздражение, но он лишь криво усмехнулся и пригласил танцевать другую фрейлину леди

Болейн, стройную темноволосую мисс Рейнильду Клер, которая, в отличие от мисс Нортон, приняла его приглашение на танец с радостью и даже восторгом, ведь этот красавец советник короля приглянулся ей еще с того дня, как он попал во дворец. Мисс Клер была бы не против брака с сэром Уолшем, но тот, круглый сирота, не имел отца, с которым смог бы договориться насчет этого союза отец девушки, лорд Клер.

«Следует забыть о мисс Нортон. Вытеснить ее из памяти флиртом... Именно так и сделаю. Мисс Рейнильда весела и довольно мила. Но, говорят, она имела внебрачные отношения с одним из своих кузенов... Возможно, это только сплетни, но я не желал бы запятнать свое имя испорченной репутацией такой невесты. Но флиртовать с ней одно удовольствие. Все равно я не зайду дальше этого» — решил для себя сэр Уолш, наблюдая за своей партнершей и стараясь думать лишь о ней и их танце, но его глаза не слушали приказа разума и устремляли взгляд на мисс Нортон.

«Эта девчонка... Она подарит мне танец! Отказа я не приму!» — вдруг пронеслось в голове у Леонарда, и теперь он с нетерпением дожидался, когда затихнет музыка и можно будет пригласить к танцу беловолосую строптивую красавицу Альенору.

Вскоре музыканты отыграли последние ноты, зал наполнился восторженными аплодисментами, и сэр Уолш заторопился к мисс Нортон. В этот раз она словно ожидала его: она смотрела на то, как он пробирается к ней сквозь толпу и загадочно улыбалась, и от этой улыбки сердце молодого человека забилось быстрее.

— Мисс Нортон, в этот раз я не приму отказа, — прямо сказал сэр Уолш, подойдя к девушке.

— Ваше лицо спрятано под маской, сэр, но я знаю, кто вы. Не вы ли сегодня утром утверждали, что мне здесь не место? К чему тогда сейчас зовете танцевать? — приподняла подбородок Альенора, решив помучить и этого мужчину тоже. Но она будет мучить его не так, как других: не смелым флиртом и загадками, а холодом.

— Я не беру свои слова обратно, мисс, а всего лишь желаю потанцевать с вами. Я уже успел заметить, что вы прелестно двигаетесь в танце, а о такой партнерше мужчина может только мечтать, — примиряющим тоном промолвил Леонард и протянул

девушке ладонь. — Прошу, мисс Нортон, подарите мне честь повести вас в танце.

Альенора мешкала. Ей хотелось бы вновь наказать его и огорчить отказом, но в душе она отчаянно желала принять его предложение... Но, если она согласится на танец с ним, он может подумать, что она равнодушна к нему, а это было бы ужасным заблуждением с его стороны. Но, смотря в серые глаза, видневшиеся в прорези бронзовой маски медведя, она невольно вложила свою ладонь в ладонь сэра Уолша.

— Всего лишь один танец, сэр... — прошептала она.

— Два, — шепнул он.

— Прекрасно... Тогда второй танец выберу я сама...

— Мисс Нортон! Вот вы где! Я повсюду вас ищу! — вдруг услышали молодые люди знакомый женский голос, раздавшийся совсем близко, и рядом с Альенорой появилась леди Болейн. Она одарила сэра Уолша широкой улыбкой, а затем поспешно зашептала что-то на ухо своей фрейлине.

Теплый огонек в глазах мисс Нортон вдруг погас, и ее взгляд, устремленный на сэра Уолша, наполнился сожалением.

Глава 10

— Прошу прощения, сэра, но я должна идти, — тихо сказала Альенора, смотря в серые глаза сэра Уолша.

— Но вы обещали мне танец... Два... — недоуменно начала Леонард, нахмутив брови.

— Мисс Нортон нужна мне, сэра. Она подарит вам эти два танца в другой день. Вы ведь не думаете, что сегодняшнее веселье будет последним? — игриво перебила советника короля леди Болейн. Она успела заметить и колебание на лицах обоих, и то, как крепко и трепетно одновременно те сжимали ладони друг друга. Но Анна не чувствовала ни сожаления, ни вины за то, что нарушила этот волшебный момент, возможно, ставший началом чего-то светлого и прекрасного. Нет: мисс Нортон всегда должна быть в распоряжении своей леди, а ее чувства не так уж важны.

— Пригласите на танец мисс Клер, сэра. Вы так мило смотрите вместе, — сдалась Альенора и отпустила ладонь сэра Уолша.

— Я уже танцевал с ней, мисс, но последую вашему совету, — сухо бросил Леонард девушке и, принеся дамам низкий поклон, повернулся к ним спиной и направился прямо к своей прежней партнерше по танцам, которая даже покраснела от удовольствия, когда тот вновь пригласил ее на танец.

«Глупая и наивная! Анна играет ею, как пешкой, но она так слепа в своем поклонении, что готова была бы предать и своего отца, лишь бы выслужиться перед этой стервой!» — выругался в душе Леонард, оскорбленный поведением мисс Нортон. Забыть о ней и ее существовании! Она уже несколько раз уязвила его мужскую гордость, больше он ей этого не позволит!

— Мужчины... Считают себя самыми разумными созданиями на земле, а так расстраиваются, когда девушка вдруг отказывает им в танце, — насмешливо улыбнулась Анна. — Но, мисс Нортон, поздравляю вас: вот и первое разбитое вами мужское сердце.

— О, не думаю, моя леди, что этот господин так уж сильно грустит. Смотрите, как он улыбается мисс Клер. Да мне и не нужно его сердце. Этот мужчина считает женщин слабыми и глупыми. Мы,

женщины, по его мнению, всегда должны оставаться в тени супруга, отца или брата. Такой поклонник мне не по душе, — мрачно ответила Альенора, нарочно напоминая себе об истинных ценностях сэра Уолша, ведь еще минуту назад она была так очарована им и заморожена его красивыми серыми глазами.

— О, моя дорогая мисс Нортон! — довольно хлопнула в ладоши Анна и, вновь наклонившись к уху своей фрейлины, прошептала: — У меня имеется весьма интересная книга, которую вы просто обязаны прочесть и сказать мне свое мнение. Но, если эту книгу у вас найдут, не выдавайте меня.

— Буду рада прочесть ее, моя леди, — шепотом ответила ей Альенора.

Весь оставшийся вечер Альенора провела, танцуя и беседуя с французским послом, внезапно появившемся на маскараде. Именно он стал причиной невозможности танцев мисс Нортон и сэра Уолша: раз испанский посол посмел не явиться, пусть новая цепкая фрейлина очарует французского. Что сказать, очаровать стройного сорокалетнего мсье Блатона оказалось делом простым: этот мужчина не отличался аскетизмом и верностью своей французской супруге, поэтому был совершенно не против провести вечер в обществе белокурой красавицы мисс Нортон. Эта новая фрейлина возлюбленной английского короля чудо как хороша! Эта обворожительная улыбка, эта нежная белая кожа, эти голубые, как майское небо, глаза! А как дивно она движется в танце! И не запыхалась же, протанцевав столько танцев!

«Уверен: леди Болейн ужасно ревнует. Генрих падок на женскую красоту, а эту Афродиту просто невозможно не заметить даже слепому!» — подумал мсье Блатон, бросив любопытный взгляд на самого короля, находящегося среди танцующих, разумеется, рядом со своей дорогой Анной. Возможное скорое падение королевы Екатерины Арагонской, приближение к королевскому трону Болейнов и страсть, связывающую сладострастника Генриха с девицей Болейн французский посол не считал чем-то серьезным или опасным для Франции и ее короля Франциска. Скоро Генрих остынет к Анне, отошлет жадных Болейнов обратно в глушь, вернет из ссылки свою законную супругу, раскается, получит прощение, и все вернется на круги своя. Ведь Анна была не первой фрейлиной, что вскружила

голову английскому королю: до нее это была Бесси Блаунт, даже родившая от короля сына (и Генрих признал его), а до Бесси в его постели побывали другие придворные красавицы, и даже родная сестра леди Анны, Мэри Болейн. Вскоре Анна Болейн и возвышение ее рода будут в прошлом, а пока мсье Блатон мудро решил приветливо улыбаться Болейнам и терпеливо ждать их падения. В этом мсье Блатон ничем не отличался от большинства придворных и королевских советников, но он не знал, что ошибался: несмотря на красоту мисс Нортон, король Генрих не обращал на нее внимания и был всецело влюблен в свою смуглую темноволосую Анну.

Мисс Нортон заинтриговала пылкого француза, однако тот был слишком умен, чтобы не понять, по какой причине эта юная роза подарила ему едва ли не весь свой вечер, и не говорил ни слова о политике, а на все осторожные вопросы Альеноры отвечал: «К чему беседы о политике в такой дивный час веселья? Поговорим о музыке и поэзии! В этом я разбираюсь намного больше, чем во всех этих скучных придворных интригах».

Альенора как могла выпытывала нужные Анне сведения, но в эту ночь ей не удалось передать своему идолу ни слова. Однако Анна не была рассержена на нерасторопность мисс Нортон: мсье Блатон, этот старый хитрый лис, был не зубам не только новенькой фрейлине, но и самой леди Болейн. Но попытаться разговорить француза свежей юной красотой стоило. Жаль, что эта попытка не увенчалась успехом, но вины Альеноры в этом не было, и, после недолгой секретной беседы, Анна ласково пожелала своей фрейлине доброй ночи и отослала ее спать. Однако мисс Нортон заснула недовольная собой и дала себе слово, что этот проклятый французишка больше никогда ее так не унизит перед Анной, и что с завтрашнего дня она начнет на него самую настоящую охоту.

Но словить хитрого французского посла в свои сети Альеноре удалось лишь спустя неделю, и, напившись, как последний бродяга, и околдованный страстным нашептыванием белокурого ангела, тот выложил ей все, что знал о планах своего короля Франциска.

— Эти жабы! Не признают меня! Как они смеют? Я невеста короля! Он дал мне обещание перед Богом, что женится на мне! — Анна ходила кругами по своим огромным роскошным покоем и

обмахивалась веером: злость на Франциска Первого так разозлила ее сердце, что все ее тело охватил жар. — Что еще сказал этот глупец?

— Франциск и сам Блатон уверены в том, что вы всего лишь игрушка нашего короля. Он сказал, что Генрих бросит вас, когда добьется от вас... — Альянора растерянно остановилась, не решаясь еще больше разгневать Анну.

— Когда уложит меня в постель? — насмешливо бросила Анна, прекрасно поняв, о чем умолчала ее фрейлина. — Генрих знает, что я никогда не отдам ему свое тело, если он не женится на мне! Только после того, как нас назовут мужем и женой! Только после того, как он сделает меня королевой! Мои дети никогда не будут бастардами! — Она откинула от себя веер и подошла к окну. — Я никогда не повторю судьбу моей сестры... Он не желает признать того, что Мэри родила его детей. Моя родная сестра! — громко прошептала леди Болейн, наблюдая за снующими по площади придворными. — Я знаю, они все так думают. Считают, что я сдаюсь, и тогда он охладет ко мне. Многие жалеют Екатерину, говорят, что я предала ее... Но она не выполнила своего предназначения. Более двадцати лет брака с Генрихом, и что? Единственный выживший ребенок, да и то никому не нужная девочка! Королю нужен сын! Наследник и продолжатель рода Тюдоров! И я дам ему сына! Но что-то я слишком разволновалась... — Анна закрыла штору, прошла к креслу и устало опустилась на алую бархатную ткань. — Благодарю тебя, Альянора. Ты хорошо послужила мне, — улыбнулась она своей фрейлине. — Но теперь я попрошу тебя об еще одной услуге: нашепчи этой лягушке Блатону, чтобы он написал своему королю и настоял на том, чтобы тот принял меня, когда я и Генрих посетим Францию. Нам нужна поддержка... Но и Генрих не должен мешкать... Я устала ждать, пока он освободится от своей испанки... Ступай, Альянора, я хочу побыть одна.

— Как скажете, моя леди, — смиренно сказала Альянора и, сделав глубокий реверанс, бесшумно покинула покои.

В душе девушки, как и в душе ее леди, горел яростный костер ненависти к французам, Екатерине и всем глупцам, которые приносили леди Болейн огорчения и считали ее бабочкой-однодневкой. Однако не только врагов Анны она сейчас ненавидела, но и ее возлюбленного: если бы он хотел жениться на леди Болейн, то уже давно бы избавился от Екатерины, которая упрямо и цепко держится за

свой трон и не желает уступить свое место покорно и с достоинством. Вместо того, чтобы принять решение короля и понять свою вину, Екатерина заявляет, что одна была, есть и будет королевой Англии и супругой Генриха... А тот все не может ее усмирить... Ведет себя, как робкий мальчишка! Настоящий мужчина твердо и навсегда избавился бы от такого ненужного тяжкого бремени!

«Сэр Уолш даже не смотрит на меня... Говорят, он и эта пресная мисс Клер скоро поженятся... — вдруг проскользнуло в разуме Альеноры, и ее сердце вдруг пронзила такая боль, что она поморщилась. — Но я дурно поступила с ним... Мне нужно было сперва станцевать с ним, и только потом идти очаровывать мсье Блатона... Но, Господь милосердный, что это со мной? Я не влюблена в него! Влюбиться в этого собственника и невежду было бы мукой! Он обрядил бы меня в монашескую робу и запретил бы флиртовать с другими мужчинами... Пусть женится на мисс Клер! Они друг друга стоят!»

Мольбы леди Болейн были услышаны, и восемнадцатого мая начался официальный бракоразводный процесс, который, к великому сожалению Анны и Генриха, затянулся. Екатерина не собиралась мириться с решением супруга и написала письмо своим испанским и католическим защитникам в Европе. Она была любима английским народом, ее уважали как королеву и самую мудрую из женщин, так какие шансы имела против нее вспыльчивая и острая на язык мисс Анна Болейн, «шлюха короля»?

На первом заседании бракоразводного процесса, который, как рассчитывали Болейны и король, пройдет быстро и безболезненно, Екатерина поставила ход конем: она объявила, что не примет решение английского суда, и единственным, чью волю она примет, был сам Папа Римский Климентий Второй. Оскорбленная до глубины души, гордая испанская принцесса яростно сопротивлялась желанию супруга избавиться от нее, и это сопротивление приводило двух главных зачинщиков этого развода в ярость.

Европа во всем поддерживала Екатерину, ведь всем было очевидно, что Генрих желает избавиться от нее не из вдруг вспыхнувшего в его душе чувства религиозной неправоты (он взял в жены жену брата, а ведь Библия запрещает это), но из эгоистичного и

неслыханного решения жениться на мисс Болейн. Над Генрихом насмехались, его сумасшествие и непреодолимую страсть к молодой юбке поднимали на смех, его поступки обсуждались в каждом европейском замке. Английский народ сочинял об Анне Болейн грязные песни и ненавидел ее. Она была невероятно непопулярна. Казалось, горестям Генриха и Анны не было конца, но они стойко держались и настаивали на своем, в то же время устраивая козни против Екатерины и намеренно очерняя ее имя сплетнями и ложью. Но народ было не обмануть: люди помнили доброту и щедрость Екатерины и признавали своей законной королевой именно ее, отчего ее супруг и его возлюбленная кусали губы и гневались, проклиная упрямство Екатерины Арагонской.

Пролетел год, но развод так и не состоялся. Пролетели два, три. Папа Римский отклонил прошение Генриха на развод с Екатериной, и тот был в отчаянии. Анна, в свою очередь, устала ждать и постоянно напоминала возлюбленному о его клятве жениться на ней и сделать ее королевой. «Я трачу на это ожидание мои молодые годы. Моя молодость проходит, а вы все так и не дали мне того, что обещали!» — с горечью упрекала она Генриха. Эта женщина, которую все знали, как сильную и черствую, искренне жалела о том, что все еще не стала матерью, чего она очень хотела, но она твердо стояла на своем: ее дети не будут королевскими бастардами, и именно ее сын станет следующим королем Англии. Только так и не иначе.

Леди Анна Болейн страдала, и вместе с ней страдала ее верная Альенора.

Мисс Нортон казалось, Тьма не расступится никогда, но это все же случилось, когда ранним свежим июньским утром Альенора получила письмо, которое заставило ее сердце забиться сильнее и увидеть радугу в дождливом грозном небе.

Глава 11

Июнь 1530 года

— Отец, вы только подумайте! Письмо от Бригиды! Первое за три года! — Альенора без стука зашла в кабинет отца, подбежала к столу и положила перед лордом Нортоном расписанное красивым почерком Бригиды письмо, которое было доставлено во дворец лишь четверть часа назад.

Лорд Нортон был не один: он как раз проводил небольшое совещание с сэром Уолшем, с которым за последние три года очень сблизился и которого стал считать своим другом.

— Ангел мой, я занят... Сэр Уолш и я... — начал было лорд Нортон, но Альенора игриво ущипнула его за щеку.

— Вижу, что вы вновь беседуете вместе, отец. Но ведь сэр Уолш не против моего вторжения, не так ли, сэр? — кокетливо обратилась девушка к Леонарду.

— Как я могу быть против, мисс Нортон? Ваше появление озаряет любые комнаты словно свет солнца, — ответил ей тот.

За три года отношения между Альенорой и сэром Уолшем оставались все такими же острыми, но в них появилась сладкая нота флирта, который, однако, со стороны флиртом назвать было трудно: они ругались, мирились, танцевали вместе, танцевали лишь с другими партнерами, не спускали друг с друга взгляда, а затем не желали находиться даже в одном зале. Но эти отношения не двигались вперед, а оставались все в той же стадии непонимания и нежелания принять мнение и ценности друг друга. Но, несмотря на все различия и отсутствие общих интересов и взглядов, эти двое тянулись друг к другу, ревновали друг друга и один раз даже поцеловались, спрятавшись ото всех в дальнем темном углу королевского сада. Однако это был не поцелуй любви, но он был наполнен жадой, гневом и даже одержимостью, и он был прерван весьма быстро, а затем Альенора дала Леонарду звонкую пощечину, с отвращением вытерла тыльной стороной ладони свои губы и, сделав вид оскорбленной дамы, гордо покинула своего почти любовника. Альенора играла с сердцем Леонарда, знала, что он мечтает о ней, как

и она мечтала о нем, и вспоминала тот страстный поцелуй каждую ночь, но сэр Уолш оказался ей под стать и также дразнил ее, заставлял думать о том, какие изысканные плотские ласки может подарить ей. Но, несмотря на все это, между ними никогда не было ничего больше того поцелуя в саду: оба берегли честь и репутацию, и не желали, чтобы их насильно повели в церковь на венчание.

Лорд Нортон, хоть и проводил много времени в своем кабинете, не был слеп и с опаской следил за тем, что происходило между его дочерью и его другом. Он был не против их брака, и ведь для Альеноры Леонард был бы отличной партией, но, казалось, молодым людям нравилось лишь флиртовать и мучить друг друга.

— Вам нужно жениться, сэр, и как можно скорее, — равнодушным тоном бросила Альенора сэру Уолшу.

— Увы, мисс, единственная девушка, на которой я хочу жениться, никогда не будет ласковой и послушной супругой, поэтому я всю жизнь буду ходить в холостяках, — парировал ей тот.

— Ах, как, должно быть, страдает эта девица! Только подумайте, какое горе и как много она потеряла! Вне брака с вами у нее нет возможности быть посаженной на цепь и быть приниженной за то, что она не мужчина! Нет возможности быть вышколенной вами, сэр! Глупая и несчастная страдалница! — фальшивым жалостливым тоном отозвалась Альенора, приложив ладони к сердцу.

Привыкший к подобным сценам лорд Нортон предоставил молодым людям поупражняться в метании кинжалов и, молча, принялся читать письмо, которое принесла его дочь.

Бригида просила прощения за то, что молчала так долго, и описывала, что случилось с ней за последние три года. Уехать из Англии было верным решением, говорила миссис Нортон. Эти годы она провела в строгости тела и ежедневных молитвах. Она не потратила ни монетки со своей вдовой доли и донашивала те платья, что взяла с собой, отплывая в Кале... Благодаря достаточно теплым зимам, Бригида не нуждалась в новых плащах, перчатках и шальях. Она каждый день смотрела на море и мысленно целовала белый высокий лоб Альеноры и мягкие губы своего возлюбленного жениха.

— Не может быть! Бригида помолвлена! — вырвался из груди лорда Нортона удивленный возглас, и он еще быстрее забежал взглядом по строкам.

— Что вы такое говорите? — недоверчиво отмахнулась Альтенора. — Наша бедная Бригида заперта в четырех стенах сырого холодного монастыря!

— Нет! Она собиралась в монастырь! Она пишет, что за несколько дней до ее подстрига ее дом посетил один знатный лорд и предложил ей брак со своим сыном! И она дала согласие! — взволнованно восклицал лорд Нортон.

— Ах, отец, вы что-то путаете... Дайте-ка мне письмо! — Альтенора бесцеремонно вырвала письмо из рук отца и, с полу-усмешкой на лице, принялась читать его.

— Если она и правда такая красавица, как вы утверждаете, лорд Нортон, неудивительно, что кто-то поспешил забрать ее себе в жены, — добродушно улыбнулся сэр Уолш.

— Боже правый! Милосердная Дева Мария! Отец, вы правы! Она выходит замуж! — вдруг ахнула Альтенора.

— И кто же жених, душа моя? Не томи! — нетерпеливо спросил лорд Нортон, так и не успевший прочесть, кому досталась прекрасная Бригида, супруга его покойного сына.

— Она не пишет... — пробормотала в ответ Альтенора. — Но этот ловкач, должно быть англичанин: свадьба пройдет в Англии, в Лейккасл... Отец! — вскинула голову она. — Кому принадлежит этот замок?

— Ангел мой, я, признаться, не владею этим знанием... Он долго стоял нежилым... Отец Генриха отобрал его у одного из своих советников, когда того уличили в измене... Я слышал, что его выставляли на продажу, но охочих приобрести его не было...

— Не было, сэр, но я знаю, кто хорошо заплатил за этот замок, да еще и вложил в его ремонт, — усмехнулся сэр Уолш, позабавленный реакцией Нортон на счастливую весть от их дорогой Бригиды.

— И кто же, сэр? — Глаза Альтеноры засветились от любопытства.

— Я с удовольствием томил бы вас еще долго, мисс Нортон, но пожалею вашего отца. Лейккасл находится в восьми днях езды от Лондона и сейчас принадлежит семейству Тьюри...

— Вильям! — радостно воскликнула Альтенора и, объятая чувствами, залилась счастливым смехом. Она была рада, так рада! Новость привела ее в настоящий восторг! — Моя Бригида заслужила

это счастье! Но она скрывала свою помолвку с ним три года! И что же заставило их так надолго отложить свадьбу?

— Осторожность, моя дорога. Осторожность и стыдливость нашей Бригиды, — ответил ей отец, осторожно забравший письмо обратно. — Она настояла на том, что ее траур по Филипу будет длиться три года... Это так смиренно с ее стороны... Мой мальчик был бы рад услышать, что его супруга уважает его в смерти также, как уважала при жизни... — Он поспешно заморгал, чтобы не расстраивать дочь своими слезами. — Мы приглашены... Твоя мать тоже... Только вот, не уверен, что она будет рада этому приглашению.

— Матушке незачем быть на этой свадьбе и портить своим угрюмым лицом счастье брачующихся. Она была несправедлива и жестока к бедной Бригиде, и всем будет лучше, если она останется дома, — уверенно заявила Альенора. — Но вы, отец, и я обязательно поедем! Вы получите разрешение короля, а я — леди Болейн, и мы тотчас двинемся в путь! Конечно, если Его Величество отпустит вас в этот раз, — тихо добавила она, не имея сил простить королю его эгоистичного отказа дать ее отцу милость похоронить своего сына.

— Не играйте со словами, мисс. Наш король не любит, когда ему указывают на его грехи, — мрачным тоном предупредил девушку сэр Уолш.

— Пойдете и передадите ему мои слова, сэр? — язвительно усмехнулась ему мисс Нортон.

Альенора знала: что бы она ни говорила, что бы ни делала, Леонард никогда не выдаст ее.

Но не только мисс Нортон знала очевидное, но и сам сэр Уолш, поэтому он лишь тихо ответил:

— Не я мисс, но всегда помните о том, что стены дворца слышат каждое сказанное в нем слово. Вы, как фрейлина и любимица леди Болейн, должны знать это лучше всех, не правда ли?

Леонард хотел уколоть Альенору, почти прямо назвав ее «шпионкой мисс Болейн», но мисс Нортон лишь кокетливо улыбнулась, довольная такой высокой для нее похвалой в мастерстве придворной игры. Тотчас осознавший свой промах, сэр Уолш поднялся со стула и направился к двери.

— Сбегайте от меня, сэр Уолш? — сладким голосом бросила ему вслед Альенора.

— Именно, мисс, сбегая, пока не услышал из ваших уст еще больше глупостей, — ответил ей тот. — Но вы обещали сыграть со мной в карты. Буду ждать вас у карточного стола.

— Не сегодня, сэ. Как вы уже поняли, я намерена посетить свадьбу моей дорогой подруги, а для этого мне требуется разрешение леди Болейн. Я побеседую с ней сегодня же. Но не беспокойтесь, мы обязательно сыграем, и вы обязательно проиграете мне все ваши деньги еще до того, как мы с отцом покинем дворец, — пообещала Альенора.

Сэр Уолш ничего не ответил девушке, зато пожелал доброго дня лорду Нортону и вышел из кабинета.

— Анна отпустит меня. Она дорожит мною и не захочет расстраивать меня, — мягко сказала Альенора отцу и приобняла его за плечи. — Все дело в короле... Но вы должны попросить...

— Конечно, конечно, моя радость, я попрошу, — несколько раздраженно перебил дочь лорд Нортон. Он чувствовал, что Генрих и в этот раз найдет, чем аргументировать свой отказ, поэтому считал настойчивость Альеноры излишней.

В этот же вечер Нортон попросили дать им разрешение покинуть дворец на целый месяц, и, как и предполагали Альенора и ее отец, они получили то, что предчувствовали: король сказал своему советнику твердое «Нет», а леди Болейн с улыбкой отпустила свою верную Альенору «разбивать сердца всех провинциальных красавцев».

Теперь, когда к услугам Анны состоял весь штат шпионов и доносчиков лорда Нортон (конечно, его уговорила на это его любимая дочь), и сам он, как считала леди Болейн, перешел на ее сторону, она не боялась потерять верность этого семейства, но наоборот считала, что Альенору следует вознаградить за ее старательность и благословила ее в путь.

— Твой отец останется... Генри и дня не может прожить без его мудрых советов, — извиняющимся тоном сказала Анна, чувствуя некоторую вину перед своей фрейлиной. Белокурая жизнерадостная Альенора стала ей настоящей подругой, с которой можно было открыто обсудить ту или иную щепетильную тему, поделиться горестями и радостями, и знатно повеселиться. Дворец, придворные интриги и каждодневный флирт отполировали этот драгоценный камень, и леди Болейн носила его открыто и даже на показ, чем

вызывала недовольство и тихий ропот других своих фрейлин, к которому, конечно, она не считала нужным прислушиваться. К тому же мисс Нортон приносила много пользы: она сумела выведать у мужчин столько тайн и секретов, что не единожды спасала Анну от ловушек и нарочно затеянных против нее скандалов. В этом с Альенорой не мог сравниться никто.

— Но, Альенора, ты не можешь поехать одна, — вновь обратилась Анна к мисс Нортон, уже давно называя ее на «ты». — С тобой поедет сэр Уолш. Он защитит тебя в дороге и будет отбивать от чересчур настойчивого поклонения провинциалов с мечом и щитом.

— Он, моя леди? Это будет наказанием: уверена, всю дорогу я буду выслушивать от него о том, что место женщины за спиной мужчины, — мягко парировала Альенора, вдруг почувствовав самую настоящую тревогу. Но тревожилась она не потому, что сэр Уолш превратит их путь в долгие часы патриархальных проповедей, но потому что не знала, куда могла завести их обоюдная страсть... А что, если ее тело поддастся искушению? Что, если, забрав ее девственность, этот властный мужчина будет требовать ее руки, угрожая громким скандалом? Что, если она понесет от него ребенка?

«Нет, нет, этого не случится. Я не какая-то глупышка с кухни, а мисс Нортон! Дочь лорда и советника короля! Если леди Анна так настаивает на том, чтобы Леонард сопровождал меня, я не могу отказать ей. Как и леди Болейн, я буду дразнить, но не отдамся!» — решительно отбросила все страхи девушка.

— Господь свидетель, лучше бы меня отправили обратно на поле боя, чем быть вашим слугой в вашей долгой поездке, мисс Нортон, — только и сказал сэр Уолш, когда король объявил ему свою волю, нашептанную ему Анной. Но отказать королю было опасно, и, спустя два дня подготовки к отъезду, Альенора, Леонард и еще четверо слуг двинулись в путь.

Глава 12

— Вы сегодня задумчивы, мисс, — заметил сэра Уолш.

Лошади сэра Уолша и Альеноры шли нога в ногу, однако в этот день между молодыми людьми не было обычных долгих бесед, так как на все вопросы мисс Нортон отвечала коротко и словно нехотя.

— Это все жара, сэра... Разве вы еще не поняли, что под летним солнцем я вяну, как цветок, любящий лишь холод и морозы? — пожалала плечами Альенора.

— От жары вянут все, мисс, но, позвольте сказать, даже в таком состоянии вы прекрасны, — улыбнулся сэра Уолш, желая вовлечь девушку в легкий флирт, к которому так лежало ее сердце.

Но сегодня Альенора и правда была в плену своих мыслей, поэтому уловка Леонарда не сработала.

— И почему этот замок находится так далеко от Лондона? — проворчала она и, достав из маленькой шелковой сумочки, которую носила привязанной к своему поясу, расшитый носовой платок, отерла им свое мокрое от пота лицо. — Четыре дня в дороге... Я устала... Обычно в это время мы с леди Анной сидим на ее любимой скамье в королевском саду, в тени, и читаем сонеты, которые пишет ей Его Величество... Как бы я хотела очутиться сейчас там! Этот зной... Ненавижу его!

— Через несколько дней мы будем в Лейккасл, и там вы отдохнете и телом, и душой. Ваша дорогая подруга и ее счастье стоят этого долгого путешествия, — желал подбодрить свою возлюбленную сэра Уолш. Сам от также изнывал от жары, но, как истинный мужчина, никогда на нее не жаловался.

— Хм! — Альенора нахмурилась и отвернула от собеседника лицо. — Леонард, скажите... — Она поняла, что обратилась к нему слишком интимно и, вновь взглянув на него, поспешно добавила: — Простите меня... Сэра Уолш...

— Мне не за что вас прощать, мисс Нортон. Мы с вами так давно знакомы, что нам незачем называть друг друга по имени, — чарующе улыбнулся тот, подумав, как прелестно было слышать свое имя на устах любимой.

— Скажите, Леонард, — решительно промолвила девушка, пристально смотря в его лицо. — Должна ли я сердиться на Бригиду из-за того, что она повторно выходит замуж? Должна ли я расстраиваться при мысли, что она давала клятву верности моему брату, а сама станет называть «супругом» другого мужчину и делить с ним ложе?

— Нет. Ни сердиться, ни расстраиваться вы права не имеете. Ведь вы знаете, что говорят при венчании: «Пока смерть не разлучит нас», и, если смерть забрала одного из супругов, потерявший считается свободным от этого брака как перед Богом, так и перед обществом, — твердо ответил Леонард, теперь поняв задумчивость Альеноры. — Ваш брат погиб, и, выйдя замуж повторно, миссис Бригида не совершит греха.

— Я знаю... Это так жестоко с моей стороны! Я сержусь на мою Бригиду! Какой позор! Ведь она мне как сестра! — сердито воскликнула Альенора, вдруг почувствовав злость и ярость на саму себя и свои несправедливые чувства по отношению к подруге. — И ведь... Ведь она имеет на это полное право... Филип был не первым, кто попросил руки Бригиды. Это был Вильям Тьюри. Получив от меня отказ, Вильям...

— Он просил вашей руки? — удивился сэр Уолш.

— Да, просил, но я решительно отвергла этого пройдоху. К чему он мне? Но Бригида была влюблена в него уже несколько лет, и, услышав о его поступке, она так расстроилась! — Альенора тяжело вздохнула: воспоминания о том дне заставили ее сердце наполниться горечью. — Но, как оказалось, поняв, что он не получит меня, он пошел к моему отцу и просил у него руки Бригиды...

— К вашему отцу? Почему не к отцу самой девушки? — поинтересовался Леонард, весьма заинтригованный этой историей.

— Потому что лорд Гиз, отец Бригиды, не мог бы дать за ней приданого. Вильям знал, что мой отец любит Бригиду как свою дочь, и знал, что тот, не задумываясь, даст за Бригидой достойную сумму золота... Казалось, теперь Бригида будет счастлива, пусть даже с этим недостойным ее Вильямом... Но в этот же день домой вернулся Филип. Он, в свою очередь, был влюблен в Бригиду и заявил отцу, что женится на ней. Ему было равнодушно то, что Бригида желала бы выйти за Вильяма Тьюри, поэтому о прощении Вильяма ни ей, ни ее

родителям сказано не было. О том, что именно Вильям просил руки Бригиды первым, знаем лишь мой отец, Филип и я... Знали.

— История достойная длинной баллады, — усмехнулся сэра Уолш. — Альянора, Господь имеет на нас, смертных, свои планы, и, несмотря на обман и недомолвки, этот план Он осуществит. Будь вы моей супругой, и случись так, что я потерял бы свою жизнь, вы могли бы выйти замуж еще раз, за любого желанного вами мужчину.

— А если бы первой в нашем браке не стало бы меня, сэра? Вы бы тоже женились повторно? — задала вопрос Альянора, такой острый, что Леонард на секунду опешил, не зная, что ответить.

— Я не допустил бы этого. Я продал бы свою душу Дьяволу, чтобы уйти первым, потому что жизнь без вас была бы мне невыносима, — тихо сказал Леонард, впервые открыв девушке свои чувства так прямо и доходчиво.

Пораженная признанием сэра Уолша, Альянора ничего не сказала, но продолжала смотреть в его красивое мужественное лицо и размышлять над его словами.

«Я люблю его... Милосердный Господь и Мать Его Дева Мария! Как же сильно я люблю его! И как же сильно я желаю стать его супругой и наслаждаться его объятьями и супружескими ласками! — вдруг пронеслось в разуме девушки, но затем она поспешно отвернула взгляд на дорогу и нахмурилась. — Но быть его женой было бы тем же самым, что заживо гореть на костре! Свои устаревшие глупые патриархальные взгляды он не изменит, а я не изменю своих! Я никогда не стану рабой мужчины! Я никогда не стану вашей послушной женой, Леонард!»

— Выходит, что мы, Нортонсы, украли у Бригиды ее счастье, и за наш обман Бог забрал у нас Филипа! Кого Он заберет еще? Моего отца? Меня? Мы всего лишь хотели видеть нашего дорогого Филипа счастливым! Но мы поставили его счастье выше счастья Бригиды, и в этом наш грех, и нам его не смыть! — громко и с чувством прошептала Альянора.

— Глупости. Поступили вы, откровенно говоря, подло, но вашей вины в смерти Филипа нет. Он был рыцарем и погиб, как рыцарь, защищая Англию, — сухо заметил сэра Уолш. Поступок Нортонсов смутил Леонарда, но он понимал, что, как бы они ни любили Бригиду,

любовь к ней никогда не сможет превзойти их любовь к Филипу, их плоти и крови.

— Альенора! — тихо позвал он, увидев, каким печальным стало лицо его возлюбленной. Должно быть, она приняла его слова близко к сердцу? Но ведь он не желал оскорбить или опечалить ее! — Не упрекайте себя. Не забывайте: через несколько дней мы будем гостями на веселом празднестве, и вы увидите мисс Бригиду такой счастливой, как никогда. Душа вашего брата давно покоится в Царстве Божьем, он смотрит на нас с неба и радуется вместе с нами. Ему приятно видеть, что его любимая жена вновь обрела счастье, покой и, самое главное, защиту благородного мужчины.

— Защиту мужчины... — невольно улыбнулась Альенора и взглянула на своего собеседника. — Она обрела настоящую любовь, сэра, и это самое главное!

Несмотря на первую неловкость, Леонарду все же удалось вернуть мисс Нортон улыбку и приподнять ее дух, и все последующие дни, до самого прибытия в загадочный Лейккасл она была мила и много смеялась, тем самым заставляя сердце своего поклонника биться быстрее и всерьез задумываться о том, стоит ли ему попросить у отца Альеноры ее руки.

Несмотря на то, что все придворные считали, что сэра Уолш женится на мисс Клер, делать этого он не собирался даже ради долга. Мисс Клер была прекрасной девушкой и когда-нибудь станет прекрасной супругой, ведь эту особу Господь наделил всеми нужными благородной даме чертами: она была мягка, нежна, немного глупа и во всем подчинялась своему отцу, а в браке будет подчиняться своему мужу. Но Леонард не желал ее. Он желал лишь мисс Нортон, лишь о ней он мечтал, лишь ей сочинял неловкие сонеты и писал полные страсти и загадок письма. Он мучился рядом с ней, но еще больше мучился без нее, и даже день, прошедший без ее улыбки или хотя бы взгляда на Альенору, приводил его в уныние и заставлял страдать. Его чувства к ней были так глубоки и чисты, что, если она не станет его женой, то он никогда не будет женат вовсе. Или мисс Нортон, или никто. Но как переубедить ее? Как заставить ее разделить его мысли и взгляды на брак? Леонард боялся, что это было невозможной задачей. И все же он не мог уйти, не мог оставить ее. Она нужна ему как вода,

как пища, как воздух. Если не Бог связал их вместе, а сам Дьявол, пусть так оно и будет!

Однако, что чувствовала к сэру Уолшу Альенора ему было неизвестно. Она была с ним и без него. Мисс Нортон приручала его, затем отталкивала, затем ласкала взглядом, а затем оставалась холодна и неприветлива. Неужели для нее это всего лишь игра, и она лишь с удовольствием играет с его сердцем? Эта неизвестность томила Леонарда и заставляла ревновать к другим ее поклонникам, которых при дворе у нее было немало. Если бы он только знал, что эта гордая девушка была без памяти влюблена в него! Влюблена, но в то же время противилась своим чувствам и презирала его за желание подчинить ее себе.

Альенора любила Леонарда, но замуж стремилась выйти за кого-нибудь другого, кто будет уважать ее как личность и не ожидать от своей супруги послушания и слепого повиновения, как ожидал этого сэра Уолш.

Через четыре дня путешественники наконец-то увидели большое озеро и острые шпили большого старинного замка, в котором ждала свою дорогую подругу, свою почти сестру, вдовствующая миссис Бригида Нортон, будущая миссис Тьюри.

Глава 13

Какими нежными и теплыми объятьями встретили друг друга мисс Нортон и ее лучшая, самая любимая подруга миссис Нортон! С того дня, как Бригида вошла на борт корабля, унесший ее в Кале, прошло почти три с половиной года, и как много изменений произошло в жизнях девушек! Как много им нужно было рассказать друг другу! Ведь обмениваться письмами им не удалось: письма, посланные в Кале Альенорой не дошли, все до одного (шпионы ее отца тщательно проверяли их содержимое и избавлялись от них), а тишина Бригиды была добровольна, ведь, живущая в ожидании и предвкушении счастливого дня свадьбы со своим возлюбленным Вильямом, она просто-напросто боялась испортить эти прекрасные дни и страшилась реакции Альеноры, когда та узнает об этой помолвке. Несмотря на колебания и постоянные размышления о том, верно ли держать Альенору в неведении, Бригида все же решила рассказать ей все в письме-приглашении на торжество и поставить Нортонов перед фактом. Однако миссис Нортон напрасно боялась упреков и недоумения со стороны подруги: та была рада ее счастью и от всего сердца пожелала будущим супругам понимания и много здоровых детей.

С Вильямом Тьюри мисс Нортон поздоровалась приветливо, но тот, в ответ, лишь сухо поблагодарил ее за прекрасные пожелания и поздравления, а затем сказал, что его ждут неотложные дела и поспешно удалился. Это странное неприветливое поведение не укрылось от стоящего рядом сэра Уолша, который тотчас понял, что жених миссис Бригиды женится на ней отнюдь не по любви, ведь сердце этого мужчины уже занято ее лучшей подругой. Но сэр Уолш был деликатен и умен, поэтому не стал задавать лишних вопросов ни Альеноре, ни прелестной рыжеволосой нимфе Бригиде, красотой и персоной которой был восхищен и очарован.

Лорд Нортон не солгал: эта девушка, с глазами василькового цвета, белоснежной кожей и медными волосами, была бесподобной, и даже его возлюбленная Альенора не была равной ей по красоте. Года, проведенные Бригидой на берегу моря, с его свежим полезным

воздухом, придали ей сил, ее щекам румянец, а глазам блеск, отчего она стала еще краше. К тому же любовь к Вильяму и томное ожидание дня, когда она станет его супругой, делали будущую миссис Тьюри настоящей языческой богиней красоты Афродитой на этой грешной земле.

Когда Альтенора представила подруге лорда Уолша, тот не стал отнимать у девушек много времени и после короткой беседы, принеся свои искренние поздравления, сказал, что желал бы немного одохнуть от долгой дороги, тем самым любезно предоставив им возможность уединиться в покоях миссис Бригиды, чтобы излить друг другу душу, посплетничать и обсудить тревожащие их вопросы.

— Три года от тебя не было ни строчки! Бригида, если бы ты только знала, с какой грустью я следила за тем, как другие девушки при дворе получают записки и письма от родных! Признаться, я уже было подумала, что в монастыре тебе отказывают в бумаге и чернилах, и желала написать самой матери-настоятельнице! — с некоторым упреком заметила Альтенора, когда девушки заперлись в богатых уютных покоях Бригиды.

— Мне так жаль... Прости меня, — только и смогла ответить на это Бригида и нежно улыбнулась. — Я не знала, что делать и что чувствовать. Ты так любила своего брата, и мне казалось, что моя помолвка с Вильямом причинит тебе боль...

— Ах, глупенькая! Филипа нет уже три года! Не оставаться же тебе вдовой до конца жизни, — пожала плечами Альтенора, скрыв от подруги то, что еще совсем недавно она действительно была ранена счастливой новостью Бригиды. Однако так как сэру Уолшу удалось убедить мисс Нортон в том, что ее неприязнь к этому событию ошибочна, теперь она всем сердцем радовалась тому, что ее любимая Бригида наконец-то обретет семейное счастье с тем, кого еще давно выбрало ее сердце. Альтенора чувствовала перед подругой вину за то, что посмела усомниться в ее чести и верности Филипу, и желала извиниться за это, покаяться, но она знала, что это ее покаяние лишь навредит и застелет безоблачное солнечное небо Бригиды черной тучей уныния.

— Я ошибалась... Прости меня, моя дорогая, — мягко сказала Бригида, подумав, что невольно оскорбила Альтенору. — Давай забудем

обо всем, что было сказано мною... Но поделись же скорей! Этот красавец сэра Уолш — твой возлюбленный?

— Этот красавец — самый надоедливый мужчина в мире! — весело рассмеялась на это Альенора. — Мой возлюбленный! Пусть мечтает о том, чтобы я удостоила его этой высокой чести!

— Но, милая, вы ведете себя так открыто, что от моих глаз не укрылись чувства, искрящие между вами, — хитро усмехнулась Бригида. — Он смотрит на тебя с таким жаром в глазах, будто видит перед собой не обычную девушку, а девушку, вылитую из чистого золота! Да и ты, моя дорогая... Когда ты обращаешь на него свой взгляд, твои голубые холодные глаза теплеют...

— Кажется, тебе пора писать сонеты, моя дорогая сестра! — воскликнула восхищенная красивыми словами и фразами подруги Альенора, и, глубоко вздохнув, с легкой улыбкой призналась: — Ничего от тебя не скрыть... Порой мне кажется, что в моем сердце нет ни капли нежности или любви к этому мужчине... Даже больше, я чувствую чистую ненависть, когда он в который раз вслух размышляет о предназначении женщины и не желает слушать моего мнения. Женщина создана для того, чтобы быть тенью мужчины, считает он. Она должна быть хорошей послушной супругой, матерью детей и...

— Но, милая, разве в его словах нет истины? Господь создал нас, женщин для того, чтобы мы подчинялись нашим супругам. Отец Небесный говорит на об этом в своей Святой книге, — мягко перебила подругу Бригида. Взгляды сэра Уолша были ей близки, и она не понимала, в чем же он неправ.

Бригида помнила о странных представлениях Альеноры о жизни и своем поле, но не знала, что, за три года, которые ее подруга провела во дворце, Альенора не только утвердилась в нежелании жить в тени супруга, но и начала презирать мужчин, которые, как сэра Уолш, считали женский пол слабым и немощным, неспособным ни к каким другим ролям, кроме как жены, матери и личной прислуги своего супруга. В отличие от нее, Бригида не только принимала такое униженное положение женщин в мире мужчин, но и желала его всем своим сердцем. Разве это не радость — быть супругой? Разве не радость дарить жизнь детям и отдавать им всю себя? Разве это не счастье — прислуживать своему мужу, защитнику и отцу ваших общих детей? Скоро она будет в объятиях Вильяма... Будет делить с ним ложе

и родит его детей... Бог услышал ее молитвы и подарил ей новую жизнь, которую она до конца своих дней проведет рядом со своим любимым супругом, будет ему опорой и самой верной помощницей.

— А что во всем этом приятного? Ложиться в постель по приказу мужа? Зависеть от его мнения и выполнять его приказы? Бригида, дорогая моя, мы не собаки, чтобы с восхищением следить за каждым движением хозяина и благодарить его за каждую кость, брошенную нам с обеденного стола, — серьезным тоном ответила мисс Нортон своей подруге, в свою очередь, не понимая, как может Бригида оставаться такой слепой.

Речи Альтеноры неприятно изумили Бригиду, а наивность и слабость Бригиды неприятно изумили Альтенору. Девушки молча смотрели друг на друга и думали лишь одно: «Как она изменилась! Какие нелепые мысли живут в ее разуме!».

— Но ты должна рассказать мне, как так случилось, что ты променяла монастырь на Вильяма Тьюри? Признаться, получив твое письмо, сперва я не поверила этой новости. Но я счастлива за тебя! Я так рада, что ты вернулась в Англию, и что тебе не нужно будет носить монастырскую робу! Теперь мы можем навещать друг друга так часто, как только сможем, — примиряющим тоном сказала Альтенора, решив, что Бригида может считать, что ей угодно, да и ведь воспитание у них было разное. Бригида невиновна в том, что ее родители с самого детства внушали ей всякую чепуху и затуманили ее разум библейскими наставлениями.

— Все случилось так внезапно, что мне трудно поверить в то, что все это не сон, — мягко улыбнулась Бригида, также поняв, что лучше не заводить с Альтенорой беседу о том, что так ей не душе. Она принимала подругу такой, какой она была: сильной, волевой и амбициозной. Без всех этих качеств Альтенора была бы не Альтенорой, а кем-то другим. — За два дня до моего подстрига в наш дом постучали, и, когда служанка доложила мне, кто был этим неожиданным гостем, я не знала, что и думать... Столько темных мыслей пронеслось в моей голове! Мне казалось, лорд Тьюри, отец Вильяма, приехал, чтобы передать мне печальные вести о моих родителях, но вместо этого он сказал, что Вильям нуждается в хорошей супруге, и что я как никто лучше подхожу ему в этом... Он поинтересовался, сколько золота твой отец выплатил мне, как вдове

Филипа, и, узнав точную сумму, сказал, что этого вполне достаточно, чтобы устроить наш с Вильямом брак, если, конечно, я дам свое согласие. — Девушка протянула подруге свою ладонь, и та крепко сжала ее. — И тогда я поняла, что это милосердный Господь прислал его. Господь решил подарить мне семейное счастье... Вновь, — застенчиво добавила она.

«К чему Тьюри знать о том, сколько золота хранится в твоих вдовьих сундуках?» — усмехнулась про себя Альенора, заподозрив, что именно из-за щедрой суммы золотых монет, выплаченной лордом Нортоном вдове их сына, отец Вильяма так внезапно решил породниться с Гизами. Теперь, когда Бригида стала молодой богатой вдовой, она была очень выгодной партией. Но какая прыть! Траур по Филипу только начался, а Тьюри уже пришли за его супругой! Какое неуважение к Нортонам! Какое неуважение к самому усопшему!

Несмотря на злость и неприязнь к семейству Тьюри, Альенора не могла злиться на Бригиду, которая так поспешно согласилась на новый брак: она любила Вильяма уже давно, и, должно быть, возможность наконец-то заполучить его в свою жизнь сделала ее немного безрассудной. Однако, несмотря на свою великую радость, Бригида заявила, что свадьба состоится только через три года: именно столько лет миссис Нортон желала носить траур и оплакивать Филипа. Это делает ей честь. Это возвышает ее, ангела, над смертными грешниками.

— Ты сделала правильный выбор. Девушкам, особенно таким чудесным, как ты, не место в сырых монастырях. Господь не создал тебя для вечных молитв и постов, но благословил тебя тем, о чем ты мечтала, браком с Вильямом Тьюри, — добродушно ответила мисс Нортон.

— Благодарю тебя! Твое одобрение так много для меня значит! — с чувством вымолвила Бригида и кинулась обнимать свою дорогую подругу, и та с любовью приняла ее в свои сестринские объятия. — И все же, признайся: этот сэр Уолш... Ненавидишь ты его или любишь?

— Увы! Увы, я люблю его! При взгляде на него мое сердце готово выпрыгнуть из груди, но, когда он открывает свой рот, я желаю его медленной и мучительной смерти! — печально выдохнула Альенора.

— Если он попросит твоей руки, ты согласишься стать его супругой?

— Этого никогда не случится... А если случится, я лучше умру, чем стану его собственностью! Но, Бригида, ни слова ему не говори! Ни слова! Не желаю, чтобы он торжествовал! Пусть и дальше мучится неизвестностью!

Однако эту теплую сцену прервала служанка, которая робко постучала в дверь и сообщила о том, что молодых леди ждут к полуденной трапезе.

— Альенора, я... Вильям рассказал мне, обо всем, что произошло в Англии, пока я была в Кале... — едва слышно шепнула Бригида на ушко своей подруге, когда те, рука об руку, спускались по широкой деревянной лестнице, укрытой толстым красным ковром, к трапезному залу.

— Моя милая, мне так жаль, что не от меня ты получила эти новости, — с досадой сказала на это Альенора. — Я писала тебе письма, но шпионы моего отца перехватывали их. Знаешь ли, советники короля и его новый цепной пес Томас Кромвель рьяно защищают интересы Генриха и не позволяют ненужной информации просачиваться за пределы Англии. Европа знает лишь то, что пишут своим королям послы, и не более.

— О, ты знаешь, как я любила и люблю Екатерину... Мне так жаль, что она... Я до последнего не верила в то, что наш король может... — не заканчивая своих фраз, тихо промолвила Бригида, чувствуя, как ее грудь сдавила боль.

Не только радость и счастье ждали ее в родной Англии, но и ужасные вести о судьбе гордой дочери Испании Екатерине Арагонской, которая жила в ссылке в одном из отдаленных замков, который, говорят, представляет собой что-то старое, холодное и мокрое, полное плесени и дурного для здоровья воздуха. Бригиде казалось, что Генрих нарочно отыскал самый заброшенный замок, чтобы как можно скорее сжить со свету неугодную ему женщину, и эта мысль ужасно огорчала ее.

— Не беспокойся так об этой испанке. Она перестала быть королевой... — нахмурилась Альенора, зная, к чему клонит Бригида.

— Нет, она все еще королева. Развода не было и не будет. Папа Римский и сам Бог против этого богохульства, — быстро перебила ее та.

— Мне ты можешь говорить все, что пожелаешь, и высказывать все свои чувства, но чужих ушей опасайся и избегай. Ты не знаешь, на что способен Генрих. Если он узнает о том, что ты так дурно отзываешься о его разводе с Екатериной, он тотчас нанесет удар и тебе самой, и твоей семье. Подумай, что скажет Вильям, если по твоей вине он окажется в том же положении, как и твой отец? — предостерегла Альенора. — Я говорю это не для того, чтобы запугать тебя, но для того, чтобы ты поняла: с тех пор, как твоя нога ступила на причал Кале, в Англии изменилось слишком многое, чтобы ты могла поддерживать Екатерину так же верно и открыто, как три года назад, моя дорогая... Но мы пришли. Улыбнись же! Скоро ты будешь одна из Тьюри! — Альенора потрепала Бригиду по щеке, чтобы стереть с ее лица печаль, и, когда та фальшиво улыбнулась, добавила: — Так-то лучше, леди Тьюри. — Она покачала головой и не смогла сдержать своего восхищения: — Ты была красивой, но сейчас ты похожа на ангела, который сошел с небес, чтобы сочетаться браком с земным мужем... Моя прекрасная добрая Бригида! Как же я скучала по тебе!

Девушки обнялись, в душе простили друг другу резкие высказывания, только что прозвучавшие, и вошли в зал.

Глава 14

— Какую прекрасную невесту вы заполучили себе, Вильям, — заметил сэр Уолш, когда следующим днем он и Вильям Тьюри развлекали себя стрельбой из лука, неподалеку от замка.

— Она красива. Но жизни в ней не больше, чем в этом куске палки! — с некоторым раздражением ответил на это Вильям, так и не сумевший попасть в цель, в то время как его соперник попадал в нее стрела за стрелой. Такое положение дел расстраивало честолюбивого Вильяма, который всегда считал себя отличным стрелком. Но куда ему тягаться с тем, кто побывал на поле боля и чья рука без дрожи посылала стрелы в тела врагов?

— А мне миссис Нортон показалась весьма живой. Она чудно танцует, — вступился за девушку сэр Уолш, удивленный такой безобразной оценкой Вильяма его будущей супруги.

— Она слишком спокойна. Танцует неплохо, да, но и ничего больше. Скромная деревенская девушка, каких много, — пожал плечами Вильям.

— Скромность, на мой взгляд, является наилучшим и самым ценным качеством как у мужчин, так и у женщин. Особенно у женщин, — подчеркнул Леонард. Он наблюдал за тщетными попытками Вильяма попасть в цель, и размышлял о том, стоит ли ему и дальше продолжать разговор о миссис Бригиде, или же не вмешиваться не в свои дела. Однако равнодушие и даже некоторая злость, с которой отвечал мистер Тьюри на вопросы о своей невесте, наводили Леонарда на мысль, что этот мужчина совсем не рад тому, что жениться на самой красивой девушке королевства. И это было странно, ведь любой другой был бы рад повести такую красавицу под венец и лечь с ней в супружеское ложе.

— Скромность, сэр Уолш, но никак не бесчувственность, а именно бесчувственностью всецело наделена моя невеста. И она вдова. Уже познала мужчину, а значит, ее ценность не так высока, как была прежде, — без обиняков заявил Вильям и, вновь пустив стрелу, едва не попал в цель, отчего его лицо засветилось. Но затем он окинул своего собеседника пристальным взглядом, и его лицо приняло

странное выражение. — А что вы, Леонард? Вы и мисс Нортон прибыли вместе. О вас идут слухи.

— Слухи? — усмехнулся Леонард. — Между мной и мисс Нортон нет ничего такого, что могло бы опорочить наши имена. Она не та женщина, на которой я хочу жениться. Вы утверждаете, что в вашей невесте отсутствует жизнь, а в мисс Альеноре, на мой взгляд, этой жизни слишком много.

— Думаете? Она смеется, шутит, танцует до самой ночи и так мило упражняется во флирте, что перед ней не устоит ни один мужчина. Кажется, только вы считаете ее слишком живой, — в свою очередь, усмехнулся мистер Тьюри. — Но она слишком высоко летает. Слишком близко к солнцу. Как бы ей не лишиться своих ярких перышек. Ее отец поощряет ее сумасбродство и вместо того, чтобы настоять на ее браке с тем, кого выберет он сам, лорд Нортон позволил ей отправиться в Лондон, под крыло развратницы и разлучницы, где, должно быть, она с радостью поднимает свои юбки для всех желающих...

— Это ложь и клевета. Насколько бы привольным не было поведение мисс Нортон, я не позволю вам очернять ее имя, — мрачным решительным тоном перебил собеседника сэр Уолш: непристойные неправдивые речи Вильяма разгневали его. — Я знаю, что вы просили ее руки и получили решительный отказ, так не пытайтесь же мстить ей за это. Это подло и низко. Она оскорбила вас отказом, но она вольна решать так, как считает нужным. И, предупреждаю, сэр: узнай я о том, что вы вновь клеветеете на мисс Нортон, я достану вас где угодно и когда-угодно, и вы поплатитесь за это своей жизнью.

— Вы угрожаете мне, Уолш? — сверкнул глазами Вильям. — Вонзите свой меч в мою спину, как грабитель?

— Я вызову вас на дуэль, сэр, и, хотя король не приветствует их, ко мне он отнесется благосклонно, и тогда я убью вас на глазах у всего королевского двора. И защитит себя вы не сможете, как сейчас не в состоянии попасть в цель хотя бы из лука. Хорошего вам дня, сэр. — Леонард кивнул и зашагал к замку, полный ярости и гнева. Он боялся, что просто-напросто свернет этому негодяю Вильяму шею, поэтому решил покинуть его прежде, чем ярость ослепит его разум.

Теперь, когда Вильям Тьюри показал свое истинное лицо, Леонард желал лишь одного: схватить Альенору за руку, посадить перед собой на коня и увезти ее подальше от этого места, полного сплетен и клеветы. Сэр Уолш был уверен в том, что главным источником сплетен, которые, как оказалось, так ловко скрывали за его спиной и спиной Альеноры, был никто иной, как Вильям Тьюри — отвергнутый жених и мерзкий человек. Леонарду также стало безумно жаль будущую миссис Тьюри, которая любила своего жениха и даже не подозревала о том, какой черной и гнилой была его душа, и что он до сих пор не может вырвать из своего сердца ее лучшую подругу, которую, полный ревности и ненависти к ней, выставляет распутницей и сладострастницей.

Угрозы, сорвавшиеся с губ сэра Уолша, не были пустыми: пусть только этот мерзавец посмеет вновь открыть свой поганый рот и очернить Альенору, он тотчас за это заплатит. Пусть даже бедная миссис Тьюри останется безутешной вдовой, а ее дети лишаться отца — именно такую цену заплатит Вильям за свою ложь.

Однако, когда Леонард мрачно пересказал Альеноре свою беседу с Вильямом, та лишь весело рассмеялась и сказала, что не собирается покидать замок и свою дорогую Бригиду лишь потому, что кто-то распускает о ней сплетни и считает ее придворной шлюхой. Пусть! Если этим мелким умам в радость сквернословить о ней, она не будет отнимать у них этого наслаждения. «О леди Болейн сплетничают еще чаще, и ее имя старается очернить каждый дурак. Но ни ей, ни мне нет до этих дураков никакого дела. И вам, сэр Уолш, тоже не должно так злиться, — с милой улыбкой сказала Альенора и протянула Леонарду свою узкую белую ладонь. — Но пойдемте же в общий зал: там начинается игра в карты. Будем играть вместе и разорим всех этим сплетников! Однако об истинном облике Вильяма Бригиде не говорите ни слова: пусть живет в слепоте своей любви и будет счастлива. Ведь, даже узнай о том, какое он чудовище, она не будет любить его меньше и не изменит своего решения стать его супругой».

Все последующие дни до своей свадьбы Вильям Тьюри и словом не обмолвился о мисс Нортон, как и не посчитал нужным поддерживать с ней беседу хотя бы ради приличия. Вместо этого, когда Альенора появлялась в зале, он показательно поднимался с места и

куда-то спешил, а если встречал ее в парке, едва заметно приветствовал девушку кивком головы и молчаливо ускорял шаг. Сэр Уолш был абсолютно прав, сказав, что Альенора оскорбила его, Вильяма, но ни сама девушка, ни ее защитник не представляли, насколько глубока была рана, которую нанесла она самолюбию этого темноволосого красавца. Получив от мисс Нортон твердое «нет», Вильям не перестал любить ее, но отныне его любовь была горькой и темной, и он желал девушке только зла и несчастий. Он так желал ее, мечтал о ней и ее гибком девичьем теле, но она не дала ему ни малейшего шанса на взаимность, и теперь ему приходилось довольствоваться ее лучшей подругой.

Бригида Нортон красива и нежна, ею восхищаются, ей пророчат прелестных детей, ее называют первой красавицей Англии, и она достанется ему, Вильяму. Но ни красота, ни податливый мягкий характер этой девушки не имели для Вильяма никакого значения, и ее спокойствие он считал недостатком. Ему никогда не нравились такие тихие послушные девушки, которые смотрят в рот и согласно кивают каждому сказанному им слову. Именно поэтому он был влюблен в мисс Альенору Нортон: та сияла ярче звезд в ночном небе, в то время как Бригида тускло светила, словно не желая быть замеченной. И все же его решение жениться на Бригиде было осознанным: это он попросил отца отправиться в Кале и попросить для него руки вдовы Филипа Нортон, ведь она получила от свекра богатое «приданое» и все еще была молода и прекрасна. Она родит ему красивых здоровых детей и никогда не упрекнет его, если узнает о том, что он находит наслаждение в объятиях других женщин. Идеальная супруга, лучшей и не сыскать.

К тому же, как приятно было Вильяму думать о том, что этот брак станет иглой в сердце Альеноры Нортон! Пусть Альенора видит, что, отказав ему, она толкнула в его объятия свою лучшую подругу, которая ему безразлична. Руки Бригиды Вильяму пришлось просить дважды, но он понимал, что злиться на невесту у него причин нет: Филип Нортон был первым, кто просил ее руки, и она приняла ее. Обычное дело. Однако, несмотря на все свои мысли и чувства, Вильям не собирался обижать свою супругу и желал увидеть ее нагую красоту.

И все же, с тех пор как он вновь увидел Альенору, три с половиной года спустя, его чувства к ней вспыхнули с новой силой, но

это была не только любовь, но и черная ревность: он ревновал ее к лорду Уолшу и жалел о том, что поддался уговорам своей невесты и пригласил мисс Нортон на свадьбу. Перешептывание Уолша и мисс Нортон выводили его из себя, и, желая мести, он нарочно очернял честь девушки, находя в этом даже некоторое удовольствие. Но угроза лорда Уолша заставила Вильяма попридержать свой язык, так как он знал, что против этого закаленного в боях рыцаря шансов на победу у него нет, а быть убитым ему не хотелось.

День свадьбы выдался холодным и дождливым, и настроение жениха было под стать этой угрюмой погоде. Теперь рядом с ним всю жизнь будет нелюбимая женщина, которую, возможно, вскоре он станет презирать. Но, когда Бригида появилась в церкви, под руку со своим отцом, который вспомнил о дочери и приехал, чтобы поближе познакомиться с будущими родственниками, Вильям невольно затаил дыхание от ее красоты: одетая в алое длинное платье, она затмила собой всех дам, присутствующих здесь. На миг Вильям даже забыл об Альеноре, но, найдя мисс Нортон быстрым взглядом среди гостей, вновь почувствовал горечь и отчаяние. Как бы он хотел, чтобы вместо Бригиды к нему шла Альенора!

Альенора... Танцующая радостная нимфа, золото волос которой затмевает солнечный свет...

Глава 15

Гости праздновали до самого утра: вина, угощения, музыки, танцев — всего было вдоволь. Бригида танцевала каждый танец, веселилась и смеялась, что было ей несвойственно, но в этот вечер она была счастлива, как никогда в своей жизни. Выйдя замуж за любимого мужчину, сорвав с его уст клятву верности и долгожданный поцелуй, она порхала, как прекрасная бабочка, на крыльях любви. Великолепная, английская роза миссис Тьюри! В ее душе сияло солнце, ревела буря и пел ураган, но все это было наполнено светлыми искрящимися чувствами, которые она обрела лишь с Вильямом.

Наблюдая за подругой, Альтенора не могла нарадоваться: Бригида вышла замуж за того, кто был предназначен ей Богом. Пусть этот Тьюри не был самым достойным мужчиной, но именно его любила Бригида, да так сильно, что ради него отказалась от желаемого подстрига и мирной жизни монахини. Теперь молодую леди Тьюри ждали новые волнения, события и эмоции: кто знает, возможно, уже совсем скоро она понесет? Вряд ли Вильям, никогда не покидавший родительский замок, успел обрести секреты, подобные секрету Филипа, который не дал ему исполнить свой супружеский долг. Альтенора была уверена: леди Тьюри родит ребенка уже через девять месяцев, и, несмотря на пол малыша, этот ребенок будет любим и своей матерью, и своей названной тетей мисс Нортон. Оставалось только пожелать Бригиде здоровья и легкой беременности.

Леди Тьюри! Как непривычно было Альтеноре думать о том, что отныне Бригида не носит родовое имя Нортонов... Но это прекрасно! Так и должно быть! Украденное Нортонами счастье вернулось к Бригиде в полной мере и таким же бездонным, как сердце Господа... Только бы это счастье не сменилось страданиями и ревностью! С таким супругом, как Вильям, все это более, чем возможно...

— Боже... Мне нужен свежий воздух... Как здесь жарко! — вымолвила Альтенора, дотанцевав танец и схватив сэра Уолша, своего партнера, за рукав его расшитого камзола. — Вы просто обязаны сопроводить меня! Так много пьяниц я не видела никогда! Пройдемся

немного по парку? — И, не дожидаясь ответа, девушка направилась к выходу, сопровождаемая Леонардом и десятками любопытных глаз.

Не только остальные гости, но и сама Альенора была немного пьяна: в этот вечер она решила не связывать себя обетом трезвости и дала себе позволение хорошо повеселиться. К тому же к вину она уже успела пристраститься при дворе, где пили все и вся. Что в этом дурного? Почему мужчинам можно наслаждаться вином и не считать, сколько кубков они выпили, а женщинам «следует» следить за собой? Да и не пьяна же она настолько, чтобы потерять разум и отдаться первому встречному!

— Нет, Леонард, ну, что за человек этот проклятый Вильям! Его супруга сияет от счастья, а он, того и гляди, расплечется! Жалкое зрелище! Жалкое и постыдное! — не сдержалась от замечания Альенора.

Полный отвращения голос возлюбленной заставил сэра Уолша слабо улыбнуться, но в этой его улыбке была боль. Леонарду невыносимо было знать, что Бригида, эта чудесная светлая девушка теперь находится в ловушке ледяного и черствого сердца мужчины, который сегодня официально стал ее супругом и господином. Как и мисс Нортон, он внимательно следил за тем, как танцует и радуется Бригида, и с каким мрачным видом, почти не притрагиваясь к вину, весь вечер просидел за столом Вильям. Правда, один раз новоиспеченный супруг все же танцевал со своей супругой, однако затем громко заявил, что у него разболелись ноги, и разрешил Бригиде танцевать хоть всю ночь напролет с другими партнерами. И Бригида танцевала, призывая всю свою грациозность, чтобы порадовать глаза ее любимого мужа, который в это время рыскал взглядом по залу, в поисках мисс Нортон, и напрягая слух, чтобы уловить в толпе ее звонкий смех. Все это не укрылось от зорких глаз сэра Уолша, и он был полон горечи и обиды за Бригиду, словно она была не просто подругой Альеноры, а приходилась ему родной сестрой.

— Он не заслуживает ее. Вам следовало рассказать ей о его характере и скрытых от взора качеств, — горько сказал Леонард.

Они шли рука об руку по темному, едва освещенному редкими факелами летнему парку и слышали, как поют ночные птицы, которым вторили кузнечики и другие насекомые. Воздух был теплым и душным, как перед грозой. Альенора изнывала от жары и испытывала

жажду, но решила, что свежий воздух ей нужнее глотка воды. Она выпьет большой кубок холодной чистой воды, когда вернется в зал, а сейчас ей нужно немного остыть и освежить помутненный вином разум... И этот глупец Вильям! Как она зла на него!

— Теперь я тоже думаю, что следовало! Но, может, все изменится? Вильям не знает Бригиду, а когда увидит ее душу, будет плясать от радости, что она приняла его руку и сердце, — с надеждой сказала Альенора. — Надеюсь, мой отказ унизил его настолько, что он не только распускает обо мне грязные сплетни, но и разлюбил меня.

— Он был влюблен в вас? — все же, ничуть не удивившись, спросил Леонард, и его ладонь крепче сжала ладонь девушки. Ответ он уже знал, но желал услышать, что скажет Альенора.

— Не знаю... Мне так казалось... Но я уверила Бригиду в том, что он просил моей руки, чтобы бы породниться с моим отцом, а не из любви ко мне... — Альенора тяжело вздохнула. — Порой любовь превращает нас в безумцев, а порой дает нам силы бороться за свое счастье. Леди Анна и Генрих борются против всего мира, и их любовь будет воспета в балладах и веках...

— Желаете ли вы такой же любви, Альенора? — вдруг горячо прошептал Леонард, остановился и прижал мисс Нортон к своему сильному телу.

— Хочу ли я такой любви, сэр? — улыбнулась та, положив ладони на его грудь. — Я немного пьяна, а вы пользуетесь этим обстоятельством и задаете мне такие коварные вопросы!

— Альенора... Ты знаешь, что я люблю тебя! Ты мое проклятье и мое благословение! — Он прижал свой лоб к ее лбу и охватил ее лицо своими широкими ладонями. — Хочу видеть тебя каждую секунду! Мое сердце перестает биться, когда ты уходишь, и яростно вырывается из грудной клетки, когда ты рядом!

— Ну, наконец-то, Леонард! Эти ваши речи будут послаще ваших сонетов! — тихо рассмеялась Альенора. Она так желала, чтобы он поцеловал ее! Чтобы он овладел ей прямо в этом саду, прямо на траве! Ее тело было полно томления и желания: только он, только этот мужчина может показать ей земной Рай! И пусть она пьяна, пусть завтра она будет жалеть о содеянном и проклипать свою страсть! Все равно!

— А ты, Леонард? Ты только мой? — прошептала она, подставляя ему свои губы.

— Твой... Я твой и душой и телом... — Он мягко коснулся нежных губ девушки, запустил ладонь в ее киртл и сжал ее грудь.

— Мисс Нортон?

Этот незнакомый мужской голос, прозвучавший совсем рядом, заставил влюбленных резко отстраниться друг от друга. И, едва Альенора привела в порядок свои киртл и французский чепец, из-за поворота появился незнакомец. Лицо этого мужчины было едва различимо во тьме, а его шаги были быстрыми и уверенными.

— Мисс Нортон! Вы ли это? — вновь громко осведомился незнакомец, и, когда Альенора ответила ему утвердительно, он протянул ей записку и удалился.

— Это от Леди Анны... Я узнаю герб Болейнов кончиками моих пальцев, — тихо сказала Альенора, поглаживая восковую печать. — Должно быть, что-то важное, раз она послала за мной...

— Уже второй раз она прерывает нас, — недовольно заметил Леонард. Он все еще был полон страсти и желания, и новое вмешательство Леди Анны разозлило его.

— К счастью! — вдруг воскликнула мисс Нортон и, приблизив лицо к лицу Леонарда, процедила сквозь зубы: — К счастью, она остановила меня от этого безумства! Больше никогда не смейте соблазнять меня! Поняли? Никогда!

Она приподняла свои юбки и быстро направилась в замок, оставив сэра Уолша в смятении, непонимании и злости на Леди Болейн, которая лишила его возможности подчинить себе эту непокорную мисс Нортон и сделать ее своей.

Глава 16

На следующее утро семейство Тьюри, гости и прислуга с нетерпением ждали, когда молодожены спустятся к праздничному завтраку. Окровавленную простынь не ожидали: миссис Бригида уже побывала в объятьях мужчины, уже была замужем, а значит, крови на простыне быть и не может. Когда сэр и леди Тьюри вошли в трапезный зал и были встречены громкими аплодисментами, каждый из них отреагировал на это радостное приветствие по-разному: Бригида зарделась и опустила взгляд на пол, а ее супруг, напротив, гордо приподнял подбородок и победно улыбнулся, отчего присутствующие в зале мужчины понимающе рассмеялись.

Сэр и леди Гиз, родители Бригиды, проделали неблизкий путь из замка Гизов до величественного Лейккасл, в котором отныне жила их дочь. Получив от Бригиды письмо с вестью о том, что совсем скоро они породнятся с богатыми Тьюри, старшие Гизы тотчас простили своей нерадивой дочери ее грехи и примчались, чтобы дать ей свое благословение, а заодно подластиться к лорду Тьюри и пожаловаться ему на то, что крыша в замке Гизов протекает, а средств подлатать ее у них не имеется. Однако лорд Тьюри не был добросердечен к родителям невестки, и, в отличие от лорда Нортон, первого свекра Бригиды, несколько презирал тех, кто считал нужным унижаться и просить у других деньги, пусть даже у новоиспеченных родственников. Гизы не получили от Тьюри ни одной монетки, даже медной, и, не обрета желаемое, они наседали на свою дочь, ласково упрашивая ее тайно передать им некоторую часть ее вдовьего наследства. Однако Бригида был настолько влюблена в Вильяма, что желала отдать ему не только всю себя, но и все свои деньги, которые тот взял без колебаний и планов поделиться ими со свекрами.

Вильям был единственным ребенком лорда Тьюри. Его мать умерла, когда Вильяму было шесть лет, и он едва-едва помнил ее лицо и голос. Так как его отец не пожелал вступить в новый брак, Вильям вырос под строгим, но справедливым надзором своей родной тети, сестры своего отца, которая отреклась от возможности обрести свою собственную семью и посвятила жизнь племяннику. Несмотря на то,

что он ни разу не покидал отцовский замок, Вильям Тьюри не боялся перемен и был намерен приобрести небольшой замок, который будет его собственностью при жизни отца. Он больше не желал стеснять себя отцовскими советами и заботой тети, и, получив золотые монеты своей супруги, решил, что теперь их общих денег хватит на приобретение небольшого, но уютного замка, который будет находиться как можно дальше от отцовского гнезда. Старый замок Тьюри, в котором родился и вырос Вильям, тоже не был желанным местом проживания для наследника семейства: находившийся едва ли не среди леса, Роузкасл не имел в глазах Вильяма высокой ценности. Он желал жить своим умом и собирался воспитывать своих супругу и детей так, как ему того захочется. Да и Бригиде будет приятнее быть хозяйкой в своем собственном доме, а не жить под зорким оком тетки своего мужа, считал он.

При мысли о своей прекрасной молодой супруге, Вильям испытывал и гордость: когда она призналась в том, что Филип не касался ее, что она все еще невинна, Вильям был польщен и рад, что ему все же досталась девственная супруга, ведь как приятно, слышал он, лишая девственности юных красавиц и знать, что их чистота была забрана именно тобой. А когда Бригида осталась без одежды, и он увидел, какое дивное тело она скрывала под своим платьем, огонь желания в нем разгорелся еще больше, и, позабыв об Альеноре, он ласкал и целовал свою законную супругу, и наутро белая простынь супружеской кровати была запачкана кровью, и Бригида теперь принадлежала ему не только своей душой, но и телом. Но какой робкой и даже испуганной она была! Будь на ее месте Альенора, огонь наслаждения, наполняющий комнату, сжег бы весь замок...

«Прочь из моей головы, сладострастница! Ты то уже побывала в постелях многих придворных вельмож! А может, Уолш так оскорбился потому, что сам развлекался с ней, где-нибудь в темных коридорах, и не раз! Так и есть! Мои слова задели его за живое, а значит, они были полны неудобной правды, — с насмешкой в душе подумал Вильям, бросив мимолетный взгляд на мисс Нортон и сэра Уолша, как обычно сидящих рядом и воркующих, как голубь и голубка. Затем он взглянул на свою супругу, вновь восхитился ее красотой и крепче сжал ее ладонь в своей, словно доказывая себе, что теперь «Пламенная роза Англии» принадлежит ему и его детей она будет вынашивать в своей

утробе. — Но как так получилось, что Нортон не тронул ее? Возможно, она чувствовала недомогание? Как Филипу удалось сдержать себя от того, чтобы взять ее? Но даже мы, не прибывшие на их свадьбу, слышали о том, что их брак был комсумирован... Какая-то чертовщина... Она должна объясниться».

Эти трезвые мысли посетили разум Вильяма лишь сейчас: ночью ему было не до размышлений, ведь он упивался нагой красотой своей молодой супруги. Жаль, что она так скромна... Лежала под ним, с таким страхом в глазах, будто он был ей не мужем, а грабителем, напавшим на нее в ее собственном доме. Но Бог с этим. Это всего лишь первая ночь... Возможно, ее подруга мисс Нортон шепнет ей на ушко некоторые секреты любовных игр? Она то знает, что нужно мужчине... Сидит там, улыбается и бесстыдно флиртует с сэром Уолшем... С ним, Вильямом, она так не флиртвала, хотя он ничем не уступал этому королевскому советнику: он молод, красив, статен, богат... Но капризной Альеноре было этого мало...

«Вновь! Вновь она в моих мыслях! Околдовала она меня? Подлила в мой кубок любовное зелье? Почему даже сейчас, женившись на самой красивой девственнице Англии, я думаю об этой придворной шлюхе?» — с неудовольствием понял Вильям и поспешил провести свою супругу к почетному месту за столом. К счастью, мисс Нортон и лорд Уолш сидели у другого стола, и теперь Вильям не мог глазеть на Альенору: девушку заслонял собой разодетый в меха, дородный, пожилой мужчина, один из гостей уже минувшей свадьбы.

Завтрак прошел весело, а высокие своды трапезного зала то и дело наполнялись залиvistым смехом. Лишь Гизы были хмуры и недовольны: они собирались погостить в замке супруга своей дочери еще месяц, но лорд Тьюри и в этот раз решительно отказал им в этом удовольствии, поэтому они вынуждены были отправиться в обратный путь сразу после завтрака, как и остальные гости.

С окончанием завтрака пришел и конец искушению Вильяма: мисс Нортон тепло попрощалась со своей подругой Бригидой, а затем она и сэр Уолш сели на своих лошадей, и, в компании четверых слуг, отправились в Лондон, где ждали их обязанности при дворе.

Едва лошади мисс Нортон и лорда Уолша покинули замок, Вильям облегченно вздохнул и мысленно пожелал никогда больше не

встречать Альенору на своем пути. Теперь он супруг и вскоре будет отцом семейства, и его тайные желания он обязан в себе убить.

К полудню замок окончательно опустел, и слуги принялись за грандиозную уборку.

— Пройдем со мной, Бригида, — приказал Вильям своей супруге.

Бригида тотчас вложила свою ладонь в ладонь мужа, и тот повел ее на прогулку к озеру, которое и дало название этому старинному огромному замку.

Лето пело звонкими песнями птиц и блестело яркими красками ожившей в который раз природы, и зеленая трава, под ногами молодожен, чувствовалась мягким роскошным ковром. Небо было затянуто белыми тучами, но было тепло. В душе Бригиды цвели розы, а в душе Вильяма только-только начали прорастать слабые ростки уважения к супруге.

Одетая в шелковое розовое платье и розовый английский чепец, украшенный крупными белыми жемчужными и серебром (подарок Альеноры), Бригида напоминала Леди Весну, такую же свежую, нежную и величественную. Ее яркие медные волосы были заплетены в высокую прическу и спрятаны под черным полупрозрачным шелком, как и положено было носить замужним женщинам.

Озеро, у которого уже два столетия стоял гордый Лейккасл, было небольшим, но глубоким, живописным и богатым на рыбу и птицу. Берега соединялись узким деревянным мостом, достаточно прочным, чтобы выдержать вес двух человек, и Вильям повел свою жену на этот мост, чтобы дать ей удовольствие покормить рыб хлебными крошками, а заодно побеседовать с ней о том, по какой такой причине она все еще была девственницей, когда легла в его постель.

— Я ожидала этого вопроса, — слабо улыбнулась Бригида и нарочно отвела взгляд на поверхность озера. — Вы были так благородны и не спросили меня об этом в нашу первую брачную ночь, и я благодарна вам за это, мой дорогой супруг... Мой брак с Филипом был коротким... Мы провели вместе лишь три или четыре дня, я уж точно не помню.... А затем его вновь забрали на войну с Францией, и я стала вдовой.

— Три дня, а значит и три ночи, — тихо заметил Вильям. — Что помешало вам комсумировать брак? Ваша стыдливость?

— В первую ночь, сэ, он был пьян и не готов к супружеским отношениям, — красная, призналась Бригида. Этот разговор был ей неприятен, ведь она не желала порочить имя Филипа, который хорошо к ней относился и любил ее, но Вильям спросил, и она не могла скрывать от него правду. Он был ее супругом и имел право знать. — А потом... Он... Я не знаю, что случилось с ним... Но он не... Не смог. — Последние слова она сказала шепотом. Она предала Филипа! Он просил не развенчивать его славу мужчины, но именно это она только что сделала!

— Не смог? — с ухмылкой переспросил Вильям.

— Должно быть, он чувствовал недомогание, — поспешила сказать девушка и, чтобы отвлечься от этой беседы, принялась щедро бросать в пруд маленькие кусочки свежееиспеченного хлеба.

— Но вы пробовали? — вновь задал вопрос Вильям, желающий знать подробности.

— Да, сэ, — коротко ответила ему супруга.

— Но было сказано, что ваш брак был комсумирован. Была кровь.

— Это была его кровь, сэ... Он не желал, чтобы его родные знали о том, что он... Что он не смог... И он сделал надрез на своем теле... Но я умоляю вас, держите это в тайне. Филип был добр ко мне и заботился о моем благополучии... Именно благодаря его настойчивости и жертве, я получила вдовье наследство после его смерти.

Вильям ничего не ответил, лишь устремил взгляд на небо, словно выискивая в нем образ Филипа Нортон.

— Что ж, мне все понятно. Но поговорим о ваших родителях, — сменил русло разговора Вильям, поняв, что больше ничего от Бригиды не добьется. Да и что она может сказать, если Филип был рядом с ней всего лишь несколько дней? — Я не желаю, чтобы они приезжали гостить к вам, и не отпущу вас в отцовский замок. Возможно, вы огорчены моим решением, но я не желаю иметь с вашими родителями ничего общего.

— Я ничуть не огорчена. Они никогда не были мне родителями, скорее, надзирателями, тюремщиками... Я поняла это, лишь находясь в Кале, когда слепота с моих очей спала, и я увидела этих людей в их истинном облики, — спокойным тоном сказала на это леди Тьюри и, положив ладонь на ладонь мужа, улыбнулась и добавила: — Мне

нужны только вы, Вильям... Вы моя семья. Вы и сестра моего покойного супруга Альенора Нортон.

— Мисс Нортон? — бросил Вильям.

Он знал, что девушки были близки, но не думал, что настолько. Бригида считает ее своей семьей? Что ж, ей же будет больнее, когда она узнает о том, что его сердце принадлежит Альеноре. Рано или поздно тайны вырываются из плена, и его чувство к мисс Нортон станет для Бригиды очевидным. Конечно, если она не полная дура. А когда ей все станет известно, ей придется смириться с причиняющей боль правдой.

— Она мне как сестра, сэра, — радостно улыбнулась Бригида. Она помнила, что когда-то Вильям просил руки Альеноры, но считала, что это было разумно с его стороны: ведь в те дни она была всего лишь дочерью нищего опального сэра Гиза, в то время как Альенора уже тогда была видной и достойной партией.

— Ваша так называемая сестра занимается при королевском дворе самым настоящим блудом, — резким тоном промолвил Вильям, вновь наполнившись неприятием и темными чувствами.

— Кто бы ни утверждал это, я уверена, что это не так, — мягким вступилась за свою подругу Бригида. — Я знаю ее с малых лет, и даю вам слово, сэра, что она никогда не опустится до такого позора и бесчестия.

— Три года назад я просил ее руки. Она отказала мне, чему я очень рад, — солгал Вильям.

— Мне известно об этом... Но мне не нужно знать ваши причины, Вильям, — тихо сказала Бригида.

— И я просил вашей руки.

Бригида вдруг уронила хлеб в озеро, а затем застыла, до глубины души ошеломленная заявлением, сорвавшимся с губ ее супруга.

Глава 17

— Но я... Я не знала об этом! — ахнула Бригида и сложила руки на груди. — Мой отец ни разу не говорил мне...

— Я не имел беседы с вашим отцом. Признаться перед тем, как я желал направиться к сэру Гизу, я посетил лорда Нортон... Мне нужно было узнать, даст ли он за вами приданое. Хотя вы ему не дочь, он, как я знаю, дорожит вами, — ничуть не смутившись, признался Вильям и вальяжно облокотился на деревянные перила моста. — И он сказал, что посмотрит, что может для вас сделать. Он дал мне надежду, но в тот же день прислал письмо с известием о том, что его сын Филип попросил вашей руки еще до меня, и что вы дали ему свое согласие.

Он вперил в супругу испытывающий взгляд, словно пытаюсь прочесть в ее душе лжет ли она, или нет. Воспоминания о том унижении, о том позоре дважды отвергнутого жениха вернулись и зародили в сердце гордого красавца зерно презрения к Нортонам, Гизам и даже к ни в чем неповинной Бригиде. Его оскорбили, его руку отбросили, его особу посчитали ниже особы Филипа Нортон!

— Я не давала моего согласия, сэр... Мой отец не оставил мне выбора, — тихо промолвила Бригида, не имея сил верить в то, что она могла выйти за своего возлюбленного еще три года назад! Но тогда никто не удосужился спросить, чего она хочет! Да что там! Никто даже не обмолвился о том, что Вильям желал жениться на ней! Лорд Нортон никогда не упоминал об этом... Должно быть, Вильям сердится на нее за то, в чем не было ее вины... Ведь как она могла знать?

— Ваш отец должен был знать о моем визите. Ведь всем известно, что он и лорд Нортон являются лучшими друзьями, — утвердительно бросил на слова супруги Вильям.

— Даже если так, сэр, мне не было сказано ни слова о том, что вы желали взять меня в жены! Если бы я знала... Если бы у меня был выбор... Я не потеряла бы эти три с половиной года... Я была бы вашей уже так долго! — начала оправдываться бедная Бригида. — Вы не знаете, Вильям, но я люблю вас, и уже давно... Я люблю вас так, как только может любить женщина...

— И что же, моя леди, вы ожидаете от меня такой же огромной любви? — усмехнулся Вильям. Несмотря на то, что любовь этой девушки была ему не нужна, он все же был польщен ее искренним признанием. Польщен, но не растроган: его любили многие женщины, однако именно та, что покорила его сердце, эта своенравная Альенора, не испытывала к нему ни любви, ни даже симпатии.

— Я не знаю, чего ожидать. Конечно, я молю Господа о том, что и вы полюбите меня... Хоть когда-нибудь...

— Напрасно. Я женился на вас лишь из желания иметь красивую жену, которая родит мне красивых здоровых детей. Ваши чувства ко мне, Бригида, светлы и чисты, но не надейтесь на взаимность и не сетуйте на то, что с моей стороны вы будете чувствовать к вам лишь уважение. Но на этом закончим нашу невеселую беседу, и разрешите мне откланяться: меня ждет охота.

Не дождавшись, что скажет на его заявление Бригида, Вильям равнодушно поцеловал ее ладонь и зашагал прочь, оставив свою молодую супругу в смятении чувств и омуте горечи. Однако Бригида не потеряла надежду, нет!

— Я докажу тебе, что ты сделал правильный выбор, любовь моя! Докажу, что я могу дать тебе то, чего ты желаешь! Я принесу тебе и наследника, и прекрасную, как огненная роза, дочь... И тогда ты полюбишь меня... Обязательно полюбишь! — прошептала Бригида, провожая своего супруга полным тоски взглядом.

Этим же вечером, после ужина, проведенного в кругу своей новой семьи, Бригида написала два письма: в Лондон и в замок Гизов. Ей нужно было знать, почему никто из ее близких не сообщил ей о том, что ее дорогой Вильям просил ее руки еще три с половиной года назад. Девушка была уверена: знай она об этом, она нашла бы в себе силы отказать Филипу и, как кошка, защищающая своих котят, яростно боролась бы за свое счастье с тем, кого она любила и кто все же попросил ее руки. Но нет! Все молчали! Словно сговорились выдать ее именно за Филипа! Пусть он просил ее руки первым, но она отказала бы ему! И никто не заставил бы ее пойти с ним под венец!

«Знает ли обо всем этом Альенора? Нет.... Она не стала бы скрывать от меня это, ведь она знает, как глубока моя любовь к Вильяму и как тянулось к нему мое сердце... Должно быть, это мои родители: Тьюри беднее Нортонов, и меня выдали за того, кто

побогаче. Разве не этим всю жизнь занимались мои бессердечные родители? Растили меня хрупким ярким цветком, чтобы продать мое тело тому, у кого в карманах звонче поет золото» — размышляла Бригида, выводя на бумаге красивые закрученные буквы, написание которых она когда-то долго заучивала под присмотром своей матери. В конце каждого письма девушка с особой любовью вывела «Леди Бригида Тьюри» и, налюбовавшись видом своего нового родового имени, произнесла Господу короткий хвалебный псалм. Затем, красиво сложив письма, запечатав их воском и печатью с гербом Тьюри, Бригида украсила их тонкими шелковыми зелеными лентами и поспешила вниз, чтобы передать послания слуге, которому доверили такую важную и высокую честь, как корреспонденция хозяев замка.

Коридоры замка были широкими и богато украшенными, на полах лежали слегка потертые красные ковры, а десятки свеч уже были зажжены, наполняя пространство атмосферой таинственности и романтики. Эта обстановка и свечи напомнили Бригиде о прошедшей ночи, и она вдруг покраснела, вспомнив о том, как Вильям лишил ее невинности и о том, как он ласкал ее обнаженную грудь, и как его теплые руки гладили ее тело... Как супруг прижимал ее к своему разгоряченному великолепному телу и заставлял ее робко стонать от долгожданного удовольствия. И пусть за всю ночь он не сказал ей ни слова, эта ночь казалась Бригиде самой благословенной, самой счастливой в ее жизни. Что может быть слаще объятий и ласк любимого мужчины?

— ...если я не смог жениться на той, что желаю, буду довольствоваться той, что сама упала мне в руки, как спелое, но кислое яблоко. — Вдруг услышала девушка, проходя мимо приоткрытой двери.

Это был голос Вильяма, ее супруга.

Бригида тотчас остановилась, проглотила ком, вдруг вставший в горле, и, боясь даже дышать, решила подслушать беседу, имеющую место в соседних покоях, принадлежавших тете ее мужа мисс Агнессе Тьюри.

«Спелое, но кислое яблоко! Так вот, кем, или, вернее, чем он считает меня!» — с болью в сердце подумала девушка, без затруднения поняв речь Вильяма, к тому же, такую прямую и нелестную.

— Слова твои полны злости, но, Вильям, на свадьбе только и шептались о том, какую красавицу-невесту ты себе заполучил. Закрой свое сердце для прошлого и открой его для своей супруги, иначе не будет покоя ни тебе, ни ей, ни всем нам, — мудро ответил Вильяму спокойный голос тети Агнессы.

Этой женщине не было и сорока, но она выглядела намного старше своего возраста: переживания и заботы состарили ее раньше времени, и семь лет назад ее зрение стало ослабевать, сделав ее почти незрячей. Для того, чтобы увидеть вещь, Агнессе приходилось подносить ее совсем близко к своим глазам, однако, умелая рукодельница, она продолжала вышивать и ткать, находя отраду и наслаждение в этих своих любимых занятиях. Агнесса относилась к супруге племянника настороженно, но справедливо отмечала мягкое сердце Бригиды, ее покорность своему супругу и новой семье. Бригида стала замечательной женой для Вильяма, и тот должен снять с себя пелену влюбленности в Альенору Нортон и обратить свои мысли и сердце к той, с кем стоял у брачного алтаря в церкви и кого привел в свой дом, как свою супругу и мать своих будущих детей — так считала мисс Тьюри, сама никогда не познавшая ни счастья быть женой, ни мужских ласк, ни радости быть матерью.

— Да Бог с ней с ее красотой! Она только и знает, что хмурится и молчит! Когда я рассказал ей о переменах в королевском дворце, она перекрестилась с дюжину раз и все повторяла: «Какой позор! Какое святотатство!» — тихо рассмеялся Вильям.

— Ты пьян, мой дорогой мальчик... Отставь-ка от себя кубок и поди-ка к своей жене. Почитайте вместе Библию, обсудите вчерашний и сегодняшний дни...

— Ну, уж нет, лучше пойду прогуляюсь с собаками в парке.

— Возьми с собой Бригиду.

— Пусть остается в замке. Она такая болезненная и нежная, что даже легкий ветерок заставит ее слечь в постель. Поскорее бы она понесла...

— Понесет, мой дорогой мальчик. Она родит тебе ангелов. Она сама ангел, — ласково сказала Агнесса.

— Только этот ангел мне не нужен. Я желаю Дьяволицу! Ведьму! — в сердцах бросил Вильям.

Этих оскорблений Бригида вынести не смогла: она нарочно затопала ногами по ковру, а затем громко постучала в двери.

— Мисс Тьюри? Вы еще не спите? Могу ли я зайти к вам совсем ненадолго? — стараясь говорить спокойно, вымолвила Бригида. Но как трудно было ей притворяться спокойной, когда ее сердце и душа кровоточили от острых и унижительных слов! От слов супруга, которого она так любила, так боготворила!

— Бригида, ты ли это, девочка моя? — тотчас откликнулась Агнесса. — Заходи!

Глубоко вздохнув, Бригида раскрыла дверь, переступила порог покоев, и ее взору предстали мисс Тьюри, сидящая у свечи и занятая вышиванием, а позади нее, у окна, стоял Вильям, с кубком в руке. При появлении супруги Вильям криво усмехнулся и поднял кубок ввысь, словно приветствуя незваную гостью.

— Вы тоже здесь, мой дорогой супруг, — нарочно ласковым голосом заметила Бригида, подходя к Агнессе. — Какая же вы мастерица, мисс Тьюри! Какие мелкие стежки! Какие прекрасные розы! — воскликнула она, наклонившись к работе хозяйки покоев.

— Года, моя милая! Года превращают камни в пыль, а таких неумех, какой я была в молодости, в мастериц! — хохотнула Агнесса, не прекращая своего занятия. — Что тебе понадобилось?

— Помните, вы рассказывали мне об узорах, которыми несколько веков назад вышивали королевские одежды? Поделитесь со мной своим секретом: я желаю расшить для моего дорого мужа с десяток рубашек... — начала было Бригида, но Вильям грубо прервал ее:

— Мне не нужны твои рубашки. Лучше займись гобеленом. Может, к старости закончишь. — Вильям выпил содержимое кубка до дна и со стуком поставил его на каменный подоконник. — Пойду в парк, выгуляю собак отца. А ты, жена, чтоб к моему приходу была в наших покоях и готова встретить меня теплыми объятьями... И не хмурься так! Мне нужна веселая жена! Веселая и полная жизни! А ты похожа на стог сена в дождливом мокром поле!

Он быстро пересек комнату и вышел за дверь.

Агнесса отложила от себя пяльцы и безошибочно нашла ладонь Бригиды.

— Все, что ты услышала сейчас из его уст: забудь! В нем говорит вино, а не разум. Он ценит тебя. Ценит по-своему, — мягко сказала

она. — Я почти слепа, но слух у меня острый, как у старой лисы.

Вместо ответа Бригида крепко сжала ладонь Агнессы. Она едва-едва сдерживала слезы. Такого удара она не ожидала: всегда галантный и сдержанный, Вильям вдруг стал кем-то другим, грубым и невежественным, чужим... Неужели, получив ее, он снял с себя маску и теперь всегда будет таким жестоким и холодным к ней?

— Поплачь, поплачь, моя хорошая! Тебе станет легче! А если Вильям увидит твои слезы, скажем ему, что ты сильно уколола палец, — тихо промолвила Агнесса, и Бригида тотчас упала перед ней на колени, спрятала лицо в складках ее платья и дала волю слезам.

— Такова наша судьба... Судьба всех женщин: оставаться в тени мужчин... Поддерживать и любить их, даже если они не желают ни нашей поддержки, ни нашей любви, — прошептала мисс Тьюри. Ее ладони лежали на плечах Бригиды, а на ее почти незрячих глазах сверкали слезы. — Плачь... Только это нам и остается.

Глава 18

Через три месяца замок Лейккасл ликовал: леди Бригида ожидает ребенка! Рады были все: и Тьюри, и прислуга, которая успела полюбить свою молодую госпожу. Бригида всегда была любезна и добра со всеми, а также не забывала о словах благодарности и улыбке, которые прислуга очень ценила.

Когда Вильям узнал о беременности своей супруги, он принял эту новость сдержанно, однако в душе ликовал: скоро у него родится наследник, а если это будет девочка, она вырастет настоящей красавицей, как ее мать, и ей легко будет найти достойную партию, которая свяжет семейство Тьюри родственными узами с одной из богатых знатных семей королевства. Однако, получив радостную новость и поцеловав Бригиду в лоб, он заявил ей, что отныне между ними не будет ничего, кроме поцелуев и объятий, дабы не навредить будущей матери и еще не родившемуся малышу. С того самого дня брачные отношения между супругами сошли на нет, но Бригида сполна довольствовалась теплом тела Вильяма, спящего рядом с ней, и редкими поцелуями, которые он дарил ей.

Всю беременность Бригиду окружали забота, тепло и уют. С ней носились, как с хрустальным сосудом, и не позволяли ей поднимать ничего тяжелее бумаги и пера, которые она теперь использовала намного чаще, чем раньше: она вела активную переписку с Альенорой, в которой девушки делились друг с другом своими чувствами, мыслями и наблюдениями. Однако, зная, как тяжело было Бригиде принять падение Екатерины Арагонской, мисс Нортон нарочно не писала о политике ни слова, щадя чувства подруги и защищая ее от жестокой правды.

Родители Бригиды также получили от своей дочери письмо, на которое прислали свои «искренние поздравления» и просили назвать ребенка в честь одного из католических святых, на что Вильям громко рассмеялся и пообещал, что этого не случится. Бригида всем сердцем желала девочку, которую назвала бы именем своей любимой королевы, однако Господь подарил ей здорового рыжеволосого мальчика, которого назвали Стефаном, в честь Стефана Тьюри — смелого

рыцаря и основателя рода Тьюри. Роды прошли тяжело: ребенок был крупным, и Бригида мучилась двое суток. Она потеряла много крови, и за ее жизнь молились все обитатели замка, включая ее супруга. Бригида увидела своего сына лишь сутки спустя, когда с нее спала горячка, и она, хоть и белая, как сама Смерть, пришла в себя.

В этот раз Вильям не скрывал свою радость: он долго не спускал сына с рук, отдавая его мокрой кормилице лишь, когда тот начинал кричать от голода. Гордый дед Годфри Тьюри, глава семейства, также не отступал от внука ни на шаг, и даже прослезился, когда, обмыв малыша Стефана, ребенка передали в руки деда. Мисс Агнесса Тьюри также познакомилась с сыном своего племянника сразу после его рождения: она поднесла малыша к самым своим глазам и призналась, что «такого красивого ребенка она никогда раньше не видела». В этот же день в церкви была проведена хлабеная месса. Детей в семействе Тьюри любили и всегда радовались их появлению.

Отныне Бригиду просто боготворили: какая она умница! Какого прекрасного ребенка она принесла своему супругу!

Несмотря на трудные долгие роды Бригида быстро восстановилась, и уже через год после рождения сына вновь забеременела, и 12 сентября 1532 года у четы Тьюри родилась рыжеволосая девочка, которую, по настоянию матери, назвали Екатериной.

Дети росли здоровыми и красивыми, Бригида все так же оставалась стройной: материнство не лишило эту женщину ее редкой красоты. Наоборот: ее глаза светились ярче, волосы стали гуще, и с ее губ не сходила мягкая улыбка. Она была счастлива. Бригида обрела то, о чем мечтала, и не желала большего. И пусть Вильям больше не желал ее, пусть относился к ней, как к сестре, а не как к супруге, леди Тьюри каждый день, в молитве, приносила Господу благодарность за то чудо и счастье, которыми он так милостиво наградил ее. Однако Бригида не знала, как зыбко было это счастье, и как легко все это можно было потерять.

Конец первого тома